

А. Краснов-Левитин

ДЕЛА И ДНИ

А. КРАСНОВ-ЛЕВИТИН

ТРУДЫ И ДНИ

**Обновленческий митрополит
Александр Введенский**

”ПОИСКИ”

© Copyright 1990 by A. Krasnov-Lévitine
Editions «Poiski» 2, rue Henri Koch,
94000 Créteil, France

СТО ЛЕТ

Время сплющивается. Какой огромный срок — сто лет. Это вечность. Когда, бывало, в юности хотели сказать о чем-то давнем, небывалом, говорили: "Это было сто лет назад".

И вот теперь мне 73. И все не так.

100 лет назад, — да ведь это вчера. Один за другим юбилеи. 80-ые годы. Они открылись столетием со дня рождения отца. Потом теток. Потом тех, кого знал в детстве. Моих учителей. Духовных отцов. Старых друзей. Писателей. Проповедников.

И вот 100-летие со дня рождения обновленческого митрополита Александра Ивановича Введенского. 12 сентября 1889 года — 12 сентября 1989 года. Я так хорошо представляю этот день 100 лет назад.

Город Витебск. Русский провинциальный губернский город. В доме местного гимназического

учителя торжество. Родился сын. Первенец. Родился в знаменательный день. 30-го августа по старому стилю. Праздник Святого Благоверного Великого князя Алексагдра Невского. Половина города именинники. И самый главный именинник наверху. Государь-император Александр III. И решено новорожденного назвать Александром. А отец был именинником накануне. Иван Андреевич — статский советник. Учитель греческого и латинского. Преуспевающий. Талантливый. Умница. Будущий директор гимназии. А мама — Зинаида Саввишна. Веселая. Красивая. Всеобщая любимица. Так началась жизнь Александра Ивановича Введенского.

Любил ли я его? По разному.

В юности влюбленность ученика в учителя, в котором не видел ни пятнышка. Гений. Оратор. Непререкаемый судья. К тому же оваянный легендами.

”Митрополит Введенский говорит” — это главный аргумент всегда и вездé.

”Мне нет дела до того, что говорит твой сантиметр Введенский”, — отвечает мой двоюродный брат Жорка, — он на год старше меня: мне 13, ему 14. В ответ — ссора, которая длилась годами. Правда, не только поэтому: не менее пренебрежительно он отзывался о Христе. И даже когда мы уже стали взрослыми, отношения так и остались натянутыми и холостыми. Потом в молодости личное знакомство с вождем обновленчества. Сближение. В Ульяновске. На берегах Волги. Дружба. Фамильярность. Потом ссора. Жестокая обида на вождя, епископа, учителя. А потом и вскоре тяжелая болезнь митрополита Алек-

сандра. Смерть. Все обиды забыты. Воскресла старая любовь.

Теперь 100 лет со дня его рождения — 12 сентября. И 43 года со дня его смерти — 25 июля 1989 года.

Что скажу теперь?

Конечно, старая влюбленность в учителя прошла. Могу оценивать его объективно. Лет 20 назад также ныне покойный архиепископ Киприан Зернов написал мне письмо, в котором давалась довольно язвительная характеристика моим трудам:

”В чем-то Вы перекликаетесь с Вашим учителем Введенским, — писал Владыка, — но у Вас нет его искрящегося таланта и незаурядной эрудиции”.

Слово сказано!

”Искрящийся талант”. Да простят мне нецерковное сравнение: он был как шампанское. Как только что откупоренная бутылка шампанского. Весь в движении, в речах, — и в горячих молитвах, а порой и в горьком рыдании, когда он открыто, всенародно каялся в своих грехах. И в то же время остроумный, быстрый, смешливый, веселый. Ни у кого я не встречал столько живости, ума, энергии.

И ”незаурядная эрудиция”. Никогда не мог понять, как, где он ее приобрел. Энциклопедическая образованность! По образованию филолог. Но и математик. И физик. Самые трудные теоремы, самые сложные задачи он решал легко и быстро. В уме. Эйнштейна он знал так, что специалисты по высшей математике приходили к нему советоваться по вопросам, связанным с теорией относительности. И

музыкант-профессионал. Каждый день четыре часа за роялем. Играл бесчисленное количество вещей. "Пожиратель нот" — назвал его один из профессоров консерватории. Кстати. Московскую консерваторию он окончил уже будучи митрополитом заочно. В 1927 году.

И теперь ему было бы 100 лет. Ему! Которого видел, кажется, вчера. Который стоит у меня перед глазами. Без него моя жизнь была бы другой. Какой? Не знаю. Лучшей. Или худшей. Но другой.

И сейчас, когда недалек уже час нового загробного моего с ним свидания, я чувствую потребность поделиться с читателями своими последними о нем воспоминаниями и теми осколками, которые остались от его творчества.

И еще следует сказать несколько слов.

Александр Введенский был человеком своего времени. Он жил во время великой революции. Он был проповедником великой революции в Церкви. Этим он был предвестником великих Пап 60-ых, 70-ых и 80-ых годов. Иоанна XXIII-великого, благодатного Папы, который перевернул весь строй католической церкви, сделав все, чтобы вернуть ее к апостольским временам. Папы Павла VI, который восстановил древнюю апостольскую литургию. И нынешнего Папы Иоанна-Павла II — странника и проповедника, который недавно во время своего путешествия по Скандинавии провозгласил новую эру в истории христианства.

Митрополит Александр Введенский — их предшественник. И связывает его с ними его любовь к

Христу. Любовь горячая, мистическая, пламенная.

Александр Введенский никогда не был консерватором. Он новатор по натуре. И отсюда его социализм. Социализм христианский. Он начал с сочувствия партии социалистов-революционеров. Затем он пытался отыскать нечто положительное и в советском социализме. Он окончил глубоким разочарованием в сталинском режиме, тоже называвшимся "социализмом". Сталина и Гитлера он не принимал органически, считая обоих воплощением Сатаны.

Но разжимались бессильно руки, слабели силы, наступила смерть...

ОБНОВЛЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ РУССКОЙ ЦЕРКВИ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ — В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Датой основания обновленческого раскола считается 12-ое мая 1922 года — день подписания патриархом Тихоном в Москве, в Троицком подворье, акта о передаче церковной власти на время ареста митрополиту Ярославскому Агафангелу и формирования в Москве Высшего Церковного Управления во главе с епископами Леонидом и Антонином.

Однако уже за несколько лет до этого в России начинается в разных местностях формирование обновленческих группировок, что нашло себе выражение в литературе. Так, уже в 1918 году в городе Пенза была основана группа оппозиционного духовенства во главе с архиепископом Пензенским Владимиром Путята, лишенным сана патриархом Тихоном за грехи против седьмой заповеди (прелюбодеяние), который поднял восстание против патриарха под знаменем обновления церкви, известным под названием "Владимирщина". Этот раскол просуществовал до 1925 года. История и перипетии, связанные с этим расколом, подробно описаны в рукописной работе кандидата богословия Николая Павловича Иванова:

”Раскол архиепископа Владимира (Путяты), — ”Владимирщина”.

Эта работа была написана в 1956 году в Москве. Имела хождение среди церковных людей, была известна Святейшему патриарху Алексию и митрополиту Николаю.

Гораздо большее значение имел так называемый ”Лебедянский инцидент”, также нашедший отражение в литературе. Главным инициатором этого инцидента является священник отец Константин Смирнов. Образованный, начитанный человек, выходец из дворянской семьи, отец Константин производит ряд решительных реформ в богослужении. Вскоре после того, как местный архиерей и патриарх Тихон за самоволие запрещают его в священнослужении, он обращается к патриарху с открытым письмом, которое вскоре было издано отдельной брошюрой. И довольно широко распространялось в России. (См. К. Смирнов. ”Открытое письмо патриарху Тихону”. Лебедянь. 1923 год).

Надо сказать, что еще в дореволюционное время появляются работы будущих корифеев обновленчества, которые в значительной степени предвосхищают их деятельность. Такой является статья Александра Ивановича Введенского ”Причины неверия русской интеллигенции”, напечатанная в журнале ”Странник” за 1911 год. Эта статья составлена на основе анкетного опроса нескольких тысяч человек, который проводился А.И. Введенским (тогда еще студентом Санкт-Петербургского университета), при помощи либеральной газеты ”Русское слово”.

1917-1918 годы

Статьи А.И.Введенского в левоцерковных журналах, выходивших в Петрограде "Голос Христа", "Божья Нива", "Соборный разум", "Вестник труда".

Наиболее известная статья Введенского в это время: "Божественная литургия и Иоанн Кронштадтский" ("Божья Нива", № 3-5, стр. 37-47. Петроград. 1917 год). К этому времени относится основанное священником отцом Евгением Белковым кооперативного издательства.

В конце 1917 года в Петрограде им было основано издательство "Соборный разум" на Лиговке, где был отпечатан ряд брошюр, выражавших взгляды левого духовенства. В этом издательстве вышли следующие брошюры А.И.Введенского: "Паралич церкви", "Социализм и религия" и наиболее содержательная брошюра "Анархизм и религия".

В брошюре "Паралич церкви" Введенский исходит из крылатого выражения Ф.М.Достоевского (См. "Дневник писателя") и ополчается против требоисправительства, превращения христианского священника в жреца, против косности, консерватизма, погружения в быт духовенства.

В брошюре о социализме А.И.Введенский выражает идеи христианского социализма и ратует за создание христианско-социалистической партии (она и была основана и выступила на выборах в Учредительное Собрание под названием "Рабоче-крестьянской христианско-социалистической партии", — ее рогаду вышел на 4-ое место).

Наиболее содержательной является брошюра А.И.Введенского "Христианство и анархизм" (журнал "Соборный разум". Петроград. 1918 год). В первой части автор отмечает внутреннее сродство анархизма с субъективным идеализмом:

"Если Кант, — говорил Введенский, — сравнивает себя с Коперником, то анархисты могут требовать для себя еще более славных венцов, т.к. то, что Кант завоевал для теоретической мысли, они пытаются претворить в конкретный факт". (Стр. 21). Из русских анархистов Введенский цитирует Ф.К. Сологуба (в 1905-1908 годах поэт выступал как мистический анархист), Шатова, Грива и других. Разбирая их взгляды, А.И.Введенский констатирует родство христиан с анархистами в признании бесконечной ценности каждой человеческой личности и цитирует по этому поводу слова Св.Афанасия Великого: "Христос вочеловечился, чтобы мы обоже- ствились".

Далее священник Введенский отмечает полную противоположность анархизма и христианства в методах:

"Христианство никогда не скажет: как можно больше динамита! Оно выведет другое требование: как можно больше любви! Любовь, — пусть это будет тот динамит, который взорвет всю неправду социальной действительности! Любовь, — пусть это будет тот огонь, в котором сгорит все мешающее подлинной, поистине божественной свободе человека! Тогда на земле не только будут царить, как об этом мечтает анархист Грива, "справедливость" и "свобо-

да”, которые он пишет с большой буквы, но будет рай”. (Стр. 47).

И в то же время выходит еще несколько работ, принадлежавших перу виднейших идеологов обновленчества. Особое впечатление на тогдашнюю студенческую молодежь произвели работы священника отца Иоанна Федоровича Егорова: “Православие и жизнь в нем” (Петроград. 1918 год), посвященная проблеме преподавания закона Божия. Отец Иоанн Егоров с большой силой говорит о необходимости для церкви быть в гуще жизни, всегда и всюду отстаивать справедливость. Он предвидит возникновение великого вселенского религиозного движения, которое стихийно возникнет в массах и охватит весь мир. Он горячо говорит о счастье быть течей религиозного возрождения и обновления человечества. Вдохновенному пастырю не суждено было прожить долго. Он умер через два года после издания своих книг, в 1920 году, от сыпного тифа, успев оставить после себя особое течение. “Религия в сочетании с жизнью”, которое просуществовало до 1927 года. Однако своими прозрениями отец Иоанн Федорович Егоров обеспечил себе светлую память в грядущих поколениях, которые разыщут и высоко поднимут его имя.

В эту эпоху в издательстве “Соборный разум” выходит книга Александра Ивановича Боярского “Церковь и демократия. Спутник христианских демократов” (Петроград. 1918 год). Александр Боярский — это не только один из основателей и наиболее известных лидеров обновленчества, но единст-

венный из лидеров обновленчества, который умер мученически. (Он был арестован в 1934 году и без вести пропал, — видимо, был расстрелян в 1937 году). Книга "Церковь и демократия" отличается наиболее практическим подходом к социальным вопросам. Она начинается с обзора положения до революции: автор констатирует, что она была в угнетенном положении, превращенная в служанку правящих классов, изолированную от борьбы за интересы народных масс. Автор указывает, что церковь пользуется в народе огромным авторитетом. Поэтому церковь должна принимать активное участие в строительстве новой жизни.

"Без Христа, — заявляет автор, — не было и не будет истинной свободы, равенства, братства" (Стр. 14).

Политическая платформа разворачивается отцом Боярским в 4-ой главе: "Современные политико-экономические вопросы при свете христианского церковного сознания".

"Церковь Христова, — начинается глава, — содержащая всю полноту Христовой Вечной Истины, не может низводиться до уровня политической партии" (Стр. 17). "Однако церковное сознание имеет свое мнение о насущных вопросах, и это мнение может быть выражено в следующих 13-ти пунктах". (Стр. 31). Далее следует изложение политической программы отца Александра Боярского.

В этих 13-ти пунктах отец Боярский высказывается за конфискацию фабрик, заводов и помещичьей земли в пользу общественной собственности.

Против какого бы то ни было богатства. Особенно колоритен пункт 8-ой. Он называется: "Богатство и бедность". Здесь доказывается, что истинный христианин не может быть богатым. Подтверждая это положение евангельскими текстами, отец Боярский остроумно замечает, что если какой-нибудь капиталист захочет руководствоваться христианскими нормами, он разорится ровно через два дня. Отец Боярский был широко известен под прозвищем "рабочий батюшка". Он служил в рабочем поселке в Колпине (рабочий поселок под Петроградом) и был очень популярен среди рабочих тогдашнего Ижорского завода. Его программа, в сущности, вполне совпадает с программой эсеровской партии или левых социал-демократов. Отличием программы отца Боярского от программ этих партий является только тринадцатый пункт, который озаглавлен: "Методы борьбы со злом". Сущность этого пункта может быть выражена одной фразой: "исключительно мирные методы". (Там же. Стр. 32).

Крупнейшим церковным писателем и ученым был также другой, один из авторитетнейших вождей левоцерковного движения:

Епископ Антонин Грановский

Здесь следует упомянуть прежде всего о его магистерской диссертации "Книга пророка Варуха".

(Репродукция. Санкт-Петербург. 1902 год), защищенной им на заседании Совета Киевской Духовной Академии 18-го декабря 1902 года. Эта книга является событием не только в русской, но и в мировой экзегетике.

Как известно, книга пророка Варуха дошла до нас в греческом переводе и поэтому не принадлежит к каноническим книгам Ветхого Завета. Попытки немецких экзегетов Френкеля и Пресснера воспроизвести еврейский оригинал, основываясь на анализе греческого текста, не дали никаких положительных результатов. Эту же задачу поставил перед собой Антонин. Не ограничиваясь, однако, греческим текстом, Антонин привлек тексты сирский-пешито, сиро-зигзапический, арабский, эфиопский, армянский и грузинский. Основываясь на этих текстах (по его мнению, более древних, чем греческий текст, и более близкий, чем он, к подлиннику), Антонин реставрирует древний еврейский пратекст, который помещен в конце его труда. (Стр. 396-404). Восстановленный таким образом через несколько тысячелетий оригинал произвел сенсацию не только в христианских, но и в еврейских кругах.

Церковный раскол вызвал в свою очередь целый поток соответствующей литературы. За несколько месяцев до раскола, когда вопрос о помощи голодающим в Поволжье дискутировался на столбцах не только советской, но и мировой прес-

сы, в Москве начал издаваться журнал "Живая Церковь". Это название дало впоследствии имя одной из самых радикальных группировок в расколе, а затем и в быту. Так стало называться обновленческое движение, возникшее в 1922 году. Причем в настоящее время никто уже не помнит имя человека, которому принадлежит этот термин.

В книге Анатолия Левитина и Вадима Шаврова об этом говорится так: рассказывая о прибытии в Москву из Петрограда будущих членов Высшего Церковного Управления: Введенского, Красницкого и Белкова, совершивших церковный переворот, авторы замечают:

"Легче всего удалось договориться с С.Калиновским. Настоятель Гребневской церкви, что на Лубянке, который через несколько месяцев снял с себя сан и преобразился в антирелигиозного лектора, информировал своих собеседников о том, что в ближайшее время из печати выйдет первый номер основанного им журнала "Живая Церковь", по поводу которого он уже давно вел переписку с петроградцами. Тут же было решено, что новое движение будет называться "Живая Церковь". Есть что-то символическое в том, что это название, столь сильно скомпрометированное последствиями, было придумано ренегатом, — правда, обновленческое движение носило официально это название недолго, но в быту эпитет "живоцерковник" как позорное пятно остался за обновленцами навсегда".

(Анатолий Левитин и Вадим Шавров. "Очерки по истории русской церковной смуты" в 3-х томах.

Изд. Institut «Glaube in der 2. Welt». Kusunacht. 1978, Band I, S. 79.)

Чтобы иностранному читателю был понятен смысл последней фразы, надо прибавить, что эта группа была первой, которая открыла дорогу русскому духовенству в ГПУ-КГБ в качестве агентов.

Как бы то ни было, с мая 1922 года по август 1923 года журнал "Живая Церковь", издававшийся в Москве, был официальным органом раскола. Он выходил ежемесячно, — и всего вышло 16 номеров. Редакторами журнала были поочередно священник Сергей Калиновский и священник Зиновий Белков. Журнал печатал статьи руководящих деятелей обновленческого (живоцерковного) движения, очень подробно освещал все перипетии тогдашней церковной жизни (хотя, разумеется, тенденциозно). И поэтому имеет первостепенное значение для историков этого времени.

---- -----

В эти годы интерес к церкви стал всеобщим. Проявлением этого интереса следует считать обилие церковных журналов. Наряду с центральным органом "Живая Церковь" в Москве, такой же журнал начинает издаваться в Киеве. Здесь живоцерковникам приходилось бороться на два фронта: не только против староцерковников, но и против так называемой "липковщины". Так называли в быту группу украинских священников, возглавлявшихся совершенно неканоничным "митрополитом" Липков-

ским, которые отстаивали идеи украинской самостоятельности. Впрочем, этот журнал выпустил всего несколько номеров.

В Ленинграде в 1923 году возобновляется церковный журнал под названием "Соборный разум". Причем сразу возникает коллизия: если журнал "Живая Церковь" в Москве отражал точку зрения Красницкого, который отстаивал интересы белого духовенства в его борьбе с епископатом, то журнал "Соборный разум" отражал взгляды группы А.И. Боярского и А.И. Введенского, который на короткое время вновь переехал в Питер, и после ранения фанатичкой ударом камня в голову во время процесса митрополита Вениамина, отстранился от участия в Высшем Церковном Управлении.

Журнал требовал более глубокой церковной реформы. Он интересовался, в основном, идеологическими вопросами и порицал административные методы, которыми в основном (в тесном контакте с ГПУ) действовала московская группа "Живая Церковь" и в первую очередь Красницкий.

В это же время в городе Самаре начинает выходить живоцерковный журнал "Самарские Епархиальные ведомости", издателем и главным редактором которого был обновленческий епископ, а впоследствии митрополит Александр Анисимов.

В Вологде начинает издаваться обновленческий журнал "Церковное знамя", который вышел несколькими номерами. Здесь авторитет Живой церкви подрезживается тем, что во главе Вологодской епархии стоял местный архиерей (дореволюционно-

го поставления) архиепископ Александр Надеждин.

С 1925 года в Вологде стал выходить церковный журнал под редакцией священника отца Рафаила Бурачка "Церковная заря".

Некоторой популярностью пользовался журнал архиепископа Александра Анисимова, человека одиозной репутации, но талантливого. Его журнал "Самарские Епархиальные ведомости" очень полно освещал церковную жизнь Поволжья.

Аналогичный журнал одно время издавался (впрочем, вышло только три номера) в Ульяновске, где обновленческую епархию возглавлял умный и просвещенный епископ Иоанн Никольский. Ульяновский журнал представлял собой своеобразное явление: уже название было оригинальным: "Ульяновский Епархиальный листок". Помимо редакторских статей, журнал пестрел броскими лозунгами: "В единстве — духовная сила Церкви" (Стр. 9). "Хотите блага Церкви и себе, идите за Священным Синодом" и т.д.

В 1924 году во Владимире вышел тиражом в 1000 экземпляров журнал "Церковная жизнь" под редакцией архиепископа Серафима Руженцова.

В 1925 году в Туле выходил под редакцией В.М.Никольского журнал "Тульские Епархиальные ведомости".

Однако главными печатными органами являлись журналы, выходившие в Москве и Рязани.

В Москве после событий 1923-1924 годов: освобождения патриарха Тихона из заключения, преобразования Высшего Церковного Управления в

Священный Синод Русской Православной Церкви и прихода к власти митрополита Евдокима, стал издаваться многостраничный и прекрасно оформленный журнал "Вестник Священного Синода Русской Православной Церкви", выходявшей вплоть до 1930 года. В это время А.И. Введенский в значительной мере (как одиозная личность) был отстранен от руководства и его статьи и речи печатаются с большими оговорками.

Однако в 1925 году начинает выходить в Рязани под руководством архиепископа Михаила Попова новый журнал "Церковное обновление". "Церковное обновление" официально считалось органом Рязанского Епархиального Совета. Однако его значение выходит далеко за местные рамки.

Рассматривая этот журнал сейчас (через шестьдесят с лишком лет), можно сказать, что он не теряет своего интереса и для современного читателя. Этому он в значительной мере обязан двум людям: местному обновленческому Владыке Михаилу Попову и митрополиту Александру Введенскому.

Что касается Владыки Михаила, то он является одним из самых просвещенных и широко образованных представителей духовенства. Магистр Петербургской Духовной Академии, Владыка Михаил еще в начале века был известен как автор фундаментальных исследований "Церковь во время Великой Французской революции". А также при Наполеоне. Человек в быту исключительно скромный и незаметный, Владыка был очень талантливым литератором и образованным человеком. Он велико-

лепно поставил журнал "Церковное обновление", напечатал там множество актуальных материалов и исторических фактов. Там, между прочим, напечатан ряд статей о Георгии Гапоне, принадлежащих его товарищу по Духовной Академии.

Что касается митрополита А.И.Введенского, то здесь напечатаны не только его статьи, посвященные практическим вопросам, но и его философские исследования.

А.И.Введенский в это время увлекается произведениями французского философа Анри Бергсона. Его философию "Жизненного импульса и интуитивизма" он считает основой богословия XX века. И основываясь на этой философии, он пропагандирует ее в своих выступлениях на диспутах с Луначарским.

Этот журнал просуществовал только два года: с 1924 по 1926 год, однако, он заслуживает того, чтобы память о нем сохранилась у церковных людей.

Много писали об обновленческом расколе и официальные публицисты. Главным специалистом по церковным вопросам в те времена считался некто Михаил Горев, подвизавшийся в "Известиях". Здесь мы не можем отказаться от искушения процитировать нашу работу, посвященную обновленческому расколу. Рассказывая об изъятии церковных ценностей якобы в пользу голодающих, мы писали:

"Когда люди в кожаных куртках вошли в храм, чтобы изъять серебряные и золотые чаши, масса верующих бросилась на защиту ценностей, волна

инцидентов прокатилась по всей стране. На столбцах газет появились громкие статьи против церковников, начались аресты священников, — вся церковь пришла в движение. Карьеристы и конъюнктурщики, как всегда, еще более накаляли атмосферу, стремясь во что бы то ни стало заработать на этом политический капитал. Особенно лез из кожи некий Михаил Горев, статьи которого, наполненные призывами к расправе с духовенством, не сходили тогда со столбцов центральной прессы. Читатели его статей, злобных и хлестких, вероятно, очень удивились бы, если б узнали, что всего четыре года назад антирелигиозный вития сам был священником. Мало того, священник Галкин, писавший после революции под псевдонимом Михаил Горев, был в свое время приближенным митрополита Питирима и всегдашним у "благочестивого старца" Распутина..." (Анатолий Левитин и Вадим Шавров. "Очерки по истории русской церковной смуты". Куснахт. 1978 год. Том 1. Стр. 58).

В 1927 году бывший священник пишет интересное исследование о последних днях царского режима: "Последний святой" — историю канонизации Святого Иоанна Тобольского (1916 год). Эта книга, написанная в стиле хлесткого бульварного романа, печаталась в 1927 году в журнале "Огонек" и впоследствии вышла отдельным изданием. Этот бульварный писатель печатал в "Правде" и в "Известиях" статьи о церковном расколе, причем свысока поучал деятелей раскола, что им следует делать.

Много писал (в более приличном тоне) о рас-

коле старый большевик Скворцов-Степанов, работавший тогда в качестве редактора "Известий" — органа ЦИК и ВЦИК.

И в то же время выходит ряд книг, посвященных церковному перевороту. Первым, кто выступил на этом поприще, являлся известный церковный историк профессор Борис Владимирович Титлинов. Б.В.Титлинов являлся в те времена довольно известной личностью. В дореволюционное время он был профессором Петербургской Духовной Академии, доктором церковной истории. Его специальностью была церковная история XVII-XVIII веков. Старообрядчество в России в те времена. Он имел репутацию либерала. Поэтому после революции он становится церковным деятелем, близким к "революционному" обер-прокурору В.Н. Львову. Он является также одним из деятелей организованного в 1917 году "Союза демократического духовенства" и членом Поместного Собора Российской Православной Церкви в 1917-1918 годах.

Книга Б.В.Титлинова "Новая Церковь", вышедшая из печати в 1922 году, является одним из первых откликов на церковный раскол. Объективно, с подчеркнутой нейтральностью, он излагает ход событий. Говоря о положении Церкви в России, он не скрывает ее тяжелого положения. Заканчивается книга пессимистическим аккордом:

"Медленно, но верно идет Церковь в России к своему полному упадку".

Впоследствии Борис Владимирович был профессором Богословского Института (обновленче-

ского) в Петрограде. В свое время, в государственном издательстве, ему удалось выпустить несколько книг по своей специальности: "Политическая борьба молодежи в духовно-учебных заведениях" (1926 год) и "Церковь во время революции" (1927 год) — воспоминания о Соборе 1917-1918 годов, а также книгу, изданную большим тиражом и взятую на щит антирелигиозной пропагандой: "Православие на службе самодержавия", в которой содержится летопись контрреволюционной деятельности Церкви в XX веке.

Однако на первом плане надо поставить, конечно, деятельность в 20-х годах прославленного обновленческого "Златоуста", как его называли поклонники, — обновленческого митрополита Александра Ивановича Введенского. Его первым печатным трудом в 20-е годы была небольшая, но яркая книга: "Церковь и революция" (Петроград. 1923 год). Эта брошюра является стенограммой доклада, который сделал знаменитый оратор в Петрограде, в Таврическом дворце 4-го июня 1922 года, в праздник Троицы. Эта речь представляет собой великолепное художественное произведение. Она звучит даже в стенограмме. Он призывает в возрождению, обновлению христианства. Чтобы дать представление читателю о речи Введенского, приведем из нее большой отрывок. Яркими и броскими мазками изображает автор трагедию христианства, открывшего духовную весну в человечестве, а потом присвоенную и оскверненную сильными мира сего:

"Церковь Христова, церковь Господня выхо-

дит перед нами юной, прекрасной девушкой, — пламенно импровизировал оратор, — в светозарной одежде, с белыми лилиями в руке, как ясен ее взор, сколько огня любви в ее поступках. И мы видим это победное шествие юной невесты Христовой. Церковь Христова вошла в мир, чтобы из вертепа, из кабака сделать его светоносным чертогом нездешней правды... А ведь, в сущности, предприятие Апостолов — будем говорить языком человеческим — было по своему замыслу безумием: 12 рыбаков, малограмотных, закидывающих свои неводы в спокойные галилейские воды, выходят со всемирным неводом поймать все человечество. Перед ними был гордый Рим, перед ними были культурные Афины, против них была вся цивилизация, все Платоны с их достижениями, вся красота античной культуры, вся мощь римской государственности и, наконец, весь пышный букет мистических и иных ересей и сект, что такой волной заливают римское государство к моменту появления христианства.

Какое новое слово могло христианство сказать миру? Какую новую правду, новую истину могли эти грязные, неученые 12 галилейских рыбаков представить? И помните то слово, с которым вышел к Господину Истины античный мир в лице Пилата? Вот перед ним стоит Истина, сама Истина, вся сплошь написанная огненными заглавными буквами, а скептический, холодный ум много думавшего, много видевшего и ничему не верившего римлянина холодно бросает: что есть истина? И не ожидая ответа, поворачивается Пилат, чтобы осудить Христа.

Разве мы не имели все основания полагать, что, когда ученики этой единой Истины, конечно, без конца слабейшие, чем сама эта Истина, выйдут и скажут не одному Пилату, а всем Пилатам, всей античности: с нами истина, то вот эта античность должна была бы также повернуться спиной к этим галилейским рыбакам и сказать: что есть истина? А мы видим, наоборот, мы видим, как шатается престол за престолом в римском государстве, как одна попытка за другой задушить христианство кончается ничем. Мы видим Домицианов и Диоклетианов с сверкающим мечом, чтобы сразить зарвавшихся безумцев, и мы слышим из глубины веков, слышим этот звон, трагический и страшный, с которым падают эти мечи из рук Домицианов и Диоклетианов. Кто вырвал этот меч? Какой новый меч противопоставило христианство этой силе язычества? Та же самая истина, ибо если апостолы были слабы как человеки, если они были иногда просто неграмотны, они были теми, кто верили в истину, шли за истиной, обладали истиной, и эта истина победила мир. Это была истина любви. Они бросили в мир это благословенное имя Непостижимого Бога — Любовь. Это так просто. Это так просто, но и так трудно; это так трудно, но и так радостно; это так радостно и так пленительно, что весь мир поверил этому, — и к IV веку мы видим у ног Иисуса Христа склоненным весь мир... Так было. А дальше? Дальше случилось роковое, неизбежное — раз это было — ибо в истории нет ничего случайного. Это знаем все мы — и верующие, и неверующие. Мы видим, как подошли к Церкви Господ-

ней льстивые, как подошли к Церкви Господней лукавые, как подошли к Церкви Иисусовой не любившие ее, а тодько сказавшие: люблю тебя. Или, как прекрасно заметил один учитель христианский: "За церковь Господней стали ухаживать не ради ее красоты, а ради ее приданого". Церковь стала такой огромной силой, что из политических соображений стало в высокой степени важным для византийских императоров видеть в церкви не некоторую, хотя бы и священную оппозицию, но свою сначала союзницу, а потом... пленницу; оковало государство церковь, и на белоснежные одежды невесты Господней — смотрите внимательно! — накладывались кандалы и цепи. К церкви Господней подходят все эти византийские, лонгобардские, франкские монархи, они приносят добычу — золото и серебро — и те драгоценности, что в неправедных боях добывали силой воинской, они приносят ей, как дар, они золотят ее купола, они драгоценностями расцвечивают ее стены, они дают ей бесконечное количество земель и рабов, но... посмотри, разве ты не видишь, когда какой-либо льстивый император целует благоговейным поцелуем руку невесты Господней, он в то же время накладывает на нее кандалы и цепи, пусть золотые... Церковь попадает в плен к государству. Церковь держится скованной, в клетке. Да. Это клетка громадная, она такая большая, что может показаться, что ее нет... Да, кандалы, оковы и цепи, они не железные, не стальные, чтобы сразу было видно это безобразие. Они, может быть, подобны тонкой паутинке золотой ниточки,

но она металлическая и держит крепко.

И попала птица Господня в руки человеческие, и не могла она больше взлететь орлиными крыльями своими, не могла парить она больше над миром и возвещать Миру правду". (Прот. А.Введенский. "Церковь и революция". Петроград. 1923 год. Стр. 4-5).

В ораторском блеске тонула не совсем приглядная действительность церковного раскола, опиравшегося на ГПУ, о которой пришлось рассказывать в конце доклада.

Следующей вехой в творчестве Введенского была речь на Обновленческом Соборе в 1923 году, изданная также отдельной брошюрой: "За что лишили сана патриарха Тихона" (Москва. 1923 год).

"Когда читаешь доклад А.И.Введенского, кажется, что ты все время переворачиваешь, то одним, то другим концом подзорную трубу: столько в этом докладе большого, правдивого, — и в то же время столько здесь мелкого, пустого, лживого..." — замечает один из учеников А.И.Введенского, пишущий эти строки. (См. Анатолий Левитин и Вадим Шавров. "Очерки..." 1977 год. Том 2. Стр. 95).

То, что говорилось выше по поводу доклада А.И.Введенского в Таврическом дворце, еще в большей степени применимо к его докладу на Соборе. В начале доклада, где оратор огненными словами обличает неправду жизни, — это гениальные страницы. Вторая часть его речи, где он топчет поверженного и требует лишения сана заключенного патриарха — производит отвратительное впечатление. И здесь

приходится вспомнить слова одного из официальных документов, исходящего от советского правительства:

”Есть только одно лицо более презренное, чем палач — это слуга палача”. Эти слова принадлежат Сталину и содержатся в одной из нот на имя югославского правительства, отправленной в 1950 году Сталиным. Не очень уважал обер-палач своих подручных — ”слуг палача”. Поэтому победу Введенского на Соборе можно назвать ”пирровой” победой.

1923 год — это в какой-то мере вершина в творчестве А.И.Введенского. Именно к этому времени относится издание довольно значительным тиражом двух его книг: ”Церковь патриарха Тихона” и ”Церковь и государство”.

”Церковь патриарха Тихона” была издана тиражом в пять тысяч, а исторический труд Введенского ”Церковь и государство” тиражом в восемь тысяч экземпляров.

”Церковь патриарха Тихона” является развернутым обоснованием происшедшего раскола. Во вступлении содержится резкая полемика со сторонниками патриарха Тихона. Как явствует из этого предисловия, книга, запоздавшая с изданием, написана еще до обновленческого Собора. Будучи воспитанником Петербургского университета, Введенский довольно объективно излагает точку зрения своих оппонентов, сторонников находящегося в заключении патриарха.

”Ниже напечатанные страницы расскажут это (т.е. о церковном расколе. — Анат. Л.-К.), читателю. Но я боюсь, что читая эти страницы, многие (а, может быть, очень многие) не найдут в церкви патриарха Тихона ничего такого, что испугало бы их, морально убило бы. Наоборот, для многих фигура патриарха Тихона вырастает в грандиозные формы. Их, может быть, окончательно пленит эта фигура. Я хочу быть откровенным, хочу указать на неожиданный как будто бы результат работы. Я противопоставляю церковь патриарха Тихона церкви Христа Спасителя. И все-таки Тихон герой? Да, если хотите! И даже довольно большой.

Но для тех, кому нет дела до Христа и Его подлинной церкви” (Протоиерей А.И.Введенский. ”Церковь патриарха Тихона”. Москва. 1923 г. Стр.7)

На протяжении книги автор доказывает, что Собор 1917-1918 годов и избрание на Соборе Тихона патриархом было реакцией государственной церкви, пропитанной монархическим настроением на русскую революцию. Февральскую и Октябрьскую. Значительная часть книги (Стр. 32-77) представляет собой отрывки из стенограммы Собора 1917-1918 годов и представляют большой интерес для церковного историка, поскольку никогда и нигде до этого не публиковались.

Основная мысль книги — Русская Церковь всегда была глубоко монархической церковью. Образ православного государя в какой-то мере заслонял в ней образ Христа. Поэтому церковный переворот 1922 года является закономерной христанской

революцией против монархического засилия в церкви.

Дилемма такова: с церковью Тихона против церкви Христа, или с с.Христом против Тихона.

Главным историческим трудом Введенского является работа "Церковь и государство". Очерк взаимоотношений церкви и государства в России 1918-1922 годов. (Москва. Изд. Мосполитграфа. 1923 год. Тираж 8 тысяч экземпляров).

Эта книга имела довольно широкое распространение и довольно часто цитировалась в 20-ые и 30-ые годы в печатных изданиях, посвященных этой теме, т.к. в ней собран очень обширный материал об отношениях церкви и советского государства в этот период. Характерно, что до самого последнего времени это была единственная из книг А.И.Введенского, которая находилась в строгом "спехране", не выдавалась читателям ни в библиотеке им. Ленина в Москве, ни в ленинградской Публичной библиотеке, ни в библиотеке Академии наук СССР.

В предисловии автор формулирует главную задачу своей книги. Она такая же, как и книга "Церковь патриарха Тихона" — показать контрреволюционность и воинствующий монархизм Русской Церкви. И в заключение сделать вывод о необходимости церковного переворота:

"Церковь была оплотом монархии, — пишет Введенский, — когда монархия рухнула, церковь повисла в воздухе. Идеальное назначение церкви — осуществлять на земле учение Христово — церковь, в лице ее ответственных руководителей, давно

было забыто. Монархии теперь нет. Революция смяла ее. Что же делать? И вот, в период весны 1917 года церковь мечется. Лучшие (не очень многочисленные) силы церкви хотят поставить церковь не во враждебные, а в дружеские отношения с освобожденным народом. Но сильна мрачная реакция в церкви. Она притаилась. Но скоро поднимет голову свою. По мере развития революции все реакционные силы сплываются около церкви. И быстро тонет в бездне церковной контрреволюции маленькая лодочка подлинной евангельской традиции. Церковь решается восстановить в России былую национальную славу и мощь. Под этим углом зрения ведется вся предсоборная работа, с надеждой на это работает предсоборное совещание, а также работает сам Собор: он есть церковно-политическое собрание, а не чисто религиозное". (Прот. А.Введенский. "Церковь и государство". Москва. 1923 год. Стр. 3).

В первой главе своего исследования А.И.Введенский с присущим ему талантом и блеском раскрывает противоестественный союз церкви с самодержавием в предреволюционные годы. Он много пишет о Распутине, о его зловещем влиянии на церковь и происшедший из-за этого компрометации церкви. Он рассказывает также и о небольшой группе сторонников обновления церкви. И о знаменитом проповеднике отце Григории Петрове. И о его травле церковной реакцией. Далее автор описывает впечатление, произведенное в церкви Февральской революцией (Стр. 7).

Вторая глава называется "Церковь в период

Февральской революции до Собора 15-го августа 1917 года” (Стр. 39-52). Здесь он рассказывает о возникновении прогрессивного духовенства. Он, в частности, упоминает о создании Союза демократического духовенства:

”Только небольшая струя духовенства и мирян, объединившаяся в упомянутый Всероссийский Союз демократического духовенства и мирян, определенно говорила о необходимости сокрушения капиталистического строя, о ликвидации капитала во имя Христа. Для огромного большинства это было непонятно, ненужно, вредно, опасно. Уже работающий в то время Ленин для этих прогрессистов является символом ложного, недолжного. Так, прогрессивный церковный публицист Соколов 25-го мая, говоря о ”вредных” церковных деятелях, называет их в своей статье ”Ленины в церкви” (Стр. 39).

Вспоминая споры с князем Евгением Николаевичем Трубецким — церковным либералом, знаменитым философом, А.И.Введенский высказывает весьма радикальные взгляды, которые он вряд ли выражал бы в дореволюционное время, когда был военным священником, и которые он не высказал бы через 20 лет, во время Отечественной войны, когда он был настроен очень патриотически:

”Многие церковники признавали в то время необходимость сохранения завоевания революции организованным сопротивлением врагам ее... Родина **ДЛЯ ХРИСТИАНИНА ЕСТЬ ПУСТЯКИ, НИЧТО, ИБО ОН ГРАЖДАНИН ВСЕЛЕННОЙ. НАЦИЯ ДЛЯ**

ХРИСТИАНИНА ЕСТЬ НИЧТО (курсив мой. Анатолий Л.-К.), ИБО ОН ЕСТЬ ЧАСТЬ НЕ НАЦИИ, А ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. Поэтому национальные и государственные задачи для христианина, как таковые, не существуют. Более того, — это задачи для него чужие, политические. Между тем, устами Трубецкого (о, как это потом будет часто повторяться!) заговорила иная церковность, квази-церковность, церковность политическая, церковность государственная”. (Там же. Ст. 40.)

Действительно, Введенский в это время (летом 1917 года) был членом Республиканского Совета, так называемого ”предпарламента”, где примыкал к социалистическому крылу и стремился к основанию в России христианско-социалистической партии.

Далее Введенский приводит читателя к открытию Поместного Собора Русской Православной Церкви. Здесь начинаются исторические главы, без которых не может обойтись ни один историк церкви, т.к. они написаны на основе протоколов Собора, которые нигде и никогда напечатаны не были. Между тем, они имеют первостепенное значение для истории церкви.

Через 40 лет после написания книги ”Церковь и государство”, в 1963 году, митрополит Никодим Ротов мне будет говорить о том, что он собирается писать магистерскую диссертацию о Соборе Русской Церкви 1917-1918 годов и сообщил мне, что он использует при этом протоколы Собора, которых у него вот столько: он показал рукой на два метра от

пола, — с тех пор прошло уже четверть века, митрополит Никодим написал магистерскую диссертацию на совсем другую тему (о Папе Иоанне XXIII), и его уже тоже более 10 лет нет в живых, а книга Введенского так и остается единственным источником наших знаний о Соборе. В книге Введенского наряду с обширными сведениями о Соборе, подробном изложении Собора, сведениями о восстановлении патриаршества и в то же время о том, что происходило вне Собора, о расстреле Крестного хода в Пензе, о жизни церкви в Гражданскую войну — повествуется ярко и красочно. Удивительный талант был у этого человека: о чем бы он ни писал, о чем бы он ни говорил, — все выходило замечательно. Здесь он выступает как историк тогда еще недавнего прошлого. И выходит увлекательно, живо читается, как роман. Оканчивается книга актуальной главой, где рассказывается о церковном перевороте 1922 года.

Главным творческим подвигом А.И.Введенского в 20-ые годы были выступления на антирелигиозных диспутах. Эти диспуты были чем-то стихийным. Помимо официальной апробации, они буквально затопили Россию. От Москвы и Ленинграда, от Сибири до Кавказа, от Украины до Средней Азии, — они проходили всюду и везде.

А.И.Введенский был главным оппонентом везде, — начиная со столиц, где он был главным оппонентом А.В.Луначарского и кончая провинциальными

ми городами, где его оппонентами были профессора-диаматчики и старые коммунисты, — Введенский обычно выступал как главный оппонент. Конечно, наряду с Введенским выступали и другие деятели: епископ Антонин Грановский, Боярский, Красницкий, епископ Иларион Троицкий, — но главным лицом на диспутах всегда был Введенский. Эти диспуты оставили память в народе. Даже самые ярые враги Введенского признавали его силу и его заслуги:

”Люди, которые приходили на диспут с желанием посмотреть, как будут ”сажать в лужу” попа, уходили с диспута другими”, — говорил протоиерей отец Константин Ружицкий, ректор Московской Духовной Академии, пишущему эти строки в 1962 году.

Эти диспуты были запечатлены и в художественной литературе. В частности, образ Введенского запечатлел известный советский писатель Н.К. Чуковский в своем романе ”Юность”.

”Священник был очень худ, высок, слегка сутул, — читаем мы в этом романе, — наружность его показалась даже довольно странной, и, как он внимательно к нему приглядывался, — красивое, молодое, нерусское лицо. Армянин что ли или грек? Острая подстриженная бородка чрезвычайной черноты. Горбатый, пригнутый нос, очень тонкие смуглые щеки, большие зеленые глаза с необыкновенным блеском... черные вьющиеся волосы из-под серой шляпы. ”Наша цель — конкордат, — сказал священник, — и на конкордат они пойдут”. (Н. Чуковский. ”Юность”. Ленинград. 1930 год. Стр. 128-129).

Обстановку на диспутах также очень колоритно описывает тогдашняя популярная пистельница Ольга Форш.

”Темно в окнах. Взволнованы, — читаем мы в ее рассказе ”Живцы”, — необычны солдатские лица, бороды староверов рядом с матросами и буденовскими шапками. Полна зала вздохов, волнений. То тут, то там возгласы... На эстраде либеральный ”рабочий батюшка” (конечно, Боярский). Кричит одна: ”Перекрестись, батюшка, священнику речь крестом начинать”. Вскинув назад волосы, чуть улыбнувшись, перекрестился рабочий батюшка... Говорит главный (Введенский) в черном подряснике, в белых башмаках. Крест кокетливо на белой цепочке, чуть-чуть, как брелок. Революционно, нет, митингово говорит об изъятии ценностей, о черносотенной пропаганде, о Соборе в Карловцах, где духовенству предложена была тактика белых генералов: восстановить дом Романовых. От быстроты то вздетых, то опущенных рук струятся складки подрясника, широкий рукав обшелкивает запястье, голос пронизительно бьет по слуху. В конце речи он побеждает, большинство вовлекается в истерический вихрь его... Протоиерей кончил речь. Вдруг, побледневший, он воскликнул: ”какая гибель, какая пустота в душе без Христа!” Как-то покачнулся, минуту казалось, упадет и забьется. Нет, дошел. Сел и вдруг жалко улыбнулся. Улыбка, беспомощная и замученная, на миг сделала его похожим на одного из апостолов Врубеля”. (О.Форш. ”Летошний снег”. Сборник рассказов. Москва-Ленинград. 1925 год. Рассказ ”Живцы”. Стр. 113).

Очень талантливая зарисовка митрополита Александра Введенского содержится так же в книге Варлама Шаламова "Воскрешение лиственницы". (Имка-Пресс. Париж. 1985 год).

Сын вологодского священника-обновленца, Варлам Шаламов встречался в юности с обновленческим митрополитом Александром много раз: видел его он и в Вологде, и в Москве, наблюдал его и во время службы (он правильно отмечает экстатический и мистический характер его служения) и в быту. Он был у него на диспуте, ему приходилось слышать самых выдающихся ораторов своего времени: и Троцкого, и Бухарина, и Луначарского, — и он правильно указывает, что Введенский среди них должен быть признан самым выдающимся.

К сожалению, у нас мало осталось стенограмм речей А.И.Введенского на диспутах. Но даже и то, что дошло до нас, свидетельствует о мощи его таланта. Такова книга "Диспут с Луначарским на тему: "Иисус ичи Христос" — по поводу книги Анри Барбюса" (Москва. 1924 год).

Изданная большим тиражом книга "Религия и коммунизм, — стенограммы двух диспутов с Луначарским митрополита Введенского" (Ленинград. 1927 год).

Из этого диспута мы, между прочим, узнаем о том, что цензура разрешила к выходу большой труд — "Апологетика". В последний момент этот труд был задержан изданием. Он хранился в рукописи у преподавателя обновленческой Духовной Академии профессора В.З.Белоликова и был забран у него в

момент ареста в 1934 году и исчез в недрах НКВД.

В журналах "Церковное обновление" и "Вестник Священного Синода" можно прочитать лишь отдельные философские лекции митрополита Александра — ректора обновленческой Академии.

Как сказано выше, митрополит Александр Введенский — ученик Анри Бергсона. Он стоит на точке зрения мистического биологизма. Для него все в мире есть пересечение токов, импульсов. Жизненный импульс лежит в основе мира. В то же время митрополит Александр принадлежит к неопифагорейцам. Для него число — высшая реальность в основе Вселенной. Жизненные импульсы как бы получают приказ из центра, как клеточки в человеческом теле. Бог есть, таким образом, одновременно и Божественное число (Троица) и Центр, из которого исходят импульсы. Христос есть явление Высшего Импульса. В Нем Истина, Жизнь и Красота. Эти мысли митрополита Александра развиваются во всех его речах и выступлениях.

---- -----

Но в 1929 году задерживается черная завеса над его творчеством. Ни одного своего произведения он издать уже не мог. После смерти митрополита Александра, последовавшей 25-го июля 1946 года в Москве, остался у его вдовы большой философский труд "Динамизм бытия". Как мне стало известно из беседы с архиепископом Сергием Лариным, которую я имел с ним в Ярославле 25-го марта 1966

года, он купил у Анны Павловны Завьяловой, вдовы покойного, этот труд, которым он хотел воспользоваться в своей магистерской диссертации. Однако вскоре после этого разговора архиепископ Сергей умер (в сентябре 1967 года) и местонахождение этого труда мне неизвестно.

И еще следует упомянуть о трудах великого религиозного реформатора епископа Антонина Грановского.

Епископ Антонин Грановский, скончавшийся 14-го января 1927 года, к концу жизни, как известно, остался в одиночестве. Он в одинаковой мере разошелся и с официальной православной церковью, возглавляемой патриархом Тихоном, и с обновленческой иерархией. Он возглавлял Союз Церковного Возрождения, который находился в московском Заиконно-Спасском монастыре, и имел в своей юрисдикции еще несколько приходов в провинции. После епископа Антонина оставалось два его труда: "Труды Первого Всероссийского Съезда или Собора Союза Церковного Возрождения" (Торопец. 1925 год) "Божественная литургия, рецензированная по чинам древних литургий митрополитом Антонином" (Москва. 1923 год) Тираж 5 тысяч экземпляров. Перепечатана в книге Анатолия Левитина и Вадима Шаврова "Очерки по истории русской церковной смуты". Кунстнахт. 1972 год. Том 3. стр. 309-334.

Оба эти труда представляют большой исторический интерес. На похоронах Антонина его сторонник протоиерей Смирнов говорил, что непосредственное наследие Антонина — Союз Церковного Возрождения умер вместе с ним. Он оказался прав. Союз Церковного Возрождения распался через несколько месяцев. Однако идеи Антонина живут и воскреснут в масштабах Вселенской Церкви. Достаточно сказать, что реформы Пап Иоанна XXIII и Павла VI во всех отношениях перекликаются с реформами Антонина. Тут и литургия современной католической церкви, которая буквально повторяет антониновскую. Тут и демократизация духовенства, — в то же время без обновленческой вульгаризации — двоебрачия, женатости епископов, отвержение монашества.

И в дальнейшем путь Вселенской Церкви — путь Антонина.

Мы проследили все главнейшие литературные труды, связанные с обновлением Русской Православной Церкви.

Как известно, обновленчество, как и Союз Церковного Возрождения, не пережил своего основателя. День смерти обновленческого митрополита Александра Ивановича Введенского 25-го июля 1946 года в Москве — стал днем смерти обновленчества.

Последнее время, однако, возник интерес к

обновленчеству. За последнее время вышел ряд трудов, посвященных обновленчеству. Можно перечислить и книги, относящиеся к обновленчеству. Среди них написанная мною и сохраненная благодаря огненной энергии моего брата и друга Вадима Михайловича Шаврова (1924-1983 г.г.).

Что явилось основным принципом нашего труда?

Предисловие к нашей книге заканчивается следующими словами:

”Не лгать! Говорить Правду, всю Правду, ничего, кроме Правды, как бы горька и трудна она ни была. И да поможет в этом Бог!”

Этими словами, написанными 28 лет назад, да будет позволено мне закончить этот мой скромный труд.

3-го января 1989 года.
Люцерн.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Литература об обновленческом расколе

Помимо книг, указанных в тексте, следует указать на следующие вышедшие в последнее время книги:

1) Архиепископ Сергей Ларин. ”Обновленческий раскол” Магистерская диссертация. В рукописи. Ленинград. 1962 год. Духовная Академия.

Работа изобилующая многими до того неизвестными материалами. Однако концепция автора не заслуживает серьезной критики: согласно концепции Ларина, патриарх Тихон и его окружение были "советскими людьми", а обновленчество являлось провокацией карьеристов с целью поссорить патриарха Тихона с советской властью. Все обновленческие деятели были морально нечистоплотными людьми, за исключением одного человека — автора диссертации, который примкнул к ним из "благородной доверчивости".

2) Работа антирелигиозника Шишкина "Приспособленчество в 20-ые годы". Казань. 1973 год.

Обычная советская антирелигиозная агитка. Никакого научного значения не имеет.

3) Лев Регельсон. "Трагедия Русской Церкви. "Имка-Пресс. Париж. 1975 год.

Книга тенденциозная. Автор рассматривает события 20-ых и 30-ых годов с позиции катакомбной церкви. Все деятелей Русской православной Церкви 20-ых и 30-ых годов он огулом рассматривает как приспособленцев. Причем его очень мало беспокоит то, что если бы православная церковь пошла бы по пути катакомбников, церковь в России была бы физически уничтожена. И Церкви в СССР не существовало бы. Были бы лишь разрозненные группы невежественных и крайне реакционных людей. В свое время пишущий эти строки задав автору риторический вопрос: "Интересно, где бы вы сами

крестились в 1963 году, если б не было официальной церкви, — у катакомбников, которые, завидев молодого еврея, побежали бы от него, заподозрив в нем провокатора так, что только пятки бы засверкали”?

Говорят о том, что будто бы Сталин в 1943 году под давлением Рузвельта, если б не было митрополита Сергия, мог бы обратиться к катакомбникам. Ничего более нелепого нельзя себе и представить. Сталин вовсе не был в таком положении в 1943 году, чтобы Рузвельт мог бы ему что-то диктовать. На легализацию открытой антисоветской организации он никогда не согласился бы.

4) Владимир Русак. ”Свидетель обвинения”. 1987 год.

В свое время мы писали об этой книге рецензию (см. ”Континент” №56 1988 года. Стр. 291-305).

В то время отец диакон был в заключении и мы могли дать об этой книге свой отзыв вв очень смягченной форме. Другой дело теперь, когда он находится на свободе и в эмиграции. Сейчас мы можем сказать, что книга, в которой перепутаны все факты, а автор руководствовался в основном слухами и недостоверными сведениями. (Таковы, например, ”сведения”, якобы полученные от митрополита Николая о беседе Сталина с иерархами в сентябре 1943 года) не имеет никакой ценности. Будем надеется, что теперь г. Русак, находясь на свободе, познакомится с исторической обстановкой 20-ых, 30-ых годов и переработает свою книгу.

ВЫСТУПЛЕНИЯ А.И. ВВЕДЕНСКОГО В 20-ЫЕ ГОДЫ

И наконец, Введенский. Его в это время в Ленинграде уже не было: он жил в Москве, где возглавлял обновленческий Синод. В Питере бывал лишь наездами, но все здесь было полно слухами о нем. Его имя я слышал с самого раннего детства. Это был расцвет его славы. О нем слагались легенды. Его имя знала вся Россия. О нем говорили с уважением и недоумением. И даже фанатично настроенные тихоновцы все же восхищались его выступлениями на диспутах. Его появлению в Ленинграде всегда предшествовали плакаты на заборах, на которых аршинными буквами извещалось о диспутах с участием митрополита Александра Введенского; затем в Филармонии, у кассы, выстраивались длиннейшие очереди за билетами. В декабре 1927 года я простоял в такой очереди 5 часов на морозе.

В 1927 г. я впервые увидел этого человека, сыгравшего столь важную роль в моей жизни.

О Введенском я писал уже очень много. Мой очерк "Закат обновленчества", напечатанный в журнале "Грани", посвящен в значительной степени последним дням Введенского.

* См. А.Краснов-Левитин. "Лихие годы. 1925-1941 г.г." Умка-Press, Paris 1977, стр. 133-142.

Очерк вызвал ряд откликов в западной печати. В частности, ему посвятил особую рецензию русский католик, иеромонах Хризостом. Прочитывая мои слова о том, что я "хотел рассказать все, что я знаю, но понял, что не могу этого сделать", отец Хризостом, с совсем не монашеским злорадством, замечает: "Можно себе представить, в каком виде предстал бы Введенский, если бы А.Краснов мог рассказать о нем все, что он знает". На это я отвечаю вопросом: А в каком виде мы с Вами предстали бы, если бы кто-нибудь, к нам очень близкий, рассказал о нас все, что знает? Хотели бы Вы этого? Я бы так не хотел.

Имеется два типа мемуаристов: парадные, официальные мемуаристы, которые все подают в приглаженном, приукрашенном виде. Таковы авторы все советских военных мемуаров (в том числе и маршал Жуков). Их мемуары, как правило, лишены какой бы то ни было исторической и психологической ценности.

Но есть и другого типа мемуаристы, которые старательно выискивают все мелкие, пошлые черточки у великих людей. Характерным примером такого мемуариста является Авдотья Яковлевна Панаева (гражданская жена Некрасова). Ненавидя Тургенева, она изобразила его в своих мемуарах вполне законченным пошляком, хвастуном, мелким, тщеславным эгоистом. Не упустила ни одного факта, который мог бы очернить Тургенева. Не объяснила она только одного: каким образом могли появиться "Рудин", "Дворянское гнездо", "Накану-

не”, ”Стихотворения в прозе”, изумительные тургеневские повести, которые уже столетие радуют десятки миллионов читателей и будут радовать последующие поколения через много веков после того, как нас уже на этой планете не будет.

Трудность в изображении столь сложной личности, как Александр Иванович Введенский, состоит в том, чтоб, рассказав о его слабостях и пороках, объяснить истоки его чудесного, ни с чем не сравнимого проповеднического дара.

Биография обновленческого митрополита рассказана мной в ”Истории обновленчества”, частью напечатанной в ”Новом Журнале” в Нью-Йорке и в журнале ”Возрождение” в Париже. Поэтому не буду подробно ее пересказывать. Напомню лишь основные вехи его блистательной и трудной жизни.

Он родился 12 сентября 1889 г. (по новому стилю) в Витебске, в семье директора местной гимназии. По окончании гимназии поступил в Петербургский Университет, на историко-филологический факультет. Очень религиозный еще в детстве, он, учась в университете, сблизился с кругами богословской интеллигенции, в частности, стал близким человеком в доме Д.С.Мережковского и З.Н.Гиппиус. В 1911 г. провел анкету среди представителей русской интеллигенции с целью выяснить причины ее неверия. Опросив при помощи газеты ”Русское Слово” несколько тысяч человек, опубликовал в журнале ”Паломник” статью ”Причины неверия русской интеллигенции”.

Это первое выступление в печати двадцати-

двухлетнего автора уже показывает блестящий талант и в какой-то мере является ключом к его последующей деятельности. Подводя итоги произведенного им опроса, А.И. Введенский приходит к выводу, что есть две основные причины неверия русской интеллигенции: несоответствие религиозного учения науке и "порча церкви" — моральная испорченность духовенства и его реакционность. Уже тогда Введенский ставит перед собой две задачи: научная апологетика и борьба за обновление церкви.

Следующие этапы его жизни: 1912 г. — женитьба на Ольге Федоровне Болдыревой, дочери харьковского предводителя дворянства. 1914 г. — рукоположение в сан священника, служба в качестве полкового священника в армии. 1916 г. — переезд в Петербург, служба в качестве священника в николаевском Кавалерийском Училище. 1917 г. — после Февральской революции — начало широкой политической деятельности. Сближение с отцом Александром Боярским и с отцом Иоанном Егоровым. Основание Демократического Союза духовенства. Выезд на фронт для агитации за продолжение войны. Участие в "Русском Республиканском Совете" (т.н. "предпарламенте"). Сближение с эсеровской партией.

После Октября — выступление на диспутах, которые в первые же годы революции создали молодому священнику Введенскому громкую славу. Служба в Захариеелизаветинской церкви на Захарьевской улице, личная близость к митрополиту Петроградскому Вениамину (впоследствии расстре-

лянному). И наконец, 1921 г. Голод в Поволжье. Агитация за сдачу церковных ценностей государству.

В 1922 г. — совместно со священниками Красницким, Белковым, Калиновским он производит церковный переворот (или, как тогда называли, "церковную революцию"). Формирует, после ареста Патриарха Тихона, Высшее Церковное Управление.

Приезд в Петроград. Запрещение в священнослужении, наложенное митрополитом Вениамином. Темная и очень некрасивая роль, граничащая с предательством, при аресте митрополита Вениамина. Попытка выступить на суде в качестве защитника митрополита, ранение в голову камнем, брошенным фанатичкой. Борьба с Красницким. Разрыв с Живой Церковью. Формирование нового церковного течения (Союз Общин Древле-Апостольской Церкви — СОДАЦ).

Руководящая роль на обновленческом Соборе в мае 1923 года. Рукоположение (после принятия постановления о женатом епископате) в сан архиепископа. Выступления на диспутах с Луначарским.

1924 год — после окончательного оформления раскола возведение в сан митрополита, доминирующая роль в обновленческом расколе.

В то время, когда я его увидел, в 1927 году, он носил официальный титул "Митрополит-Апологет, Благовестник Христовой Правды" и занимал должность заместителя Председателя Священного Синода (при номинальном Председателе митрополите Вениамине Муратовском) и ректора Московской обновленческой Академии. Проживал он в Мо-

скве; однако в Питере было два храма, находившихся непосредственно в его ведении: Захариеелизаветинская церковь на Захарьевской улице (ныне улица Каляева), где он служил еще священником, и Пантелеймоновская церковь на Пантелеймоновской улице (ныне улица Пестеля). Основная особенность этих храмов — до 1929 г. там служили по новому стилю.

Введенский всегда служил в Захариеелизаветинской церкви 25 марта (в день Благовещения), делая нескромный каламбур из созвучия праздника с его титулом: Митрополит-Благовестник и служит на Благовещение.

24 марта 1927 года я его и увидел во время всенощной. Храм был переполнен народом; вот вышли встречать митрополита: все солидное питерское духовенство. Колокольный звон, возглас диакона.

Показался митрополит. В первый момент я остолбенел от изумления. Представьте себе: белый клобук, мантия, окружение духовенства. И в кадилльном дыму, под белым клобуком, — актерски бритое лицо, с огромным, чисто еврейским носом с горбинкой (доставшимся ему от деда — псаломщика из крещеных кантонистов), отвислая нижняя губа. При пении "Достойно" благословил, прошел в алтарь. На праздничной литии я подобрался ближе к кафедре и стоял почти рядом со знаменитостью. Он стоял, закрыв глаза, нижняя челюсть отвисла еще больше, левая рука быстро-быстро, нервно перебирала белые, перламутровые четки.

И наконец, перед выходом на полиелей — про-

поведь. Впечатление ошеломляющее: человек в митре, в полном архиерейском облачении, говорит жестикулируя, размахивая руками, так что иногда кажется, что у него три руки. И все время слышатся совершенно необычные с церковной кафедры слова: Паскаль, Бергсон, на столбцах "Фигаро". Хотя я и был развит не по летам, но не понял в его проповеди ни одного слова (только запомнил Паскаля, Бергсона и "Фигаро").

Затем служба продолжалась: каждение резкими порывистыми движениями, Евангелие читал резким, отрывистым тенорком. После всенощной, в белом каблуке и в поддевке, уселся на извозчика. Уехал. Придя домой, я рассказал обо все бабушке. Та отпечатала: да, умный человек, но аферист.

Второй раз видел его на диспуте. Тут впечатление совсем другое. Без облачения, в рясе, без белого клобука не получалось такой странной дисгармонии. Короткие курчавые волосы, высокий лоб. Впечатление адвоката, профессора.

Сначала говорил Луначарский. Полный, с сильной проседью человек. Заученные интонации привычного оратора. Довольно плоские остроты. Публика слушала его невнимательно, и так было всем известно, что он скажет. Все взоры были устремлены на человека в рясе, сидевшего на эстраде, которого Луначарский называл "Гражданин Введенский". Но вот, после речи Луначарского, председатель провозгласил: "Слово предоставляется оппоненту, гражданину Введенскому". Он вышел на кафедру. Половина зала бурно заплодировала.

Он начал говорить. Сначала обыкновенные фразы, сказанные в духе светского разговора. Потом он разгорячился, и речь стала нервной, порывистой. Он говорил о гармонии, которая разлита в мире; он сравнивал религию с музыкой, которую отрицать невозможно, потому что ее невозможно понять разумом. Он говорил о любви отца к ребенку (и голос его стал нежным, ласкающим): докажите отцу, что эта любовь не существует. А потом он стал говорить о религиозном чувстве, о слиянии с универсумом, об ощущении, которое врождено, которое пробивает себе дорогу, несмотря на все препятствия. Рассказал о двух девочках из приюта, которые молились по ночам и чувствовали сладость беспримерную, хотя учительница им и говорила, что Бога нет.

Конец: взволнованная речь о религии как синтезе науки, искусства, жажды справедливости. Волнение овладело оратором, он ничего не слышал и не видел. Оно передалось в зал. Половина публики повскакала с мест. Луначарский на эстраде, видимо, тоже невричал, менял места. После окончания — минута тишины. Потом взрыв аплодисментов. Антракт. В антракте сплошной гомон. Спорящие голоса. Взволнованные лица. Звонок. Речи ораторов-безбожников. Их никто не слушает. Но вот на трибуне снова Луначарский. Начал речь признанием: "Я не собираюсь конкурировать с высококвалифицированным религиозным гипнотизером" (крики: "Еще бы!"). Речь в юмористическом тоне, через который, однако, прорывается раздражение. Ссылка

на Ленина. Аплодисменты, но холодные, официальные. Конец.

Верующие взволнованны. Выхожу на улицу. Помню обрывки реплик: "...но ведь женатый!" "Ну и пусть! Я ему еще десять приведу! Пусть только проповедует!" Я прихожу домой в совершенно восторженном состоянии. Поля, которая тоже была со мной на диспуте, хотя и не все поняла, но тоже в восторге. Долго не могу заснуть. Все раздается в ушах чудесный тенор великого проповедника. С тех пор я не пропускал ни одного диспута.

Введенский не укладывается ни в какие рамки, ни в какие правила школьной гомилетики. Амплитуда его как оратора поистине беспредельна. Иногда он — лектор. Однажды против него выступало 11 специалистов (это был диспут на тему "Наука и религия") Он оперировал точными данными из высшей математики, биологии, физики. Оперировал теорией относительности, астрономическими терминами. Его оппоненты возражали ему, заикаясь от волнения, выглядели школьниками. Другой раз перед вами будет трибун, Савонарола, который обличал, громил, а потом голос вдруг смягчился, и он, как бы всматриваясь в даль, говорил о весне, приходящей в мир, об обновлении мира тихостью Святого Духа.

А иногда его речь была тихой исповедью, лирическим раздумьем о судьбах мира, о судьбах церкви. Тихая грусть как бы оевала слушателей. И тем неожиданнее был взрыв в конце. Призыв к вере, восторженное исповедание веры в Бога. Особен-

но впечатляюще он говорил о Христе, о Его любви. Христос — это единственная светящаяся точка в истории, в этом мире, в котором царствует хаос страстей. "Какой ужас, какая гибель в душе без Христа!" — восклицал он, и всех охватывал ужас...

Во всяком случае могу сказать одно: Введенский для меня убил всех проповедников. Все, что я слышал после него, за всю мою долгую жизнь в церкви, казалось мне бледным и жалким, кроме, пожалуй, некоторых проповедей Платонова, который в лучшие свои минуты приближался к Введенскому.

Я тогда был лишь слушателем. Личное знакомство и близкая дружба наступили после. А теперь все-таки попытаюсь дать себе отчет. Кто такой Введенский? Гениальный проповедник? Да! Хороший человек? Вряд ли. Плохой человек? Вряд ли. Прежде всего это человек порыва. Человек необузданных страстей. Поэт и музыкант. С одной стороны — честолюбие, упоение успехом. Любил деньги. Но никогда их не берег. Раздавал направо и налево, так что корыстным человеком назвать его нельзя было. Любил женщин. Это главная его страсть. Но без тени пошлости!

Он увлекался страстно, до безумия, до потери рассудка.

И в то же время в душе у него было много красивых, тонких ощущений: любил музыку (ежедневно по 4, по 5 часов просиживал за роялем. Шопен, Лист, Скрябин — его любимцы), любил природу. И, конечно, был искренно религиозным человеком.

Особенно радостно он переживал Евхаристию: она была для него Пасхой, праздником, прорывом в вечность. Мучительно сознавал свою греховность, каялся публично, называл себя окаянным, грешником. Обращаясь к народу, говорил: "Вместе грешим перед Христом, будем вместе и плакать перед ним!"

А потом наступал какой-то спад; и сразу проступали мелкие, пошленькие черточки в его характере: любовь к сплетням, детское тщеславие и, что хуже всего, трусость.

Трусость в соединении с тщеславием и сделали его приспособленцем, рабом советской власти, которую он ненавидел, но которой все-таки служил...

Последний диспут, на котором я присутствовал, происходил в Филармонии, в январе 1928 г. Это был необычный диспут: диспут между обновленцами и староцерковниками. От обновленцев выступал митрополит Введенский, от староцерковников — бывший ректор Петербургской Духовной Семинарии, в это время настоятель храма Волкова кладбища, прот. Кондратьев.

Сначала говорил Введенский. Первая часть его доклада была посвящена порокам церкви. Он говорил о цезарепапизме, процитировал слова Юстиниана, обращенные к епископам, "бессмертные по цинизму": "Моя воля — вот ваш канон". Рассказал о том, как в ризнице Пантелеймоновской церкви он нашел старинную икону "Семь Вселенских Соборов". Посредине император Константин, а по бокам

семь маленьких кружков — семь Вселенских Соборов. "Древний иконописец здесь графически изобразил значение в церкви императорской власти и вселенских соборов!" Он затем говорил о традиционном консерватизме церкви. Прочитывая слова Канта, что верующие люди всегда идут в арьергарде научных достижений человечества", Введенский с жаром заявлял, что назначение верующих христиан — идти впереди человечества, нести горящий факел мудрости и справедливости среди кромешной тьмы. Он заявил, что церковь не должна быть музеем, где все тщательно запротоколировано, проинвентаризировано и покрыто вековой пылью. "Откройте окна, впусайте свежий воздух, пусть ворвется в церковь солнечный свет", — истушленно требовал он.

Затем говорил отец Кондратьев, старик с большой белой бородой. Он весьма ехидно заявил, обращаясь к Введенскому: "Вы не отказались от политики, а переменили политику. Спросите любую из наших женщин, кто вы такие. Она вам ответит кратко: красные попы" (Смех, аплодисменты. Улыбается и Введенский.) "Вы не отказались от подчинения государству, а лишь переменили хозяина". Протоиерей Кондратьев затем процитировал слова епископа Антонина, председателя обновленческого собора: "Собственно говоря, это не был Собор в церковно-каноническом смысле, а просто стачка попов". Наконец, отец Кондратьев огласил сенсационный документ: секретный циркуляр, подписанный Введенским как заместителем председателя Си-

нода, обращенный к епархиальным архиереям, в котором рекомендовалось (в случае необходимости) обращаться к органам власти для принятия административных мер против староцерковников. "Вот Ваш факел, который Вы хотите нести человечеству", — говорил отец Кондратьев, потрясая злополучным циркуляром в старческой руке. Взрыв аплодисментов одной части зала. Обновленцы смущенно молчат, впечатление потрясающее. Слово берет Введенский, который говорит, что он всегда боролся с Красницким и всегда был против административных мер, но впечатление не в его пользу: тут и все его красноречие бессильно.

Затем выступают комсомольцы, сектанты. Наконец, слово предоставляется молодому, энергичному батюшке — отцу Борису (староцерковнику) из храма Бориса и Глеба на Калашниковой набережной. Краткое, но сильное выступление. О Введенском говорит: "Какой оратор, какие знания, какие способности. Но иногда от небольшой ошибки инженера может рухнуть грандиозный мост. Не случилось бы этого с Введенским! Он допустил одну, как будто и неважную, как будто только тактическую, ошибку: пошел на временный союз с безбожниками. И от этой ошибки рухнет все его сооружение". И заключительные слова отца Бориса: "Обновленчество, староцерковничество — это все только эпизоды. Главное в другом: это арена расчищается для последнего смертного боя между вами, безбожниками, и нами, божниками". Гробовая тишина. Все ошеломлены смелостью священника. Председатель

диспута встает и с перекошенным от злобы лицом роняет реплику по адресу отца Бориса: "Он уже проиграл этот бой".

Вскоре (через год) отец Борис исчез с нашего горизонта, был сослан в Якутию. Но я часто потом вспоминал его слова о Введенском и о смертном бое между христианами и безбожниками.

Последним выступил Лонгинов, один из самых ярых безбожников, редактор хулиганской газеты "Безбожник у станка", который даже Ярославского считал оппортунистом по отношению к религии. Попович (бывший семинарист), он носил длинную окладистую бороду. На этой почве часто возникали забавные недоразумения, когда он (совместно с Введенским) совершал турне с диспутами по провинции: когда они приезжали в какой-нибудь город, представители Горкома подбегали к Введенскому, одетому в шевиотовый костюм, и жали ему руку, тогда как Лонгинов, стоя в стороне, лукаво улыбался в свою длинную бороду. В вагоне он был очень любезен с Введенским: угощал его то арбузом, то домашним пирогом и даже подносил ему фиалки. Зато на диспутах бывал груб и по-чекистски недоброжелателен.

На этот раз он превзошел самого себя: обрушившись на отца Кондратьева, он заявил, что "напрасно он дергает с таким ехидством Введенского за фалды. Если он переменял политику, то это великолепный комплимент, потому что нет человека в мире, который не занимался бы политикой". Тут же, однако, прибавил, что не верит и обновленцам и

не сомневается, что "они продадут нас кому угодно и за что угодно". И закончил свою речь грубой тирадой. "Я сегодня выбивал свои брюки и от них пошло облако пыли. Еще больше пыли пойдет от вас, церковников, когда мы начнем скоро вас как следует бить".

Этим зловещим выступлением безбожника закончился диспут. Интересно, что в 30-е годы "выбиватель пыли" был сам арестован и провел в лагерях 20 лет. Вернулся лишь в 1956 г. немощным старцем. Видимо, палка, которой выбивают пыль, о двух концах.

ЛИХИЕ ГОДЫ

Наконец наступили последние дни Сопещения: 16 июня выступил архиепископ Александр Введенский с докладом "О борьбе с атеизмом". Стенограмма этого доклада — одного из самых сильных произведений русской апологетики, к сожалению, не уцелела, как и многие другие произведения (ненапечатанные) Александра Ивановича — стенограмма исчезла в недрах МГБ в 1937 году во времена Ежова, при аресте В.З. Белоликова, который был хранителем и редактором произведений А.И. Введенского.

Исходной точкой концепции знаменитого апологета была система Анри Бергсона. Как и модный тогда французский философ, русский богослов усматривал в основе мира "творческий импульс, который познается через интуитивное знание". Самое понятие "творческого импульса" было у Введенского шире и глубже, чем у Бергсона.

Вселенная является сплетением противоположных, действующих с лихорадочной быстротой, перекрещивающихся и отталкивающихся токов. Сумма этих многообразных токов есть динамика бытия. Опираясь общей и частной теорией Эйнштейна, Але-

ксандр Иванович математически (в высшей математике он также был представителем своеобразной концепции) показывал, как из переплетения много-различных энергетических лучей создается материя. Основой науки является поэтому высшая математика — она вскрывает высшую закономерность, лежащую в основе природы. Пифагорейство, с его знаменитым тезисом "в основе мира лежит число" — оживало и наполнялось у А.И.Введенского новым содержанием. Высшая математика, по Введенскому, это промежуточное звено между творческим импульсом, который познается лишь интуитивно, и его реалистическим содержанием, каким является эмпирическая наука. Математика — не эмпирика и не метафизика — это пограничная область человеческого знания — она имеет дело не с материей и не с духом. Число — это нечто среднее между чистой абстракцией и конкретным понятием. Символ и реальность, динамика и статика. Далее идут естественные науки, которые вскрывают оболочку видимого мира, препарируют ее относительность.

Соприкасаясь с Шопенгауэром, Введенский рассматривает природу как покрывало Майи — светлую лазурь, покрывающую внутренность океана.

С огромной эрудицией, на бесчисленном количестве примеров из физики, химии, биологии (причем привлекались все разделы этих наук, и работы крупнейших ученых Европы Введенским к этому времени были проштудированы, как это видно из его конспектов, — около 2000 работ на четырех европейских языках) Введенский показывает,

как естественные науки в конечном итоге упираются в "число" — в нематериальную закономерность — в высшую математику.

"Именно в силу своей всеобщности, универсальности понятие "Бог" безгранично. Всякое логическое определение Бога, — говорил Введенский, — мы отвергаем потому, что оно было бы ограничением Бога".

"Всюду и везде мы упираемся в бесконечность — и бесконечность есть Бог. Однако, если нельзя логически расшифровать идею Бога и дать логическое определение (логически можно лишь подойти к идее Бога) — то возможно глубинное, интуитивное познание Бога. Богословие, как математика и музыка, является пограничной областью между абсолютной статикой и динамикой бытия, и дальше начинается сама высшая динамика бытия, которая открывается человеку в религии.

Человеческое сознание бессильно проникнуть в эту сферу — туда ведет лишь религиозная интуиция. Бессмысленно отрицать религию, — говорил А.И.Введенский, — так же, как бессмысленно отрицать музыку. Можно опровергать логическое определение, — нельзя опровергать интуицию — она является высшей несомненной реальностью.

И далее Введенский переходит к христологии. Иисус Христос есть перекрестная точка Вселенной: живое воплощение Бога. Все пути сходятся в Нем: Божественное и человеческое, бесконечное и конечное, абстрактное и конкретное, интуиция и сознание, религия и философия.

И закончил свой грандиозный доклад А.И. Введенский мастерским изложением всех доказательств историчности Иисуса Христа, не оставив буквально камня на камне от "мифической теории".

Другой доклад, затерянный среди пожелтевших листов старого журнала, так и недоступен большинству читателей, мы приведем из него пространные выдержки.

"Апологетическое обоснование обновленчества. (Доклад на Пленуме Священного Синода 27 января 1925 года.)

...Обычно, в обновленческом движении прощупывают только его верхние слои. Прежде всего, обывателю бросается в глаза его внешняя окраска, его политическая ориентация. В массы пролилась кличка "Красная Церковь" Этому наименованию контрреволюционные круги придают одиозный, глубоко одиозный характер. Конечно, одиозность вообще вещь не особенно доброкачественная. Одиозная интерпретация клички "Красная Церковь" — есть вещь не желательная и, по существу, неверная. Вот почему мы энергично протестуем, когда нас нарочно, одиозно, именуют красными. Но в то же самое время мы не боимся слова. И самое слово "красный" нам, у которых политическое сердце вовсе не струит белую кровь, не представляется страшным. Как выразился однажды митрополит Серафим Руженцов, — "красный цвет — пасхальный цвет". Словом, "красный цвет" — в этом нет ничего страшного. Конечно, если в этом хотят видеть наше пресмыкательство перед властью, о... тогда мы протестуем.

То правда, что еще Достоевский метко сказал: "русский человек ищет, у кого бы сапоги почистить". Но мы не принадлежим к породе чистильщиков хотя бы красных сапог. Лакействующая психология тихоновщины объектируется ими в душу обновленчества с совершенно напрасной затратой энергии. Если тихоновцы нас называют красными (в одиозном смысле этого слова), то надо полагать, что сами тихоновцы красны в квадрате или в кубе. Когда Тихон осенью 1923 года на стенах своей кельи вывешивал: "Контрреволюционерам вход воспрещается!", — это квадрат церковной красноты. Когда Иларион на стенах церквей в Москве же вывешивал: "Активным контрреволюционерам вход воспрещается" — это куб церковной красноты.

Так что и для тихоновщины оказался прав бессмертный Достоевский. Мы признаем правоту революции. За это — злопыхательство.

Мы признаем правоту революции. Но правы ли мы? Еще раз надо осознать мотивы, по которым обновленчество сделало в области политической то, что сделало.

В истории церковь, в подавляющем большинстве, — была не только в союзе, но и преступной связи с государством.

Так в нехристианских религиях так, и в христианстве. Законы Ману установили в Индии существование каст, ряд христианских писателей за границей и у нас обосновали монархизм. Боссюэ называл королей — "богами". Ришелье требовал держать народ в невежестве, дабы не трогались устои монархизма.

Проф. Киреев в "Общих основах социологии" совершенно справедливо пишет:

"Обожествление политической власти, в форме ли возведения генеалогии царей к богам или прямого обоготворения царей или учения о божественном происхождении власти, о наделении ею царей свыше — обычное явление в истории догматизации абсолютизма, как политической формы. В этом проявилось отрицательное влияние религии на политику, которое наблюдается и тогда, когда и другие стороны социального и политического быта санкционировались богословскою догматикой, как это было по отношению к рабству и к крепостному праву. Был ли царь и главою религии, или между алтарем и тронном существовал только союз, духовенство играло роль реакционной силы, к ущербу не только государства, в котором освящался деспотизм, но и к невыгоде для самой религии, которая из интимного дела индивидуальной души делалась, главным образом, орудием властвования по "Божьей Милости" и по своему произволу".

У блаженного Августина мы находим любопытную мотивировку необходимости союза Церкви с государством. Вот отрывок из послания бл. Августина к Викентию: "Те, которые не хотят видеть законов против нечестия, говорят, что апостолы не просили помощи у земных царей. Кто так говорит, тот забывает, что тогда было иное время, а что все должно делаться в свое время. Ибо какой император тогда уверовал в Христа и хотел служить Ему изданием законов в пользу благочестия против не-

чисти? Тогда исполнялось еще пророческое изречение: "Всякую шаташася языцы, и людие научившася тщетным. Предсташа цари земстии и князи собращася всеу на Господа и на Христа Его" (Пс. 2, 1-2). Тогда еще не проводилось в действие то, о чем говорится в том же псалме ниже: "И ныне, царие, разумеите вси, судящие земли. Работайте Господеви со страхом и радуйтеся Ему с трепетом". Каким же образом, если не воскрешая и не наказывая с благовестивой строгостью то, что проверено, а противное сему воспрещая с приличной строгостью "Так Господу служил Иезекия (4 Царств 18, 4), который разрушал и дубравы, и капища языческие"... Аналогичные мысли бл. Августин приводит в послании к Бонифацию!

Отсюда "гармоническое соединение, симфония" царской и духовной власти, как поэтически писал в XII столетии император Иоанн Комнин папе Григорию, отсюда — неразрывность союза Креста и нагайки царского стражника — вот проклятый символ взаимоотношений Церкви и государства во дни и годы дореволюционного кошмара в русской действительности.

Передо мной анонимная брошюра 1906 года: "Власть самодержавная по учению Слова Божия и православной Русской церкви". Цитируя блаженного Августина, по которому царь "второй по Боге и высший над всеми и меньший единого истинного Бога", брошюра говорит: "Наш царь избран на служение Самим Богом..." Это не слово оголтелого монархиста. Это общее учение дореволюционной

церкви. Недаром же такой ученый и тонкий богослов, как Флоренский, требовал на страницах светской печати объявления самодержавия догматом православной веры. И когда на Соборе 1917-18 г.г. священник Востоков говорил, что лишь в добром, мудром русском царе — спасение всего, — он повторял то же учение всей русской дореволюционной церкви.

И.С. Аксаков писал в свое время: "Наша церковь, со стороны своего управления, представляется чем-то вроде бюро или какой-то колоссальной канцелярии, прилагающей — с неизбежно канцелярской официальной ложью — порядки немецкого канцеляризма к несению стада Христова с организацией церковного управления по образу и подобию департамента светского правительства, с причислением служителей церкви к сонму слуг государственных, сама Церковь вскоре превращается в одно из отпращиваний государственной власти, или говоря проще, она сама поступает на службу к правительству..."

Царизм опирался на всю русскую иерархию. Приравняв епископат к генералитету, царизм действовал через безличный и безвольный Синод. Но идут годы и в дни церковных революционных потрясений рождается мысль о патриаршестве. Что такое патриарх? Высказывались различные мотивы этого, но, как часто бывает, умалчивался единственный истинный повод всех этих "либеральных" требований. В брошюре москвича Е.С. "О патриаршестве и дворянском представительстве. Мысли русского чело-

века". (1915 г. стр. 6-7) читаем: "Итак утверждение веры, народности, государственности — вот три задачи, решение которых всегда заботит патриарха... Все это ясно само по себе и не требует никаких подтверждений: в государственные времена патриарх — верный спутник благоверного государя, в безгосударственные — сберегает народ в его народном духе и исторических особенностях".

Тихон, его избрание на Соборе и вся тихоновщина, есть осуществление этого литературного требования, этой политической задачи. Неразрывность связи государства и Церкви обусловило массовый отход от Церкви интеллигенции и трудящихся масс. Погодин еще в 70-х годах прошлого столетия предупреждал, что, как только в России будет объявлена свобода религиозных убеждений, половина крестьян отойдет в раскол, а половина "высшего света" (в особенности, по словам Погодина, женщины) перейдут в католичество. До революции Мережковский засвидетельствовал какую-то мистическую, органическую ненависть нашей интеллигенции к православному христианству. Гнушались заходить в чайные Союза Русского Народа, гнушались заходить и в храмы, где, наряду с Чудотворными Ликами и Пречистой, на голубых шелковых стягах знамени Союза Русского Народа были запечатлены эмблемы алкогольно-прусацкого самодержавнического держимордстроя.

Мне говорил покойный наш великий египтолог, проф. Борис Ал. Тураев, что ему стыдно ходить в храм, хотя он верующий, ибо его засмеют колле-

ги, как если бы он в самом деле пошел в чайную "Союза русского народа".

Народ, пусть в диких, кошмарных, с точки зрения подлинной религиозности, формах, так называемого, нашего раскола, отходил от церкви именно за ее связь с царем, которого в лице Петра Первого определенно именуют Антихристом. Правда, это не был политический бунт, политически себя держал он более или менее лояльно, — это был религиозный протест, но отсюда его значимость, с точки зрения церковной, делается еще больше.

Отлив народа в раскол, в сектантство, следовательно, вызывался той же основной причиной, что и отход от Церкви интеллигенции — тем, что Церковь потеряла свой собственный, подлинный лик.

Обновленческое движение, разорвав раз и навсегда союз с государством, совершило колоссальный апологетический подвиг. Церкви порабощенной, Церкви, скованной золотыми кандалами самодержавных тюремщиков, обновленчество противопоставляет Церковь — свободную от единения с черной сотней, Церковь — подлинно Христову.

В этом такое колоссальное значение обновленчества, что не будь всего прочего, одно это дало бы ему право быть вписанным золотыми буквами на страницах священной церковной истории. Эта же заслуга — нисколько не уменьшается тем соображением, что, так сказать, сама жизнь разорвала связь любодейной церкви и самодержавия. Да, это правда, беспощадный революционный огонь распилил церковные кандалы. Рука, обогрелая кровью насильников

восставшего народа, вырвала Галилейскую Девушку — Церковь из сластолюбивых объятий монархической Рамоли.

Но... не осталось ли у этой, продавшей свою верность Христу, официальной церковности, жажды новых поцелуев с тем же господином? Я понимаю то казенное православие, православие Собора 1917-18 г.г., православие тихоновщины считает — поскольку оно находит в себе смысл говорить то, что думает, — современный революционный разрыв между церковью и государством явлением ненормальным, вредным, временным.

Любопытны те прения, которые развернулись на Соборе 1917-18 г.г. по поводу этого разрыва, отделения Церкви от государства. Приведу здесь выдержки из заседания Собора от 31 января 1918 года...

"Революция спасительным своим вихрем разметала и эти профессорские и политические бредни, сбросив их в пропасть небытия. Но "бессмысленные мечгания" — остались, осталась тоска по союзу с государством... Поэтому, - если революция расплавила металлические цепи, державшие Церковь в плену у государства, то остались еще следы от тех вековых цепей на Теле Церкви, в самой ее душе. И обновленчество, которое делает внутренний принципиальный разрыв между церковью и государством, совершает колоссальное апостольское дело. Вырвать Церковь из рук жадных, земных, слишком человеческих, вспоминая изречения Ницше, — это еще для многих Церквей вопрос завтрашнего дня.

Для обновленчества — это вопрос вчерашнего дня — и какое это было благославленное, священное вчера!

Итак, Церковь, заслугой обновленчества, сделалась внеполитической, или, точнее, надполитической... Церковь не солидаризируется ни с одной политической партией, Церковь не превращает себя ни в какую партию. Или, если уж угодно говорить о "партийности" Церкви, то "Церковь" — партия Христа. Все государственное — временное и относительное. Церковь же носительница вечного и безусловного. Все текуче и изменчиво в государстве. Все неизменно, во внутреннем значении этого слова, в Церкви. Вечное — временное. Абсолютное — относительное. Безусловное — условное. Таковы антитезы Церкви и государства. Так ясно поэтому — почему не может быть Церкви в политике, почему Церковь и государство лежат, так сказать, в разных плоскостях, разноплоскостны.

Но это не значит, что Церковь тем самым делается силой индифферентной в смысле том же, политическом. Поскольку под политикой мы разумеем строительство реальной человеческой жизни, постольку Церковь не может быть индифферентной силой. Ибо — она есть дрожжи, согласно Евангелию, которые должны выквасить все тесто жизни. Поскольку Церковь не может солидаризироваться, слить себя с определенной той или иной политической группировкой, она вне политики. Так что, вернее говорить, Церковь вне политической партийности. Но Церковь обязательно принимает участие в реальной жизни. Иначе она теряет свое собственное

лицо. Участие Церкви в жизни, конечно, должно осуществляться совершенно своеобразными, церковными методами. Церковь, ни в коем случае, не есть механическая, внешне организующая сила. Поэтому и церковное переустройство жизни ни в коем случае не должно носить внешнего характера.

Церковь не может быть внешней силой. Христос и этому учил многократно и достаточно ясно. Поэтому мы отказываемся от всякой попытки внешне, церковно-государственно, разрешать проблемы жизни. Но это ни в коем случае не есть отказ от попытки воздействовать на жизнь. Мы должны лишь действовать нашим церковным методом, а этот метод — есть путь религиозно-моральной оценки, религиозно-морального указания. Это Церковь может и должна сделать. С высоты надмирного евангельского идеала, имея, так сказать, абсолютно правильные перспективы, Церковь — властна и должна указать путь жизни, одно — благословить, другое — отстранять. Если не так, то Церковь превращается в какую-то область мистического квиетизма, фатализма, прострации, если угодно, дурмана. Но Церковь, как я буду указывать, еще дальше, есть движущая, влекущая за собой религиозно-моральная сила. Обновленчество, памятуя сей религиозно-моральный, указующий характер Церкви — на Соборе 1923 года провело религиозное принятие правды социальной революции. В этот моменте видят наиболее слабое место наше. А между тем, наоборот, здесь как раз наибольшая мощь, наивысший пафос, наибольшая историко-церковная заслуга обновленчества.

Существует страшный конфликт между религиозным и революционным сознанием. Фридрих Энгельс заявляет: "Первое слово религии есть ложь". А отец коммунизма Маркс категорически утверждает: "Понятие Бога необходимо должно быть искоренено, ибо оно есть основной камень извращенной цивилизации". Любопытны также следующие строки из труда Баха "Религия и социализм": "Было бы бесполезно отрицать факт, что в настоящее время, высшее нравственное чувство оскорбляется христианским учением более, чем, в свое время, совесть первых христиан оскорблялась сатурналиями в культе Прозерпины".

Ницше в "Антихристе" пишет: "Новый Завет есть самая грязная книга, надо надевать перчатки, читая его, чтобы не запачкаться". Почему? — В недоумении спрашивает себя верующий. И ответ Э.Вандервельда: "Потому что Церковь заключила союз с золотом". А В.Либкнехт добавил: "Христианство есть религия частной собственности и знатных людей. Христианская Церковь оправдала все то, что Христос запретил. Это — слова не только политических деятелей. Это, между прочим, объективное заключение ряда выдающихся исследователей христианской истории.

Естественно, что у тех, кто борется с социальным злом, создается глубоко отрицательное отношение и сказывается даже в суждениях о первичном христианстве, учение которого, например, Энгельс объявляет самым "обыкновенным вздором". А Бабель в "Христианстве и социализме" называет хри-

стианство "религией ненависти, преследования и угнетения, стоившей миру больше крови и слез, чем какая-либо иная". И вот Л. Аксельрод в "Философских очерках" требует замены христианства "здоровым и светлым языческим духом наслаждений, исчерпываемых земным бытием". Создается новый идеал на место христианского идеала. О нем Дицген говорит: "Наш идеал не бедность, не воздержание, а богатство, богатство неизмеримое, неслыханное богатство — это реально осязательное благо всего человечества, его святыня, его святая святых. На овладение им, — добавляет он, — построены все наши выводы".

Возможно было бы привести еще множество подобных иллюстраций, но остановлюсь на сказанном... Основной лейтмотив всех отрицателей христианства с точки зрения практического предопределения социального зла может быть сформулирован опять-таки словами Энгельса, по которому религия является "величайшей консервативной силой".

Человечество выдвигает вместо этой консервативной силы новое понимание жизни, разорвавшейся с гнетом старопреступных заветов. Ряд мыслителей зажигают яркие огни. Ренувье бросает лозунг свободы: "социальный прогресс должен измеряться только количеством индивидуальной свободы, представляемой в данном обществе". Прудон, в противовес христианству, утверждает принцип рациональности, справедливости, на основе которой и должна быть реорганизована жизнь. Проповедует имморализм Ницше, выставляющий человека как

”чудовище и сверхживотное”. С разных сторон несет энергичный протест против христианства, этой религии соглашательства с несвободой, неравенством, несправедливостью, обыденщиной, серостью повседневно безрадостного бытия... Наконец, в наши дни, победоносный коммунизм реально рвет с христианством, с какой бы то ни было формой религии.

Попытка Хеглунда примирить коммунизм и религию, если религиозники революционно настроены, как известно, встретила энергичный протест РКП. Об этом Е. Ярославский пишет: ”Под статьей Хеглунда обеими руками подписались бы не только глава древне-апостольской церкви, протоиерей Введенский, но и вся древне-апостольская, обновленческая, живоцерковная братия”. А нас, как известно, в РКП не примут, как религиозников — компартия отвергает всех церковников, как таковых...

Бунтующая, рвущаяся мысль неверия отменяет христианство, как соглашение со всем тем, что Христос на самом деле запретил. Вот почему обновленчество напомнившее миру, что на самом деле Христос уже давно запретил то, против чего идет современная воля, сделало колоссальное апологетическое завоевание. Знаменитая формула Собора 1923 года: ”Капитализм есть смертный грех” — положила массовый и коллективный, благодатный предел всем фальсификациям Христовой истины. Нет, не Бог установил разделение людей на богатых и бедных, как кощунственно осмеливается богохульствовать папа Лев XIII в знаменитой своей

майской энциклике 1891 г.: "Regum novum". Нет, социализм и коммунизм, зовущий к преодолению этого неравенства, не есть "самая ужасная тирания", как обозвал коммунизм Мартенсон. Нет, к нравственной правде социальной жизни взметнула и свои красные знамена русская революция. И благодатью движимое обновленчество, устами боговдохновенного Собора, благословило этот порыв. Это сделано не из мимикрических соображений. Это мы сделали не для них, не нуждающихся и не верящих в наше благословение. Это мы сделали для Церкви, которая лжевождями была брошена в тьму приспособленчества и к мировому злу всечеловеческой неправды. Церковь — русская Святая Церковь неповинна в оправдании — страшнейшего зла современности. В этом — центральная заслуга обновленчества. В сущности, мы еще мало осознали этот кульминационный момент обновленческого подвига. Русская Церковь это сотворила. В этом ее признание. Русская Церковь нашла свое лицо. Оно не в том, чтобы поддерживать пьяно-глупую морду Романовых, не в том, чтобы сокрушать во имя религиозных моментов германский империализм, как это вещал в годы войны Сергей Дурылин (символическая фамилия!) и прочие остроумцы, не в чем — земном, человеческом, относительном. Ее обязанность, Богом возложенная, в годы всеобщего христианского распада, вызванного забвением историческими церквями подлинного Лица и Духа и Заветов Христа, снова, как бы во второй раз, явить Миру Христа.

Не Христа Германского, Русского или другого националистического Сверхгероя, но Христа — Вселенского, уничтожающего, сжигающего в огне любви все национальные перегородки. Поэтому, и христианство, по своему существу, враждебно национализму, патриотизму государственному и патриотизму классовому.

А, между тем, отдельные религиозные организации хотят, во что бы то ни стало, видеть Христа именно католического, капиталистического и т.д.

Освобождение Христа от национальных объятий, от конфессиональных алтарей и от капиталистических и золотых цепей — вот, величайший дар любви, который обновленчество положило к подножью Вселенского Престола Вседержателя. Христос-Освободитель реальный, революционный, свободный от этого зла.

Христос-Осудитель всего мирового современного зла” (стр. 18-21).

Обновленчество есть православие. Это — простая, короткая, но — увы! — не для всех ясная формула. А, между тем, другой и нет, и быть не может. И мы должны со всей решительностью этой формулы держаться, нимало не боясь упреков с той или другой стороны — со стороны левых, со стороны правых. Я сейчас разъясню, в чем дело. Но, прежде всего, я хочу объяснить философские методы, по которым оправдывается наша философия суровости и беспощадности в деле отстаивания нашего принципа религиозного миропонимания, на основе которого мы цепко держимся этой формулы: обновленчество есть — православие.

Ригоризм в области формулы есть само собой вытекающее следствие обладания истиной. Истина всегда точна. Истина — там, где точность доведена до степени абсолютности. Мир неорганической жизни характеризуется цифрами — там владычествует математика. Математические формулы паутиной неразрываемой охватывают все материальное бытие, в математических формулах осуществляется нигде не нарушаемая "закономерная непрерывность вселенной", по выражению проф. В. Феггера. Отыскивание этих формул, точных до абсолютности, является и задачей всей науки, как это справедливо указывал в свое время еще Огюст Конт. Борьба за формулу есть борьба за практическое преодоление противоборствующих средостений: покорение стихий и т.д. Инженер должен найти совершенно точные формулы прежде, чем построить мост. Расчет чертежей должен быть с математической законченностью сделан, иначе, по неточным чертежам построенный, мост рухнет, и страшная катастрофа может увенчать ошибочность формулы. Здесь — борьба за догмат, формула математики есть формула математической истины. Здесь — математическая ересь может повлечь за собой совершенно реалистическую катастрофу. Шпенглер прямо говорит: "Современная механика есть точь-в-точь — сколок с христианских догматов". Конечно, здесь замечательный парадоксалист наших дней устанавливает, может быть, связь вещей не вполне точно, но, во всяком случае, догматический характер современных математических истин не подлежит сомнению.

В области религии мы вправе искать, находить и фиксировать те же самые (того же, точнее, порядка) истины, формулы, догматы.

Мы должны со всею решимостью отстаивать наш взгляд на религию, как на нечто, совершенно аналогичное науке. Правда, наука и религия не связаны и не сводимы одна на другую, но в то же время и наука, и религия — есть постижение бытия, реального сущего; и наука, и религия постигают это сущее одинаково правомочно и одинаково точно, истинно.

Религия, в конечных достижениях, идет дальше науки, но процесс постижения (точнее, осмысления) осознания полученного в своем существе — один и тот же.

Нет противоречия, взаимоисключения между верой и знанием. С научной точки зрения попытался установить расхождение веры и знания Кант. Знанию принадлежит то, что непосредственно воспринимается человеком, вследствие того, что предмет, известным образом, действует на душу; основой постижения, таким образом, является опыт. Но ведь и в основе религии лежит опыт. Правда, Кант считал и сверхчувственное откровение, и сверхчувственная способность восприятия мистиков и представителей философии чувства — воображением, или, в лучшем случае, — мечтательностью. Но ошибка Канта — вне всякого сомнения. Ведь мы веруем на основании и по свидетельству нашего внутреннего опыта, но и в наши дни. величайший комментатор Канта Коген утверждает, что все наше знание, что весь состав

нашего сознания слагается из психологических элементов, что даже так называемый внешний долг — состоит из внутренних процессов.

Религиозный, внутренний наш опыт совершенно и полностью аналогичен опыту химическому и физическому. Здесь такая же реальность. Вот почему я вполне согласен с определением Шпенглером атеизма, как совершенно непонятого в своих последних основаниях и исторических условий феномена. Я также совершенно согласен со Шпенглером, утверждающим, что атеизм: "прекрасно уживается с живой, страстно ожидающей потребностью в истинной религиозности". Действительно, атеизма, по существу, не может быть, так же, как не может быть принципиально химии, физики. Коль скоро есть материя, то есть и физика, и химия, изучающие эту материю. Возможно не принимать те или иные физические или химические теории, но нельзя отрицать самое постижение материи, данное нам в опыте, через науки, именуемые физикой и химией. Так — и в области религиозной. Коль скоро, Бог открывается в области духа, то атеизм — принципиальное отрицание Бога — уже невозможен, ибо Бог дан в опыте. Можно не принимать те или иные теистические системы, но не самого Теоса, — вот почему атеизм научно невозможен. И здесь я разумею данность Бога не в понятии или логическом ракурсе, но в непосредственной близости. Современная католическая мысль (Гут Берлет) полагает, что Бога можно обосновать логикой, "диалектикой", как говорил еще католический мыслитель эпохи XI века Пери-

гор Турский (999-1088) ... дальше идет резкое отрицание рационалистического богословия...

Пути рационализации это не пути религии. И недаром сам Христос не дал нам никакой рационалистической системы Бога. Но если у нас нет этого пути, если здесь мы вступаем в область схоластики, в дурном смысле этого слова, область царистской семинарщины, то это не значит, что мы отказываемся от реального постижения Бога. Наоборот, отказ от силлогизации Божества есть привлечение сознания к иному, уже воистину реальному, постижению. Бог не познается силлогизмами, как не силлогизмами постигаются, скажем себе, электроны.

Религия — есть мистический факт.

Мы Бога можем переживать чувством, в частности — чувством любви. Как свидетельствует св. Тереза в своем собственном жизнеописании: "Я чувствую, что моя душа вспылала горячей любовью к Богу, и эта любовь, несомненно, сверхъестественная, потому что, как загорелась она во мне, я не знаю, но я сама ничего не привнесла сюда от себя". Это постижение Бога через любящее сердце совершается лишь при известных условиях, о которых великий мистик — сапожник Яков Беме в своей "Авроре" (XVII век) так говорит: "Закрой здесь немного твои плотские глаза, ибо они здесь тебе ни к чему не пригодны, будучи слепы и мертвы, но открой глаза твоего духа, и я поистине покажу тебе творение Божие". Здесь нет самостоятельности человека, здесь нужна Промыслительная Десница". "Человек, — говорит Сен-Мартен, — находит-

ся в столь несчастном состоянии — что не может не только достигнуть цели, но даже и ступить шага на этом пути, если совсем иная, нежели его, рука не откроет и не поддержит его во все время пути”.

Познание Бога интуицией, чувством, есть путь, указанный самим Христом. Он осудил тех, кто приближается к Нему устами только. Уста, слова, разум, силлогизмы, наука, философия — здесь можно найти только “задняя Божества”, а сердце приводит к Евангелию, к самому Богу. Сердце, чувство, интуиция. В научной литературе за последние десятилетия появился ряд работ, деятельно постигающих этот путь Богопостижения. Таковы работы Джемса, Старбека, Лейба, Рассажака, Грассера, Мюратье и др.

С этой точки зрения их христианство является — не только историческим, но и мистическим фактом... Это отлично выразил Штейнер в труде “Христианство как мистический факт и мистерии древности”, говорит — я возвышаю мою внутреннюю глубину до Божественного созерцания. Свет же, делающий для меня возможным такое созерцание, дан в явлении Христа. Через Него я могу подняться к высшему”. Таким образом, основой Богопостижения является опыт. Здесь — полная аналогия с опытом естествознания. Конечно, здесь у нас иные методы познания, но ведь и в естествознании нельзя астрономически изучать бактерии, а микроскопически — акустику. Всюду — своя методология познания, при одном условии, делающем знание — знанием: упирания в непосредственную гущу восприя-

тия и опыт. Имея этот опыт, мы на нем уже строим формулы этого опыта. А схоластика начинает с обратного: формула там сама довлеет из первичных формул, висящих в эмпирической пустоте, строит целые здания, воистину на песке зиждимые. Божество также нельзя разложить на формулы, как живое тело на атомы. На атомы распадается — труп, зловонный, потому что мертвый. И разложенный на атомы-мысли Бог не есть Бог живой и неизреченный. Поэтому-то, со всей возможной решимостью, и протестуем мы против схоластизации веры. И в то же время мы не впадаем и в спенсеровский религиозный агностицизм.

Здесь надо бояться Сциллы всезнайства и Харибды немогузнайства. Средний, золотой путь истины заключается в обладании религиозным опытом (более или менее, гипотетическим, тусклое стекло Павла!), интерпретации опыта. При этом углубление опыта и тем самым вызывает и уясняет теоретических моментов Богопознания. Одно обуславливает другое.

Полнота опыта превращает гипотезу в аксиому. А Церковь обладает различными опытами. Опыты одиночек, пусть очень почтенных (святые), и все же гипотетических подходов к Богу, и опыт всеколлективный, соборный, всецерковный — здесь, полнота возможного и для человека опыта, и полнота резюме этого опыта — аксиомы, формулы, догматы. Соборное — вселенское — сознание Церкви, опыт, руководимый самим Духом ("Изволился Духу Святому и нам"), дает чеканные, религиозно-математические догматы — формулы истины Богопо-

знания. И то, что здесь добыто, то добыто до конца. Здесь нет нюансов полуустины, здесь нет теней человеческого домысла. Здесь — сверкающие алмазы абсолютной достоверности. И здесь — мы не можем отступить ни на йоту. Это так же немисливо, как математика просить считать условной истиной: дважды два — четыре.

И здесь обновленчество — это стрела математической тоски по Боге — не уступит и 0,001 части истины. Пусть упрекают в отсталости. Здесь надо все, воистину, оставить — какие угодно культурные и либеральные популярности и привилегии, чтобы не отступить от Христа — Истины.

И обновленчество со всей решимостью принимает догматику Церкви, не дерзая подправлять то, что находится в свете абсолютной достоверности.

Первый принцип христианства есть признание Божественного Начала.

Религию в наши дни хотят свести на систему экономических взаимоотношений. С этой точки зрения праь Росси, утверждающий, что религия есть "флирт с Богом", то есть нечто в высокой степени несерьезное. Вся религия есть волшебное отражение в зеркале фантазии социальных взаимоотношений. Конечно, это совершенная неправда. Несомненно, что в деталях исторических религиозных концепций можно отыскивать отражение социально-политических моментов данной эпохи. Так, некоторые исследователи находят аналогию между византийским двором и представлением о небесном мире у богословов той эпохи. Но если даже мы согласим-

ся, что кое в чем эти исследователи и правы, то здесь затрагивается именно только одна деталь. Существо проходит вне этих экономико-материалистических сетей. Идея Божества, Верховного начала мира, прирожденна человеческому сознанию и, при всех модификациях экономических взаимоотношений, остается неизменной в своем существе”.

Далее, о порядке во вселенной, на основе открытий Резерфорда, Ферсмана и т.д., и вывод:

”Материя, приблизительно одинаково расположенная (порядково и объемно) в мироздании, вся подчинена закону чисел. Математика царствует в мироздании. Что такое математика? Кант видел в ней — завершающую, идеальную научную дисциплину. Шпенглер утверждает, что математика есть искусство... Не будем вдаваться в длительные споры. Математика есть отражение порядка мироздания, фотографический снимок, план материального бытия. И какой здесь всесовершенный, до йоты и йоты йот рассчитанный порядок!

Нет возможности беспорядка в мировой машине... Она сложна по одному плану, из единого материала. Всюду единый математический принцип... Мысль рвется к заключению сама собой — Единый Строитель. С точки зрения придирчивой критики разума, как показал это Кант, вполне возможно от планового устройства бытия умозаключить к Устроителю мира (не Творцу — делаем эту уступку Канту. Прим. А.И. Введенского).

Плановость бытия, отсутствие в нем случайностей, открытие в нем законов математики... при-

водит нас к метафизике, которую не надо понимать, как противо-физику, а именно, за физику — после физики, мысль не останавливается, а идет далее, за физику, разрушая условный забор, за который некоторые не хотят пускать свободной человеческой мысли... Путь физического исследования приводит нас к определенным аспектам бытия, религия ведет дальше — как сказал Ричль: "вера видит дальше и глубже". Современное естествознание дает нам математически законченную картину, план бытия. Испытующая мысль — руководимая магнитной стрелкой религиозного чувства — находит конечный и исходный момент: Центральную Звезду Бытия — Бога. Здесь логика дополняется чувством. Нужно сверлить серостную поверхность бытия рентгеновскими лучами веры. И серое станет иным. Это — как сказано у Фета: "Оглянись — и мир вседневный многоцветен и чудесен".

Или у Новалиса: "Только от слабости наших органов и нашей слабой возбуждаемости происходит то что мы не видим себя в волшебном мире". И в нашем сознании, обостренном вниманием, которое является необходимым условием постижения... вспыхивает ответ на вопрос: кто этот устроитель жизни. Скажем ли с Кантом — дальше мысль не смеет идти — или пойдем и найдем? Так, Шуппе утверждает, что нередко, мы без всякой индукции узнаем причины наших чувственных восприятий. Шуппе же полагает, что мы в сознании имеем дело с непосредственным усмотрением необходимой связи, которая дана нам подлогически (в акте восприя-

тия). В своем сознании верующий человек находит этот узаконенный современной гносеологией ответ на природу, на исток своих религиозных переживаний. Верующий человек постулирует Бога в плане бытия и констатирует Его в своем сознании. Таким образом, единство познания всей целокупности бытия разрешает основную проблему бытия. Бытие зиждется на своем Абсолютном Принципе, на Боге.

На аналогичной точке зрения стоит Оливер Лодж, известный английский физик, который утверждает что вере, религии, мистицизму "должно отвести соответственное место, хотя его отношение к науке пока еще не установлено. Они не согласны между собой и не имеют связи, но между ними не должно быть вражды". Оливер Лодж допускает научную возможность чуда, о чем он достаточно убедительно пишет в своей книге "Жизнь и Материя".

Необходимое соотношение науки и религии устанавливается при осознании наукой ее ограниченности. Цель науки — описание, а не объяснение явлений природы", — совершенно правильно замечает Густав Кирхгоф в своем "Физическом Обзрении". Религия — ведет дальше и устанавливает то, что наука только прощупывает...

"Конечно, сейчас едва ли можно говорить о крушении нравственности. Я полагаю, что сейчас происходит крушение некоторых формул нравственности... Ах, как мы еще находимся под властью этих формул! Еще Фихте сказал, что формула есть самое великое благодеяние для человечества. Значимость формул в области мысли, как рассуждали мы

выше, не отрицается и нами. Не пора ли, однако, бросить смотреть на мораль, как на кодекс правил, формул и параграфов — благоповедения? Ведь единой морали, в этом отношении, как известно, никогда не было. Наоборот, кодексы морали разных религий всегда не совпадали, да и прямо противоречили друг другу. Я полагаю, что формулой морали является отсутствие формул у нее... Во всяком случае такова христианская мораль. Если Ветхий Завет есть собрание священных параграфов и правил благоповедения, до виртуозности разработанных талмудом, если вы почитаете "Мозжечок нравственного богословия" католика Бузенбаума (выдержавший более 55 изданий) — вы тотчас же инстинктивно почувствуете, насколько христианство диаметрально противоположно всей этой морали скрупулезности. Текучесть морали есть основа христианской этики. Поэтому-то мы не хотим навязывать современности никаких точно размеренных условностей морали. Нельзя в этом видеть, однако, моральный анахронизм. Нет, если мистики правильно утверждали, что для любящего Бога морали нет, если они отрицали параграфичность, каноничность морали, то этим они не принижали моральный уровень (и, конечно, не уничтожали морали), но ставили ее выше нелепых сантиметров ханжеской условности. Мораль ведь, по существу, не может измеряться сантиметром: столько-то сантиметров — ну, это морально, меньше — неморально. Ибо всякое измерение, всякая регулировка идет извне, тогда, как всякая мораль есть "изнутри". Внешне приличное — не есть еще мо-

ральное. Мы продолжаем мысль о легальном и моральном. Нет — да и не надо заботиться о параллелизме внешнего благоповедения с внутренней моральностью. Очень часто они параллельны, но не в этом дело. Моральное состояние души есть состояние, в котором в нашем сознании светится Свет Христов... Мы о морали судим по букве моралистов, часто даже по возвышенной букве моральных предписаний Писания, забывая, что в Писании есть буквы, но оно само не есть только буква.

Писание, даже давая нам буквальные предписания, не обязывают нас к буквалистической их интерпретации. "По нужде и закону применение бывает", — вот коррелируют всем предписаниям Писания. Христианство — именно есть религия свободы и религия власти. Как-то это совершенно забывалось, а между тем напоминание именно об этом — есть большое апологетическое задание обновленчества. Условность нашей церковной морали, тихоновщина в этике, отталкивает от нас тысячи молодых и честных, глубокоморальных сердец. Не к принижению, конечно, моральной высоты должна привести эта отмена условностей этики. Нет, мы выдвигаем основную формулу морали, данную не Мартенсонами и Янышевыми, но Самим Богом.

Вот почему узнаем, что мы от истины, и успокаиваем перед Ним Сердца наши. Ибо, "Если сердце наше осуждает нас, то кольми паче Бог, потому что Бог больше сердца нашего и знает нас. Возлюбленные, если сердце не осуждает нас, то мы имеем дерзновение к Богу" (I посл. Иоанна III, 19-21).

Здесь — чрезвычайная высота, здесь — нам дан безусловный термометр душевного здоровья. Да, подобно тому, как температура тела свыше 37 градусов есть свидетельство болезни тела, так и в духовной жизни. Если душа ощущает дерзновение перед Богом, зрит Его, значит — моральное здоровье в порядке: душа не впала в смертный грех, ибо смертный грех — есть грех, влекущий за собой смерть, утрату Богоощущения. Дозволено все то, что повышает (или сохраняет) чувство Богоощущения, и наоборот, хотя бы формально, это были моменты, как будто нравственно индифферентные. Богоощущение утеряно — моральный термометр показывает, что душа больна, и немедленное лекарство — покаяние. Вот, формула безусловной морали Христа, правильного жизненного понятия. Это не означает отмены привычных нравственных моментов. Но это есть индивидуализация моральных норм. Если у нас тела индивидуальны, как свидетельствует медицина тела, то индивидуальны и нравственные сознания.

Единая мера здесь не приложима. Здесь потому необходимо провозглашение принципа свободы, что, конечно, не означает моральной неустойчивости. Христос дал совершенно безусловной метод нравственного совершенства — это путь беззаветно сердечной любви к Богу и братству. Это и есть единственно правильный регулятор моральной устремленности. А индивидуализируется этот метод, соответственно с данной психологической организацией, при соблюдении конечной цели морального развития — по-

вышения религиозного тонуса. Такое духовное понимание духовного пути Христа апологетически очень плодоносимо.

Мы избегаем обвинения в закоснении нравственном. Нам предложено нравственное абсолютное совершенство, идеал, недостижимый в условиях земного странствования — "Един свят, един Господь Иисус Христос", — поет Святая Церковь. Поэтому жизнь создала различные типы приближенного нравственного совершенствования. Эта моральная многотипность должна учтена быть, потому что она коренится на вариациях человеческого сознания вообще, на индивидуальном характере наших душ. Аскетический идеал, с этой точки зрения, не упраздняется, но все же перестает быть единospасающим. Есть и другие, не менее целосообразные, подходы к нравственному совершенству. Жизнь мирская, как жизнь монашеская, — не антиподы, а разнотипы. Это то, о чем учил св. Мефодий Потарский, говоря о религиозной равноценности брака и безбрачья. Многотипность моральных совершенствований, не исключających, но сопутствующих друг другу при конечной задаче, — вот формула этики обновленческой апологетики".

("Вестник Священного Синода". 1925 г. № 2, стр. 18-28).

Доклад А.И.Введенского, как мы сказали выше, — представляет собой выдающееся произведение русской богословской мысли.

По своему содержанию, доклад распадается на три очень неравноценные части. Первая (социологическая) часть представляет собой известный прогресс, по сравнению с речью Александра Ивановича на Соборе. Речь знаменитого богослова отличается большой убедительностью, когда он говорит о "противоестественной связи церкви с государством". Осящение Церковью государства является, действительно, одним из величайших грехов Церкви. Правда, существование государства является на определенных этапах исторической необходимостью, поэтому Священное Писание признает государство как неизбежное зло, точно так же как на определенных этапах исторической необходимостью является рабство. Однако, признавать рабство и государство как некую необходимость, которую следует терпеть до поры до времени, — это еще не значит его освящать, как это делает русское духовенство.

Заслуживает одобрения также и заявление А.И.Введенского о том, что он "не хочет чистить никаких сапог, хотя бы они были и красные". К сожалению, — это заявление так и осталось платоническим: говорить о достижениях того или иного строя, совершенно умалчивая о его пороках и недостатках, — это и означает "чистить сапоги".

Огромную познавательную ценность представляет собой вторая, философская часть речи А.И.Введенского. Совершенно правильно определив соотношение науки и религии, А.И.Введенский дает классическую формулу.

Читая философские рассуждения Александра

Ивановича, поражаешься мощи его таланта. Учение о целокупности бытия, сформулированное А.И. Введенским, предвосхищает весь современный экзистенциализм, — учение всеми тогда забытого датского философа Кьеркегора, который теперь стал одним из самых модных философов, к родникам творчества которого приникает вся современная философская Европа — от Ясперса до Сартра, от персоналистов до Рассела.

Понимание целокупности бытия, которое схватывается интуицией и разумом, у А.И. Введенского шире и глубже, чем у его учителя Анри Бергсона. Из всех учеников великого французского философа А.И. Введенский, вероятно, один из самых талантливых и творческих. Однако он, как и почти все современные европейские философы, исходя из Бергсона, не имеет силы перешагнуть через него. И отсюда полное непонимание диалектики как принципиально нового метода познания мира.

А.И. Введенский считал диалектику разновидностью рационализма. Как неоднократно говорил А.И. Введенскому его нижайший ученик — пишущий эти строки — нет ничего более неправильного: диалектика — это и есть то новое мировосприятие, в котором синтезируется логика и мистическое восприятие... Поэтому Гегель должен считаться Колумбом нового мира, — и не его вина, если диалектика попала в руки индейцев, которые, совершенно не понимая, что с ней делать, превратили ее в блестящую погремушку.

Целый ряд возражений вызывает также заключительная часть доклада.

Когда А.И.Введенский говорит о динамичности моральных критериев, он совершенно прав. Когда он говорит о равнозначности брачного состояния и безбрачия, — он также вполне прав. Тем не менее самый принцип условности морали не может не вызвать очень серьезных возражений. Заповеди Моисеева закона, как и все нравственные заветы, являются обязательным условием для спасения: "Сотвори заповеди", — говорит Господь евангельскому юноше, отвечая на вопрос, как спастись.

В самом рассуждении А.И.Введенского об условности морали чувствуется влияние эпохи. "Реабилитация плоти", о которой говорили в 20-х годах многие идеологи половой распущенности. Рассуждения А.И.Введенского о морали в этом пункте подозрительно напоминают, например, рассуждения знаменитой А.М.Коллонтай, которая, примерно в это время, писала следующие строки:

"Для женщины прошлого величайшим горем являлась измена или потеря близкого человека; для современной героини — потеря самой себя, отказ от своего "я", в угоду любимому, ради сохранения любовного счастья. Новая женщина восстает уже не только против нынешних цепей, она протестует против самого "плена любовного", она боится тех оков, которые любовь, при нашей современной искалеченной психологии, налагает на любящих. Привыкшая растворяться — вся, без остатка — в волнах любви, женщина, даже новая, всегда трусливо встречает любовь, опасаясь, как бы сила чувства не разбудила в ней дремлющие атавистические склонности

”резонатора” мужчины, не заставила отречься от себя самой, отойти от ”дела”, отказаться от призвания, жизненной задачи. Это борьба уже не за право ”любви”, это протест против ”морального плена” даже внешне свободного чувства. Это ”бунт” женщин переходной эпохи, еще не научившихся совмещать внутреннюю свободу и независимость с всепоглощающей властью любви”. (А.Коллонтай. ”Новая мораль и рабочий класс”. М. 1919 г., стр. 26).

Надеждой обновленцев является новый Поместный Собор, открытие которого было назначено на июнь 1925 года. От Собора ожидали разрешения проблем этого времени.

В преддверии Собора совершенно ясно обозначились в обновленчестве две партии: правая и левая. Обновленческая ”правая” во главе с монашескими архиереями предлагала держаться линии Евдокима — искать соглашения с Патриархией и воздерживаться от каких-либо реформ.

”Обновленческая левая”, во главе с А.И.Введенским, занимала непримиримую позицию по отношению к Патриархии, отвергала всякую возможность примирения, стремясь к бытовой ”модернизации” духовенства, — в первую очередь, к замене монашеского епископата женатым.

Летом 1925 года ”левая” перешла в решительное наступление. 15 июля 1925 года в журнале ”Церковное Обновление” была напечатана статья ”О пастырстве”, принадлежащая перу А.И.Введенского. Эта статья является программой. Нигде так ясно и четко не высказаны и основные установки обнов-

ленчества, как оно сложилось после периода исканий 1922-1924 годов, как в этой статье. Приводим ее поэтому здесь полностью.

О пастырстве

Вопрос о пастырстве стоит сейчас очень остро... Жизнь вырабатывает новые тип патырства. Уже совершился колоссальный сдвиг в психологии человечества вообще, в религиозной стороне этой психологии — в частности. Мы еще недостаточно учли эту новую психологию человечества. Я знаю, что церковники подчас готовы даже враждебно отнестись к этой новой психологии человеческих масс, видя в ней какой-то губительный уклон от нормального развития. Я полагаю, что нет основания для такого пессимизма. Жизнь, как это правильно указывал еще Гегель, есть раскрытие Божественного Духа...

Пастырство, по самому своему смыслу, есть уловление человеческого сознания в объятия Христа. Но для того, чтобы уловить человеческую душу, нужно эту душу понимать. Я должен обратить самое серьезное внимание на то обстоятельство, что атеистическое окружение влияет и на так называемую верующую душу, создавая в ней подчас состояние внутренней неустойчивости. И это иногда влияет и на отношение даже верующих душ к глубочайшим и важнейшим проблемам веры. Все это нам надо учесть во всей широте масштаба. Только поняв современную душу, дух эпохи, со всеми его нюансами и заострениями, мы сможем реагировать на его

болезненное состояние, да дарует Христос ему евангельское здравие.

Следовательно, пастырю нужно приобщение к современному духу жизни. Значит ли это омирщение пастыря? Но что есть омирщение? Омирщение есть признание "мира" за нечто самодавляющее, субстанциональное. Когда в сердце все заполнено "миром" — тогда нет места Христу. Внутренняя прилепленность к миру. В этом смысле, конечно, пастырь не может быть омирщен. Но принятие мира в смысле понимания мира — это должно быть у пастыря непременно.

Старый пастырь, пастырь тихоновского толка, воистину есть пастырь мертвецов, а не живых, как это утверждал и приснопамятный протоиерей Иван Федорович Егоров. Да, этих непогребенных трупов много толпится у церковных наших ворот, но они то и превращают дворы живого Бога в трупарни, где кладбищенское растление отравляет атмосферу. Наши миряне, точнее миряне тихоновского толка, очень часто являются не творцами истории, ее активными деятелями, но либо не угнавшимися за победным бегом колесницы жизни, либо, того печальнее, инвалидами живой жизни, израненными, раздавленными этой чудесной колесницей.

Отсюда-то такое частое, на первый взгляд непонятное, отвращение живых людей к Церкви: у кого здоровые легкие, тому нелегко дышать спертым воздухом.

Не спору, что старый пастырь, по своему внешнему облику часто напоминающий не столько свя-

щенника Господа Бога, сколько орангутанга Все-вышнего, с психологией, еще больше одичавшей, чем его наружность, для кладбищенских христиан есть нечто близкое и понятное: рыбак видит рыбака издалека.

Но Церковь Христова не есть кладбище. И горе нам, если пастыри наши превратятся в могильщиков, типа шекспировского Гамлета (уву! — у меня часто возникает именно такая ассоциация). Пастырь — господин и творец новой жизни. Поэтому культурность пастыря в буквальном и общепринятом смысле этого слова есть нечто само-собой разумеющееся и необходимое. Здесь дело касается и культурной внешности (я, лично, принципиально бреюсь и ношу во внебогослужебное время обычную человеческую одежду), но, главное, во внутренней общечеловеческой культурности. Необходимо возбудить в пастырях интерес — живой и действенный — к науке, к искусству, к проблемам общественности и даже (страшно сказать!) скажем себе — физкультуре. Мы ведь должны утвердиться в сознании, что весь мир есть обнаруживание Божественного принципа. Что, приобщаясь к миру, проявлению мирской жизни, мы приобщаемся Божеству в его творческом явлении...

Я — принципиальный противник монашества и сейчас допускаю его в Церкви лишь из соображений так называемой церковной экономии.

Но, почитая монашество за порождение буддистского язычества, а не евангельского христианства, я зову к строжайшей аскезе и пастырей, и ми-

рян. У нас создалось убеждение: мне это можно, я не монах. Да нет! Что греховно, то недопустимо никому, а не тем, кто надел на себя черные клобуки и опутал свои руки четками, изобретением буддийской Индии. Самая беспощадная внутренняя борьба с грехом, самый суровый в этом смысле аскетизм — не аскетизм формы, а аскетизм духа — должен быть уделом каждого христианина, полюбившего христову чистоту.

Итак, священник — это тот, кто в сердце имеет Бога и Богом приемлет мир, но не грех мира... Однако для того, чтобы принять в свое сердце Бога и жить в Боге, священник должен дисциплинировать свое сердце. Но пастырская дисциплина не есть дисциплина в тривиальном понятии этого слова...

Жизнь выработала отрицательный тип "новоцерковного" пастыря, хлыщеватого квази-интеллигента, бонвивана второго сорта. Пастырское разгильдяйство — конечно — недопустимо.

Истинная пастырская дисциплина есть самодисциплинирование пастыря, не путем сличения своих поступков с трафаретной планировкой пастырских "наказов", но, исключительно, соотношением внешнего своего поведения с внутренней преданностью и любовью ко Христу..."

Митр. Ал. Введенский.

Москва 18 мая 1925 г.

(*"Церковное обновление"*. г. Рязань. 15.07. 1925 г. № 11, стр. 86-87).

Как мы указали выше, эта статья А.И. Введен-

ского является любопытнейшим во всех отношениях документом: никогда еще программа обновления не высказывалась так ярко и так полно: это была, по существу, глубоко оппортунистическая программа — приспособиться к жизни, ко времени, к популярным идеям. По мнению Александра Ивановича, таким путем духовенство могло овладеть молодым поколением и повести за собой. Нет ничего более ошибочного, чем эта мысль: никогда приспособленцы никого за собой не веди; как показывает опыт истории, ведут за собой сильные духом люди, которые смело идут против всех общепринятых обычаев и понятий...

Резкие выступления против монашества возбудили целую бурю в Синоде: после часового бурного заседания, в редакцию журнала "Церковное Обновление" — было послано следующие письмо, напечатанное в следующем номере:

"В редакцию журнала "Церковное Обновление"

Священный Синод Р.П.Церкви, согласно постановлению своему от 17 сего июля, просит редакцию журнала "Церковное Обновление" напечатать в ближайшем номере, что Священный Синод не имеет никакого отношения к редакции журнала "Церковное Обновление", что все статьи в указанном журнале, кому бы они ни принадлежали, не выражают мнения Священного Синода Р.П.Ц. и что резких выражений в № 11 журнала в статье митрополита Александра "Пастырство" Синод не одобряет". ("Церковное Обновление" 1925 г. № 12, стр. 100).

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПО ПОВОДУ КНИГИ АНРИ БАРБЮСА "ИИСУС"

Напечатано в книге "Личность Христа в современной науке и литературе". Стенограмма диспута А.В.Луначарского с митрополитом А.И.Введенским. Изд. "Безбожник" 1928 год, и в книге А.В.Луначарского "Об атеизме и религии". Изд. "Мысль". Москва. 1972 год. Стр. 244-250.

"Личность Христа в современной науке и литературе" (Об "Иисусе" Анри Барбюса). Стенограмма диспута А.В.Луначарского с митрополитом А.И.Введенским. 3-го октября 1927 года.

Председатель. Гражданин Введенский имеет слово.

Введенский. Анализируя книгу Барбюса, Анатолий Васильевич выразил опасение, что попы и попики воспользуются этой книгой как своим союзником. Не знаю, что будут делать попы и попики, но священники этой книгой пользоваться не будут. В самом деле, книга Барбюса, конечно, никакого ни научного, ни религиозного значения не имеет. Но книги Барбюса (я не противоречу сам себе) все-таки некоторую значимость имеют, не научную, а какую-то другую, какую именно — я скажу в самом конце моей речи. Граждане! И все-таки книга Бар-

бюса была взята Анатолием Васильевичем как некоторый трамплин, откуда он сделал натиск на церковь. Что же, мы принимаем этот идейный вызов. Но давайте картину рисовать до конца. Анатолий Васильевич рисовал, очевидно, картину современного научного построения, научного подхода к личности Христа. Я несколько продолжу эту линию и боюсь, что получится великое землетрясение, в результате которого вся эта постройка Анатолия Васильевича рухнет, ибо эта истина построена на научном песке.

Граждане! Вопрос об историчности Христа, о том, что Он существовал, был миттельпунктом — центральным моментом — и речи Анатолия Васильевича, и всего хода его соображений в полемике с Барбюсом. Этот вопрос не новый. Я извиняюсь, что повторяю некоторые зады об истории Христа, но вспомните, что впервые этот вопрос был поднят после Великой французской революции, в конце позапрошлого столетия, Дюпюи и Вольнеем. С этого времени против Христа выступало немало личностей. Анатолий Васильевич перечислил некоторых из них. Я чуть дополню этот список. Здесь выступали Дреус, Кушу, Жирядон, Робертсон, Смит, Немоевский, Люблинский и т.д. Но весьма характерно, что эти лица связаны единством просихождения не социального, а интеллектуально-культурного. В самом деле, некоторые биографические справки для меня не бесполезны. Дреус был профессором философии, Робертсон и Смит — один социолог, другой математик, Жирядон — офицер прусской армии, Рейн —

врач, Кушу — доктор парижский, друг Анатоля Франса, Немоевский — журналист. Я соглашаюсь и допускаю, что они были самые лучшие специалисты, высококвалифицированные математики, блестящие социологи, но не богословы. Но почему они оставили свои прямые обязанности? Не получится ли из-за этого некоторый неприятный для автора момент. Я напомним мысли одного известного ученого-физика О.Д.Хвольсона, у которого есть любопытная книга под странным подзаголовком "Гегель, Геккель, Коссут и 13-я заповедь". Книга чисто научная. Гегель был замечательный философ, он имел большой философский кругозор, но он еще вздумал заниматься проблемами естествознания. Так же поступили Коссут и Геккель, оставившие свои прямые специальности. Наблюдая все это, Хвольсон говорит: "Я советую ввести в общее употребление 13-ю заповедь, которую я — Хвольсон — формулирую так: никогда не говори и не пиши о том, чего хорошо не знаешь". Еще Козьма Прутков говорил: "Нельзя объять необъятное". Я, конечно, не в претензии, что какой-нибудь немецкий чиновник вроде Промуса, возвращаясь из канцелярии, после отдыха начнет пописывать о Христе, я несколько не в претензии, что Жилярдон писал о Христе, это делает честь военно-офицерской натуре. Но, граждане, какая этому научная цена? Поскольку я лично посвятил жизнь и силы изучению богословия, как такового, я должен сказать, что вопрос об историчности Христа рассматривался не только верующими богословами; вы можете сказать, что верую-

щий заранее загипнотизирован фигурой Христа, он не может отнестись объективно, но вот что необычно — это то, что, когда вопрос об отрицании историчности Христа стал проникать в широкую публику, тогда этот вопрос был всесторонне изучен представителями и ортодоксальной мысли, и либеральными богословами, и представителями так называемого отрицательного богословия, антихристианскими представителями богословской науки. На тему о том, жил ли Иисус, выступали все корифеи западной мысли. По поводу книги Дрекса выступали такие ученые, как Адольф Гарнак, блестящий эрудит, профессор Берлинского университета, фон Соден и целый ряд других; все они одинаково приходят к убеждению, что Христос, как историческая личность, был. И одна из самых интересных подробностей — это та, что при историческом изучении вопроса в деле защиты существования Христа выступил ряд еврейских ученых-нехристиан. Одну из самых интересных книг, которую я читал (в немецком переводе, так как не знаю шведского языка), написал шведский профессор, доктор раввин Готлиб Клейн. И Сорель в блестящем очерке о Ренане указывает, что у нас достаточно еврейской литературы для того, чтобы Христа, как историческую личность, фиксировать.

Подводя итог научной литературе по поводу этой вспыхнувшей кампании о Христе, я укажу на работу Эрнста Мейера, который в отношении области античного мира имеет то же значение, какое в свое время имел Теодор Момзен для истории Рима.

Этот Мейер в своей работе, выведшей в Берлине в 24-м году в трехтомном сочинении "Происхождение христианства", разрешает вопрос о существовании Христа в одном подстрочном примечании, где выражает надежду, что читатель не будет заставлять его доказывать, что Христос был, потому что это исторически абсолютно установленный факт. Гарнак в своей двухтомной книге "Из знания и жизни" говорит, что широкая публика, как он несколько иронически выражается, поверила этим необузданным комбинациям Дрекса только потому, что она в области исторической является малокультурной, дилетантской. Я не в одиозном смысле употребляю этот эпитет, я с уважением отношусь ко всякой мысли своих противников, но дилетантизм существует, и Гарнак говорит, что только дилетантская масса говорит, что Христа не было.

Из этой некоторой справки вы видите, что люди разных убеждений, разных философских школ по вопросу о Христе говорят совершенно одно и то же: он был. И Барбюс (я ссылаюсь только постольку на него, поскольку его затронул здесь Анатолий Васильевич) тоже затрагивает Христа как историческую личность. Другое дело, что они эту историческую личность трактуют не так, как мы, верующие, православные. Это, конечно, не подлежащий сомнению факт. Их трактовка личности Христа совершенно обратная, нежели наша трактовка. Для нас Он абсолютный Бог, рожденный в плоти, для других он мечтатель, для третьих — удачливый или неудачливый социальный деятель, для четвертых —

моралист. Как на 2-й странице своей книги "Сущность Христа" пишет Гарнак, "каждый хочет видеть Христа в своем лагере. Но все они сходятся на признании его как исторической личности". "Докажите", — кто-то крикнул сверху. Для того, чтобы доказать всесторонне, нужно быть в полном вооружении всеми филологическими и богословскими знаниями не только лектору, но и слушающим. Но наша аудитория не семинарий историко-философского факультета. Я могу поэтому сейчас говорить только о методах, которыми пользуются лица, сомневающиеся в существовании Христа.

Как мы фиксируем любую историческую личность, что для этого надо? Надо ли утверждать, что только та личность существует в истории, которая засвидетельствована историческим документом? Ведь в историю не попадали все события исторические. Ведь так вы скажете, что Иван Иванович Иванов никогда не существовал, потому что его фамилию вы нигде в газетах не нашли, даже в отделе происшествий.

Вы скажете, что Христос не Иван Иваныч; ясное дело, Христос не Иван Иваныч, но, граждане, Христос при своей жизни совершал свое служение тихо и скромно. Примите еще во внимание тот объем античной литературы вообще. Не забудьте, что тогда не было наших типографий, нашей огромной печатной продукции, и тогда искусство писания было редким, своего рода аристократическим, ремеслом, поэтому вообще от древностей у нас осталось очень мало; часто фиксируют крупную историче-

скую фигуру только потому, что один раз через тысячу лет при раскопках находят имя на камне. Кто помнит историю Востока, тот знает, что, например, такие имена, как ряд патеси из Ширпуры-Лагаша, упоминаются один раз на каком-нибудь камне, а после этого история записывает их личность. Подойдем этим методом к Христу. Пусть для неверующих он не бог, но и в христианских и в языческих памятниках, и во враждебной христианству литературе, в еврейской литературе он зафиксирован как личность. О нем говорится в Талмуде как об определенной личности. Профессор Даниил Хвольсон приводит ряд цитат из Талмуда, устанавливающих Христа. Даже чудеса его признаются, хотя и объясняются с помощью колдовства; не ясно ли после этого, что Христос — это всесторонне засвидетельствованная историческая личность?

На первой части доклада я долго останавливаться не буду и перейду к дальнейшему этапу нашей полемики.

Анатолий Васильевич указал, что Барбюс находит противоречия в Евангелии, больше того, что у нас нет подлинных документов той эпохи и то, что писал апостол Павел, в значительной части явояются писаниями апокрифическими. Это возражение как будто серьезное. Если говорить о Христе только по документам вроде Талмуда, если бы не знали других документов, то нам пришлось бы сказать, что да, Христос — это икс неизвестный, и больше ничего. Но наше положение, слава Богу, не такое. Анатолий Васильевич, вероятно, знает, что и до Барбю-

са многие делали попытки дискредитировать историческую ценность Евангелия и Нового завета. Анатолию Васильевичу не менее, чем мне, конечно, известны работы, например, Штрауса, Бауэра, так называемой тюрингенской школы, по которой наши евангелия относятся чуть не к III столетию. Если бы дело обстояло так, то для нас это было бы грустно. Ведь в таком случае евангелистов от Христа отделяет 200 лет. Но с вопросом о Христе дело обстоит как раз наоборот. Если бауэровская школа еще не могла удовлетворительно разрешить вопрос о происхождении Евангелия, то сейчас наука вооружена лучше. Если я живу, скажем, в XX столетии, то, конечно, я не помню, что было в XVIII, так бы обстояло дело и касательно евангелистов.

Так, Гарнак говорит, что в результате 30-летнего изучения Евангелия он приходит к убеждению, что оно должно приниматься все более традиционно и даже реакционно. Он понимает здесь реакционность не общественную, а как традицию чисто церковную. И я, говорит Гарнак, не боюсь этого слова — "реакция". В лице Гарнака мы имеем возврат к принятию Евангелия как исторического документа. Я говорю о Гарнаке как о лице богатой эрудиции, но на этой точке зрения стоят и Эрнст Мейер, и английская школа во главе с профессором Гэтингом, и американские профессора вроде Бетуни-Беккера. Здесь можно указать колоссальное количество работ ученых самых разных религиозных убеждений, которые приходят к выводу, что евангелия в своей основе являются историческими документа-

ми не меньшего порядка, чем все прочие исторические документы той эпохи. Я полагаю, что, однако, должен попытаться реабилитировать евангелия от некоторого, я бы сказал, обывательского взгляда на учение церкви о Слове Божьем. Оно боговдохновенно, следовательно, вы себе так представляете, что Бог на манер лектора диктовал, а стенографы, в виде святых апостолов, записывали...

Но, обращаясь хотя бы к нашим стенографам (пардон, медам), меня так много записывали, что я знаю, что и наши человеческие силы не всегда хорошо записывают человеческую речь. Так что даже, если вы подходите к апостолам, как к стенографам, очень может быть, на них не следует сетовать более, чем на многих стенографов наших дней. Но апостолы никогда не хотели выступать в лице стенографов. Или вы думаете, что Христос шествовал по Галлилее, а апостолы, в виде милиционеров истории, тотчас же в протоколе фиксировали ее (*Апلودисменты*). Нет, на каждом апостольском писании, если рассуждать о них с точки зрения чисто научной, лежат общечеловеческие условия психологии творчества. Если бы апостолам угодно было сочинить евангелия — допустим на минуту, что это был сочинитель, сознательный или полусознательный, — то, уважаемые граждане, неужели хотя бы такой колоссальный ум, как автор евангелия от Иоанна, допустил бы, например, в четвертом евангелии противоречие по отношению к трем другим евангелиям? Неужели он не мог бы редактировать свое выдуманное произведение? Нет, дело не в сочинительст-

ве. Эти так называемые противоречия — мы их не боимся. Наша общая богословская безграмотность, хотя бы просто отсутствие понимания греческого языка, часто заставляет бросать нам обвинение, что вот церковник, он скрывает те противоречия, которые заключаются в Евангелии, в этой книге с золотым переплетом и целой гнилью внутренних противоречий. Дело вот в чем: у нас читается: евангелия от Иоанна, от Матфея, от Луки, от Марка, а по-гречески стоят четыре буквы: "ката". По-гречески это значит "по": евангелие по Матфею, по Луке, по Марку, по Иоанну. Вы видите, как церковь предупреждает: не стенограмма, не протокол, не мемуары, не что-нибудь такое, не результат чрезвычайной следственной исторической комиссии написан. Нет! Это поистине "по", т.е. как апостолы сами пишут, исходя из своей психологии. Они записывали евангелия как воспоминания. И в Евангелии нет противоречий, а есть субъективность восприятия. Евангелие божеественно по своему духу, а не букве. Субъективизм свидетельских показаний неизбежен.

Граждане! И о моей маленькой личности могут быть субъективные споры: я один сзади и другой спереди; если сзади люди имеют основание сказать, что у митрополита Введенского нет носа, то спереди скажут: есть, и очень большой.

Когда в одном тексте вы читаете о любви Христа, вы говорите: у Христа нет ненависти, а когда в другом месте есть ненависть, вы говорите: нет любви. Это противоречие. Тут я скажу, что если есть субъективизм восприятия в отношении к малень-

кой личности, то Христос, который в истории играет, несомненно, громадную роль, должен был вызывать к себе, естественно, самые разнообразные субъективные отношения. На самом деле, чем личность колоссальнее, тем она менее бывает понята современниками. Чем колоссальнее горизонт, тем труднее его схватить на фотографическую пластинку. Здесь приводилось такое противоречие, что в руках Христа была один раз ласка, в другой раз бич, но, когда я обращаюсь к врачу, он один раз говорит: согревающий компресс, кодеин, а когда я прихожу во второй раз, он говорит: резать. Что же я ему отвечу? Что сегодня он гуманен, а завтра он разбойник? Этого нельзя сказать. Если вчера был кодеин, а сегодня нож, то это не значит, что вчера была любовь, а сегодня ненависть. Оба метода представляют известную цену, если нужно принести здоровье. Врачи индивидуализируют заболевание. Когда Христос в одном месте ласкает детей, а в другом бьет бичом и изгоняет, то он одинаково хочет напомнить человеку, кто он, кем должен быть. Это многообразные методы педагогически-психологического подхода к воспитанию человеческой личности.

На это обратил внимание, между прочим, один из колоссальных эрудитов Запада — автор книги *„Weg war unser Christus“* профессор Лоофс. Там приводится такой пример: некоторые авторы (Древс) идут в своих рассуждениях таким путем, что если упоминаются Протеус и Петрус, то, следовательно, евангельского Петра не было. Эта поверхностная,

звуковая аналогия, которая говорит об игре мыслей ученых, конечно, не имеет научной цены. Попытка свести Христа на роль мифологического существа подобно утверждению гр. Луначарского, конечно же, не новость.

Христос в Евангелии рисуется единой гармонической личностью, зотя и бесконечно многогранной, ибо в человеке Иисусе, по учению церкви, воплотился господь с небеси. Отрицатели Евангелия погрешают против правильной методологии изучения подлежащих текстов.

Многokrатно хотели Христа свести в разряд второго Будды, второго Озириса, третьего какого-нибудь Адониса. Кто не помнит знаменитую, нашумевшую в 80-х годах, вышедшую в Лейпциге книгу профессора Зейделя, в которой он говорит, что евангелие Христа в сравнении с евангелием Будды — это искаженный буддизм. Учение Рудольфа Зейделя настолько распространилось по миру, что даже в языческой Японии были ученые вроде Анесаги, которые доказывали, что Христос — второе издание Будды. Но труды Риса-Девидса, Лавалэ Пуссэна и целого ряда глубоких знатоков разных религий, в частности буддизма, показали, что, кроме поверхностной аналогии, здесь ничего не было. Удержимся от поверхностных выводов. В самом деле, не бесконечно ли прав один из величайших в мире знатоков античности, гордость русской науки, Зелинский, который и нам, студентам, говорил, и в своем предисловии к книге Ревилля о Христе пишет, что античность искала Христа, Мессию, утешителя и в образе

Птоломея, и в образе Прометея, и в образе Геракла, и в образе Августа, но не нашла и успокоилась только на личности Христа. В самом деле, известная часть человечества имеет не только грубую физиологию и увлечение физиологическими устремлениями, человечество имеет еще то, что Виндельбанд называет созерцанием истины под знаком вечности. И тот, кто рожден для вечности, тянется к вечности. И человечество искало и томилось, пока не нашло Христа, абсолютного начала бытия.

Озирысы, Адонисы и т.д. — это тоска по грядущему богу. Это как бы священная игра, мировое значение которой подчеркнул наш Скрябин. Возьмите детские игры: кукла и девочка. Это забава. Но только ли забава?

Девчурка, беря на руки куклу, целует и ласкает ее. Это игра, но это и не осознанный материнский инстинкт, который заставляет девчурку ласкать куклу, а когда она вырастает, она будет ласкать своего ребенка. Так и человечество искало Христа и в Египте, и в Персии, и в Вавилоне. В результате этого человечество уже было приготовлено к принятию Христа как Сына Божьего. Как вы говорите, что апостолы не знали Христа, как Сына Божьего во плоти? А первое послание к коринфянам апостола Павла? Его ценность не заподозрена, я смею это утверждать, ни одним серьезным и даже несерьезным историком. Даже критическая школа голландцев (Ван Ломана и т. д.) принимает его. Но вспомните 15-ю главу этого послания. Некоторые христиане сомневались, будет ли всеобщее воскре-

сение, и апостол Павел, становясь на утилитарную, меркантильную точку зрения, говорит, что если Христос не воскрес, то нет и воскресения и зачем же я тогда подвергался гонениям, пыткам и мукам? Если не воскрес Христос, то будем есть и пить, потому что завтра все умрем.

Апостолы были и практическими людьми. Они точно убедились, осязали руками своими, увидели глазами своими и лишь тогда пошли возвестить миру Христа.

Уважаемый Анатолий Васильевич, что Христос открылся апостолу Павлу на пути в Дамаск — это для Вас не имеет цены, но ведь апостол Павел пишет в послании к Галатам, что Христос беседовал с учениками, что он явился Иоанну, Кифе и другим, что он, Павел, находился в общении с этими людьми, от них непосредственно слышал о Христе. Так что мы подходим к самоочевидцам истинности Христа. Если бы Христос не был видим Иаковом и Петром, то зачем им было писать о смерти Христа, которого они встречали? Из-за этого идти на страдание, на смерть? Изучение письменных трудов апостолов показывает, что апостолы знали Христа Иисуса, человека по плоти.

Итак, первое христианство знает реального Христа, который был принят им как Бог.

Я не имею сейчас своей задачей входить в дискуссию, чтобы доказать *ubi et orbi*, что Христос — бог, я хочу указать, что Христос имел человеческий образ и книга Барбюса имеет цену как человеческий документ. Я читал его книгу "Jesus le Juste" ("Иисус

праведный”), которая была издана в Париже в издательстве Фламмарiona в 35 000 экземпляров, в этой книне Барбюс на одной из страниц пишет (цитирует по-французски и переводит). За эти слова я Барбюсу прощаю его дилетантизм. Он говорит: ”Я вижу Тебя, Иисус, это Ты открываешься мне во всей четкости своей красоты, я Тебя люблю, я держу Тебя у моего сердца”.

Что это такое? Почему Барбюс так написал? Неужели это игра в красивый стиль? Я думаю, что это то же самое, что заставило и Оскара Уальда из Редингской тюрьмы писать об Иисусе, где говорится, что он при одном имени склоняет колени перед ним и чувствует, что ему легче жить. Несомненно, что кто подошел внутренне ко Христу, тому это дает бесконечный покой для его сердца. Это все более и более начинает сознавать наука, которая семимильными шагами идет вперед. То, что вчера было только увлекательной грезой человеческого воображения, сегодня становится научной проблемой. Я напому вам о работах философа-метафизика Анри Бергсона, который говорит, что, подобно тому как алхимия была переходом к химической деятельности Лавуазье, мы переходим к новым граням понимания метафизических вопросов. Аналогично Планк, великий физик, говорит, что постепенно наука приходит к тому абсолютному, о чем говорит духовное миропонимание, и теперь мы в религии не видим психиатрии, а видим космический подход к миропониманию, которое может быть заложено и в новые поколения. В одной из психологических ра-

бот Ундервуда, изданной в 1926 году в Нью-Йорке, говорится, что Христос созвучен человеческой личности, что это облик, созвучный нам. Вы знаете, что когда ударишь по клавишам рояля, то инструменты созвучные моментально отзываются своими тонами. Так и человеческая душа. Кто имеет в себе некоторые струны вечных звучаний, тот ощущает в Христе полноту вечности. Недаром сказал Тертулиан, что душа человека по природе христианка. Об этом же говорит новейшая работа двух ученых-немцев — Шмунда и Шмоля — "Спасение", изданная в 1925 году: что человечество и сейчас так же жаждет Христа и его правды, как жаждало во времена отцов. Вот что дает нам право принять Христа как божественную личность. Наши души, употребляя сравнение Кречмера, тянутся к богу Христу, подобно тому как опилки железа стремятся к магниту. И книга Барбюса, который любит Христа, для меня характерна как глубоко человеческий документ. Только в этом ее значимость.

Я заканчиваю на этом свое слово, ибо время истекает, я хочу лишь сказать, что, чем больше мы вглядываемся в глубину истории, тем более яркий свет вижу я там, и он становится все ярче и ярче, и он разгорается в колоссальную звезду Христова слова. Звезда Вифлеема превращается в пылающее солнце побеждающей истины. И кто желающий найти свой покой не захочет греться в лучах этой вечной истины Христа, вечного вседержителя? (*Бурные аплодисменты.*)

А.И. ВВЕДЕНСКИЙ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКА И УЧЕНИКА

Мой приход в обновленчество произошел следующим образом: в Троицу 1933 года — 4-го июня — я отправился к литургии в обновленческий Андреевский собор. Я и раньше заходил в обновленческие храмы, но всегда стоял там, как посторонний наблюдатель, не крестясь и всем своим видом показывая, что я не имею никакого отношения к обновленческому богослужению. "Точно пристав в синагоге во время молебна о царе", — говорил один мой товарищ. Теперь впервые я пришел в обновленческий храм как молящийся. Служил архиепископ Николай Платонов*, о котором я уже упоминал раньше. За литургией и во время молитв Пресвятой Троице я горячо молился о том, чтоб Господь осенял меня Святым Духом и показал мне, куда мне идти. Платонов, которого я не видел перед этим 5 лет, только что вернулся из Крыма. Загоревший и посвежевший, он выразительно читал положенные молитвы, однако особенного впечатления на меня не произвел. Но здесь я услышал новость: через не-

* Николай Федорович Платонов. Обновленческий митрополит, впоследствии снявший с себя сан (1888—1942 г.г.)

делю, 11 июня 1933 г., в Ленинград прибывает Введенский, который совершит в Вознесенском соборе литургию. Это было сенсационно.

К тому времени слава Введенского, столь ярко разгоревшаяся в 20-е годы, значительно померкла, или, точнее, была притушена. В 1929 г. диспуты прекратили. Введенскому "посоветовали" из Москвы никуда не выезжать. В 1931 г. был взорван храм Христа Спасителя, последним настоятелем которого был Введенский. Ему было еще разрешено проповедовать, но проповедь эта сосредотачивалась лишь в храме Петра и Павла на Басманной (в Москве). Однажды он должен был приехать в Питер (в 1930 г.) служить в Казанском соборе, но за несколько дней было объявлено, что митрополит Александр заболел гриппом, а потому богослужение откладывается. И вот именно теперь, когда я весь захвачен идеей обновления церкви, приезжает знаменитый обновленческий иерарх. 11-го июня, спозаранку, я отправился в величественный Вознесенский собор, на месте которого сейчас высится уродливое помещение школы (здание казарменного типа), на бывшем Вознесенском проспекте (ныне проспект Майорова). К 10 часам собор был набит народом (знаменитого проповедника пришли послушать все — и староцерковники, и обновленцы). Служба проходила с византийским великолепием. Вместе с обновленческим митрополитом служило четверо иерархов: неизменный Николай Платонов, архиепископ Лужский, архиепископ Тихвинский Михаил Попов, архиепископ Петергофский Макарий Торопов и

ариепископ Ладожский Вениамин Молчанов, а также 40 обновленческих священников. В соборе присутствовало не менее 7-8 тысяч человек. В конце литургии, перед отпуском, на кафедру проповедника (в питерских храмах по образцу католических справа от алтаря высилась кафедра проповедника) взошел прославленный оратор. Я протискался почти к самой кафедре. Все взгляды устремились на человека в сверкающей митре, с актерски бритым лицом, с архиерейским посохом в правой руке. Он заговорил. У него был тенор, очень звучный, наполнявший собор. Начал в бытовом тоне, с заверения, что рад был служить литургию в этом храме. Потом заговорил о том, как образ Христа продолжает притягивать к себе взоры и сердца людей во всем мире. В этой связи он напомнил о только что вышедшей на немецком языке книге лейпцигского профессора Лоофса о Евангелиях. Все более воодушевляясь, процитировал слова Лоофса, что Евангелия, подобно чистым водам, отражают лик Христа. А затем воскликнул: "Но вот заходит речь о явлении Христа в исторической церкви, и здесь начинаются горькие слова проф. Лоофса: церковь, по его мнению, отражает лик Христа как бы в замутненных водах". Проповедник взволнован, посох оставлен как ненужный, начинается нервная жестикуляция, наперсный крест и панагия заметно подпрыгивают на его груди. Он начинает обзор всех церковных течений. Сначала говорит о католической церкви; ссылается на журнал, издающийся в Лионе "Journal apologue". Там говорилось (ссылка на № и дату), что целью

церкви является "surétat" (сверхгосударство). Горячая тирада о подмене понятия церкви понятием государства, о порче церкви, о гниении и оскудении церкви, затем переход к протестантству. Упоминание о характерном эпизоде, происшедшем в Германии, когда один пастор с кафедры отрицал воскресение Христа и был за это лишен сана, что вполне понятно и естественно, ибо тот, кто отрицает главный догмат веры, конечно не может быть христианским священником. Но вот началась в протестантской церкви кампания в защиту неверующего пастора, причем огромное большинство высказывалось за то, что всякий пастор может веровать или не веровать в Воскресение Христово. Тирада и теплохладности, об оскудении благодати, об иссякновении Духа Святого в церкви. "Но от запада, где солнце заходит, я обращаю свой взор на восток, где солнце восходит". (Какая-то женщина, стоящая рядом со мной, улыбаясь, тихо говорит: "Он коммунист".) Но ошиблась — речь идет о другом: "И здесь я вижу солнечные образы: вот прямо передо мной икона — Василий Великий, а вот (широкий жест) Иоанн Златоуст, а там (немного поодаль) Святитель Николая. Но, когда я свожу свой взгляд с икон, смотрю на живых людей, я вижу иное. Знаменитый немецкий богослов Гарнак когда-то говорил, что история византийской церкви есть история больших и малых монашеских ссор. Далее — резкое обличение цезарепапизма, консерватизма, обрядоверия. И наконец оратор переходит к современности: он говорит о том, что ему трудно выразить сущность

староцерковничества в единой форме. Он долго искал определения и пришел к выводу, что главной чертой староцерковничества является "бесформенность". Блуждающее богословие (по выражению Мечникова), жалкие попытки зацепиться на каких-то рубежах, вечная недоговоренность и искание компромиссов. Но не так учил Христос. Христос говорил: "Тот, кто кладет руку свою на плуг и обращается вспять (к *surétat*, к древним обрядам), не надежен для Царствия Божия". И Царствия Божия ищут обновленцы. Но кто такие обновленцы? Для одних это страшное слово: не ходи сюда — здесь обновленцы! А для других это слово — источник великой радости. И вдруг истошный крик: "Ты обновленец, христианин! Радуйся и торжествуй!" Проповедник весь меняется в лице, жестикуляция становится столь динамичной, что (кажется!) у него четыре руки; видно, что весь он дрожит мелкой дрожью. Его экзальтация передается толпе. Слышатся выкрики: "Христос воскрес!" А голос оратора раздается во всех уголках храма: "Мы не говорим вам: идите за митрополитом Введенским, за каким-либо другим религиозным вождем и идеологом. Мы говорим вам: идите за Христом, ибо только в нем Свет, Истина и Красота, и Его благословение, Его ласка да будут с нами!" И задышающимся голосом он произносит литургические слова: "Благословение Господне на вас, Того Благодатью и Человеколюбием".

Я вышел из Вознесенского собора обновленцем. Так неожиданно В.С.Соловьев толкнул меня в объятия обновленческой церкви.

ЗАКАТ ОБНОВЛЕНЧЕСТВА

Ветер форточку приоткрыл,
Не задев остального здания.
Он подслушать, верно, хотел
Твои подошедшие воспоминания.

Мих. Светлов "Рабфаковке".

Кавказ. Пятигорск. Горы. Там воздух чист и небо близко, а далеко, далеко внизу — муравейник: маленькие, маленькие люди...

Я всхожу в горы, одинокий, усталый и больной... Как хорошо в горах ранней весной: солнце над головой, а под ногами хрустит снег. И отчетливо и ясно встают в голубоватой дымке давно ушедшие, полузабытые, замолкшие навсегда.

.....
1938 год. Над Россией пролетел ураган. Огромные опустошения произвел он во всех областях. Особенно пострадала Русская Православная Церковь: десятки иерархов, тысячи священников, огромное количество верующих мирян — ушли из

жизни. Ежовщина уничтожила подавляющее большинство русского духовенства. Девяносто пять процентов церквей, существовавших в 20-е годы, были закрыты и огромное количество их было снесено. Самое понятие — "церковь" — в умах большинства населения звучало анахронизмом. Незапрещенная официально, Церковь практически была нелегальной организацией, так как малейшее соприкосновение с "церковниками" считалось верным признаком политической неблагонадежности, со всеми вытекающими отсюда последствиями (а последствия были страшные).

"Церковники и сектанты пытаются отравить ядом религии наших детей. Дадим отпор враждебной работе церковников и сектантов" — этот лозунг, выдвинутый впервые в майские дни 1937 года, неизменно появляется среди других лозунгов ЦК ВКП (б) в майские и октябрьские дни на протяжении четырех лет — с 1937-го по 1941-й годы.

Обновленчество разделило судьбу всей Православной Церкви. Власти в это время совершенно перестали делать какое-либо различие между представителями церковных ориентаций.

"Мавр сделал свое дело — мавр может уйти", — этими словами одного из персонажей шиллеровской трагедии "Заговор Фиеско в Генуе" можно охарактеризовать официальную линию по отношению к обновленцам в те годы.

В 1937-38 годах были арестованы и физически истреблены наиболее видные лидеры обновленчества: Петр Блинов — глава сибирских обновленцев,

Петр Сергеев — обновленческий митрополит Ростовский, Василий Челябинский — обновленческий глава Урала. Еще раньше, в 1934 году, был арестован вскоре умерший в заключении Александр Иванович Боярский — виднейший лидер обновленчества, в последние годы своей жизни митрополит Иваново-Вознесенский.

В эти годы обновленчеству был нанесен удар в самое сердце: в 1935 году последовал "самороспуск" Синода. Единственным духовным центром обновленчества с этого времени является митрополит Виталий Введенский — бывший председатель Синода. По инициативе проф. Зарина (своего секретаря), митрополит Виталий принимает пышный титул "Первоиерарха Московского и всех православных церквей в СССР". Ему присваивается небывалый титул: "Ваше первосвятительство", а к его имени предлагается эпитет: "первосвященнейший". Однако вся эта внешняя pompa не может скрыть той парадоксальной ситуации, в которой очутилось обновленчество. Ярые противники единоличной власти и сторонники "соборного начала" вынуждены отныне перейти сами к единоличному управлению. В том же, правда, положении находилась и Православная Патриаршая Церковь, возглавляемая митрополитом Сергием. Власти считали в это время неприемлимым любой коллективный орган церковного управления — соратники Ежова приходили в ужас при одном слове: "соборное" управление и совершенно так же, как купчиха у Островского, падали в обморок при слове "жупел".

Однако, с ликвидацией Синода, отпадал всякий осмысленный повод для раскола и отныне вся церковная распря сводилась к борьбе лишь за власть между двумя иерархами. Впрочем, мало кто думал в это время о церковных разногласиях. Уцелевшему духовенству было не до теоретических споров. С другой стороны, резкое сокращение храмов исключало возможность выбора для верующих: ходили в тот храм, который уцелел в данной местности, причем принадлежность этого храма к той или другой ориентации определялась чисто случайными факторами. В Средней Азии, на Северном Кавказе и на Кубани — все, без исключения, храмы были обновленческими просто в силу инерции — такими они стали в 20-х годах, благодаря умелой работе местных деятелей. В России, наоборот, обновленческие храмы попадались лишь изредка, а в Сибири (после ареста Петра Блинова) обновленческая организация фактически распалась.

В Москве, после 1937 года, было семь обновленческих храмов — Воскресенский собор в Сокольниках, Старо-Пименовская церковь и все московские кладбища (Ваганьковское, Дорогомиловское, Пятницкое, Калитниковское и Даниловское) да несколько церквей в пригородах. Засилие обновленческих церквей на московских кладбищах было остатком тех славных времен, когда обновленцы находились в фаворе: тогда кладбища были даны им на "кормление" и были главной статьей дохода в бюджете обновленческой церкви.

В Ленинграде, после массового закрытия цер-

квей, оставались после 1937 года от бывшего обилия обновленческих храмов лишь две церкви: "Спасо-Преображенский собор и небольшая церковка на Серафимовском кладбище.

В обновленческой иерархии также произошли большие и важные изменения: большинство иерархов было арестовано, другие иерархи тихо и скромно ушли на покой и сидели тише воды — ниже травы, по глухим углам, больше всего на свете желая, чтобы про них забыли. В это время происходит совершенно скандальный уход из церкви знаменитого обновленческого деятеля Николая Федоровича Платонова.

Н.Ф.Платонов в 30-е годы начинает занимать в обновленческой иерархии более заметное место и не только спорит за влияние с А.И.Введенским, но уже оттесняет его на задний план. Еще будучи до 1934 года архиепископом Лужским — викарием Ленинградской метрополии — Н.Ф.Платонов держит в своих руках все нити Ленинградской епархии. Будучи настоятелем Андреевского собора на Васильевском острове, Николай Федорович по-прежнему огромной популярностью пользуется среди народа. Снискав жгучую ненависть среди приверженцев старого православия, которые говорят о нем, как об агенте ГПУ и о предателе Церкви, он, тем не менее, является кумиром для огромной массы прихожан Андреевского собора. Настоятель служит почти каждое воскресение и каждый праздник. Его ораторский талант достигает в это время своего зенита и его яркие и эмоциональные речи волнуют слушателей. Его

ораторское мастерство все совершенствуется. Если раньше Платонов во время речи не всегда соблюдал определенную меру, доходя в конце речи до истошного крика, то теперь ритм его речи становится все более четким и ясным. Он является в это время хозяином своего темперамента — и пламенные концовки его речей не имеют больше крикливых интонаций. Путем упорной работы над собой Платонов в это время преодолевает свои природные дефекты: гнусавость и шепелявость, его голос звучит во время проповеди мужественно и энергично, лишь в отдельные моменты, по тому напряжению, с которым произносятся отдельные фразы, внимательный слушатель чувствует, как трудно оратору преодолевать свой природный порок речи.

По своему содержанию, речи Платонова также представляют собой большой интерес: летом 1933 года Платонов выступил с кафедры Андреевского собора с целым циклом речей на тему: "Единая Святая Соборная и Апостольская Церковь". На эту тему им было произнесено шесть речей, из которых каждая продолжалась не менее двух с половиной часов, а три речи продолжались в течение трех часов с минутами. Речи произносились по воскресениям, после вечерни с акафистом Спасителю. Облаченный в мантию оратор произносил их, стоя на проповеднической кафедре (слева от алтаря). Не менее 2-х тысяч слушателей с пристальным вниманием ловили каждое его слово, каждую интонацию. Четыре речи из шести раскрывали смысл четырех эпитетов девятого члена символа Веры. Две речи — пер-

вая и последняя — представляли собой вступление и заключение. Шесть речей Платонова не только содержали глубокий богословский анализ учения о Церкви, но и касались широкого круга проблем, связанных с Церковью. Все речи оратора были произнесены с огромным подъемом и в отдельные моменты чувствовалось искреннее воодушевление. Внимательный слушатель, однако, мог бы услышать в речах оратора нотки пессимизма и неверия в Русскую Церковь, по которым можно было бы догадаться о будущей судьбе оратора. Так, толкуя учение Спасителя о Церкви, как о Камне, который не одолеют врата ада, Платонов даже особо подчеркнул, что обетование Спасителя относится лишь к Вселенской Церкви, а не к отдельным поместным церквам.

”Поместная Церковь, — настойчиво повторял оратор, — может совершенно исчезнуть!” Далее следовали примеры карфагенской и александрийской церкви. Перейдя затем к русской церкви, оратор продолжал: ”Еще вопрос очень и очень большой — сумеет ли русская церковь найти себе место в новом, строящемся мире — не исчезнет ли она в водовороте революционных бурь?”

Такие заявления не были редкостью в то время в речах Платонова: ”Пройдет немного времени, и жизнь, быть может, не оставит ничего из того, что для нас священо — из того, чем мы еще дорожим по привычке...” Еще более определенно высказывался он в частных разговорах: ”Церковь, видимо, идет у нас к концу, — сказал он однажды одному из

своих прихожан, — религия будет существовать, вероятно, в каких-то других, новых формах”.

Червь сомнения и неверия медленно, но верно делал свое страшное дело — постепенно подтачивал этого блестящего проповедника и большого талантливого человека. Летом 1934 года Н.Ф.Платонов произнес цикл столь же блестящих проповедей на тему: “Таинства церкви”. Эти проповеди также охватывали широкую тематику многообразных церковных проблем.

Человек вдумчивый и глубокий, Платонов порой бросает с кафедры смелые, оригинальные мысли:

”Из далекой Византии пришла к нам Владычица светозарной иконой Своей на Святую Русь, — говорил он за Всенощной под праздник Тихвинской Божией Матери в 1934 году, — и из Владимира пришла она в Тихвин — учили наши предки и делали из этого вывод: первый Рим пал от ереси, второй Рим — от турок, а Москва — есть третий Рим, а четвертому не бывать. А что скажем мы сегодня? Сюда ходила Владычица — туда пришла Царица Небесная — видим мы и не гордимся тем, что Она к нам пришла, а страшимся, как бы не ушла Она от нас. Не шовинизм, не гордость, а страх перед Богом — желание нравственного обновления и очищения рождает в нас сегодняшней праздник...”.

Порой он поднимается до настоящего пафоса.

”Как трудно говорить сегодня, когда лежит перед нами бездыханное Тело Спасителя, — восклицал он в Страстную Пятницу в 1935 году, — хочет-

ся лежать у Плащаницы и плакать, а не говорить. И все-таки, надо говорить — надо говорить, чтобы не случилось снова того, что происходило две тысячи лет назад.

Умер на Кресте Христос, — и ведь главный ужас в том, что в это время люди собирались праздновать Пасху, готовили пасхального агнца, искренне желали служить Богу и как-то случайно, незаметно, убили Божественного Агнца”.

Все эти отдельные блестящие проповеди Платонова — представляли собой, однако, лишь отдельные яркие вспышки таланта.

Повседневные его проповеди были, обычно, посвящены иной теме: он все чаще и чаще использовал кафедру проповедника для сведения фракционных счетов со ”староцерковниками”: личные выпады, мелкие, грязные, ничтожные сплетни, ”сенсационные” открытия из жизни православных иерархов, выискиваемые со старанием сыщика, — таково основное содержание его проповедей. И этот, несомненно, крупный человек вдруг мельчал, — и пламенный проповедник вдруг превращался в какого-то героя кухни в коммунальной квартире.

”Мне незачем анализировать скандальных выступлений Вашего Высокопреосвященства, посвященных внутрицерковной тематике, — с мальчишеским задором заканчивал письмо обновленческому Владыке 5 мая 1935 года пишущий эти строки, — эти Ваши выступления не имеют никакого отношения ни к религии, ни к социализму, ни к христианству, они имеют отношение лишь к Гоголю, к ”По-

вести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем”.

1933 и 1934 годы — переходные, кризисные годы в жизни Н.Ф.Платонова. 31 октября 1933 года умерла его первая жена — Елизавета Михайловна Платонова, религиозная, глубоко порядочная, одухотворенная женщина. Она умерла после продолжительной долголетней болезни и Н.Ф.Платонов делал все для того, чтобы ее вылечить и облегчить ее муки. Он любил свою жену искренне и сердечно и лишь одно интимное обстоятельство — невозможность иметь от жены детей — отравляло его двадцатилетнюю семейную жизнь. Платонов был искренне потрясен смертью жены. Трогательно и просто рассказывал он об ее предсмертных муках, о том, как она просила его расчесать ей волосы и, как бы уже чувствуя приближение смерти, сказала: “Как хорошо, но только что-то совершенно новое”.

Со смертью жены ушел единственный близкий Платонову человек, единственный любимый им человек...

“А я люблю все-таки Ленинград!” — воскликнул однажды Александр Иванович Введенский со свойственной ему экспансивностью, когда подъезжали оба они (Введенский и Платонов) к Ленинграду — ехали они в купе экспресса “Красная стрела” из Москвы. — “Я ничего не люблю”, — вырвалась вдруг у Платонова унылая фраза.

Одиночество и духовная опустошенность характерны для Платонова в начале 30-х годов: разрыв с ближайшими родственниками (братом и сест-

рой), причем молва настойчиво приписывала Платонову участие в их арестах; тайная служба в органах ГПУ с 1923 года, выразившаяся в непрерывных доносах, в результате чего погибло много людей, — все это наложило мрачные блики на душу этого человека. Особенно острым был разлад Н.Ф.Платонова с его сетрой — Александрой Федоровной Платоновой (в монашестве Анастасией) — известной духовной писательницей — последней игуменьей Ивановского монастыря.

”Стоим мы с Александрой Федоровной на трамвайной площадке, — рассказывала пишущему эти строки А.В.Волкова (в первой части нашей работы мы на нее ссылались), — и вдруг входит в трамвай Платонов. Александра Федоровна на него посмотрела и отвернулась. А он к ней: ”Что ты, Шура, или брата не узнаешь?” А она ему: ”И ты меня спрашиваешь, Коля? Наши родители в могиле переворачиваются. Что ты делаешь, ведь ты дьяволу служишь”.

В том, что Н.Ф.Платонов был непосредственным агентом ГПУ, имело возможность убедиться на своем печальном опыте огромное количество людей (в том числе, и пишущий эти строки).

Сейчас, почти через тридцать лет (теперь уже прошло с тех пор 56 лет — 2.07.89), мне трудно себе и представить, что семнадцатилетний парнишка с некрасивым угреватым лицом, который впервые переступил порог квартиры Платонова в понедельник 3 июля 1933 года, был действительно я. Жил Н.Ф.Платонов на 6-ой Линии Васильевского остро-

ва во дворе Андреевского собора, во втором этаже церковного дома. В его квартире помещался Епархиальный Совет, который носил громкое название "Ленинградское митрополитанское управление". Это учреждение со столь блестящим титулом умещалось, однако, в столовой Н.Ф.Платонова. Здесь, рядом с буфетом, стояла пишущая машинка, на которой бойко отстукивала "Указы по митрополии" быстрая, маленькая пожилая женщина в пенсне — Александра Ивановна Тележкина. У окна рылся в делах также не блещущий красотой молодой человек — здравствующий ныне А.Ф.Шишкин — довольно известный церковный деятель, полученный Патриархией по наследству от Н.Ф.Платонова. На обеденном столе лежала раскрытая книга, в которую посетители должны были вписывать свои имена. Каждый лист в этой книге был разделен на три графы:

1. Фамилия, имя, отчество.
2. Ориентация.
3. По какому делу.

А.Ф.Шишкин бдительно следил, чтобы какой-нибудь посетитель не проскользнул мимо этой почтенной книги. Важно в ней расписавшись, я поставил в графе "Ориентация" — "Христианский социалист".

Платонов принял меня тотчас же и удостоил меня беседой, которая длилась более двух часов. Беседа носила теоретический характер, касаясь взаимоотношений между христианством и социализмом. Я вышел из кабинета, совершенно очарованный умом, любезностью и широтой взглядов хозяина, который настойчиво приглашал меня заходить, как

можно чаще. Между тем, более опытный наблюдатель, чем я, обратил бы внимание на целый ряд странностей в поведении собеседника.

Во-первых, всякого бывалого человека удивила бы поразительная откровенность собеседника: он не только не избегал говорить на политические темы с незнакомыми посетителями (да еще с семнадцатилетним мальчишкой), но, наоборот, сам охотно задевал самые острые вопросы. Помню, в частности, совершенно невероятную по своей откровенности фразу Платонова: "Я не думаю, чтобы этот эксперимент увенчался успехом". Во-вторых, всякий обратил бы внимание на то, с какой настойчивостью высокий собеседник расспрашивал, спускаясь с теоретических высот, о весьма конкретных вещах — главным образом, о знакомствах, единомышленниках, друзьях. Но, находясь под обаянием высокого сана, я, конечно, поспешил открыть Платонову всю свою душу и выложить ему все, что я знал.

Результат приятных и высокопоучительных бесед с Высокопреосвященным Владыкой (таких бесед было несколько) сказался через девять с лишним месяцев: 24 апреля 1934 года я был арестован и мне было предъявлено политическое обвинение. Обвинение оказалось совершенно вздорным и вскоре я вышел из тюрьмы. Однако, несмотря на всю свою неопытность, я убедился в том, что содержание моих бесед с Платоновым до мельчайших деталей известно следователю.

При всей моей приверженности и, я бы сказал, влюбленности к знаменитому проповеднику — у ме-

ня не могло быть ни малейших сомнений в том, что он является осведомителем...

Вскоре после моего освобождения, в праздник Троицы, я пришел в Андреевский собор к литургии. Богослужение было торжественным и совершал его сам архиепископ... После вечерни и положенных коленапреклонных молитв, прочтенных с необыкновенной проникновенностью, обновленческий иерарх, разоблачившись, величественно направился к выходу; с колокольной раздались неумолчный трезвон колоколов, толпа верующих устремилась к Владыке под богословение. Когда он поравнялся со мной, я шагнул прямо к нему.

"А вы напрасно сказали, что Михаил Яворский был моих духовником — он никогда моим духовником не был", — резко бросил я ему в лицо с запальчивостью бурша, не подходя под благословение.

"Что такое, кому я сказал?" — После минутного молчания произнес Николай Федорович.

"Сказали тем, кто вас расспрашивал обо мне", — бросил я столь же резко. Иерарх отвел глаза и промолчал.

"А я не был духовным сыном Михаила Яворского", — с глупым упорством повторял я.

"Не помню, не помню" — прогнусавил Платонов, обходя меня.

Впоследствии мне приходилось неоднократно встречаться с Платоновым. Я говорил с ним в обычном почтительном тоне, ни он, ни я, никогда не упоминали о прошлом.

В сентябре 1934 года Платонов взлетел на вершину обновленческой церкви.

Указом Священного Синода от 1/IX-34 г. "Препосвященный Николай, архиепископ Лужский, назначен митрополитом Ленинградским взамен ушедшего на покой митрополита Серафима (Руженцева)". Это назначение явилось результатом длительных закулисных маневров и интриг Н.Ф.Платонова.

"Бывало, приедет в Москву — и сразу же начинаются разговоры о митрополите Серафиме — и малоактивен и что-то еще, и чего-чего только о нем не говорит", — вспоминал в 1943 году митрополит Виталий.

Действительно, между митрополитом Серафимом и Платоновым существовала давняя антипатия. Истоки этой антипатии, быть может, скрывались в коренной противоположности их характеров.

Трудно себе представить двух более отличающихся людей, чем митрополит Серафим и Н.Ф.Платонов. Митрополит Серафим был выходцем из придворного духовенства и большую часть своей жизни он провел в качестве священника дворцовой церкви в Стрельне. Это оставило неизгладимый след. Изящные, аристократические манеры и величавая осанка важного барина, утонченная вежливость, но с оттенком снисходительности — таков был протоиерей Руженцев (будущий обновленческий митрополит).

В 1919 году, овдовев, он принимает монашество и возводится на архиерейскую кафедру в одном из северо-русских городов. Присоединившись с самого начала к обновленческому расколу, епископ

Серафим принадлежал к числу так называемых "тихих обновленцев" — ни к каким группировкам не примыкал, ни на кого не доносил — он спокойно и с обычным своим достоинством, управлял различными русскими епархиями, пока в 1925 году не был назначен обновленческим митрополитом Московским.

В 1929 году, после перевода в Москву митрополита Вениамина (председателя Синода), митрополит Серафим был переведен в Ленинград. Здесь он сразу же столкнулся с Н.Ф.Платоновым.

Морально чистоплотный и безукоризненно порядочный человек, любивший называть себя джентльменом, митрополит Серафим относился с брезгливым отвращением к своему старшему викарию, который был фактически при нем "комиссаром". Понимая свое бессилие в борьбе с Платоновым, митрополит соблюдал в отношениях с ним внешний такт и вежливость. Всем, однако, было известно, что между двумя ленинградскими иерархами существуют холодные напряженные отношения. И стиль митрополита был совсем иной, чем у его собрата: он никогда не позволял себе в проповедях личных выпадов против кого бы то ни было — никогда никого не задевал и ни перед кем не подхалимствовал.

Уволенный в сентябре 1934 года на покой, митрополит отдыхал всего лишь полгода — он умер 6 марта 1935 г. и был погребен на Смоленском кладбище (после торжественного отпевания в церкви св. великомученицы Екатерины).

Между тем Н.Ф.Платонов 9 сентября 1934 года принял Ленинградскую епархию.

В первые же дни своего управления новый иерарх всячески старался повысить свой авторитет: имея кафедру в Спасо-Сенновском Успенском соборе, он присвоил Андреевскому собору название Митрополичьего Крестового Собора. Торжественные поездки в Карелию, Псков, Новгород и Боровичи должны были повысить его авторитет в провинциальных епархиях. Наконец, к сентябрю 1934 года, относится первая акция Платонова во всероссийском церковном масштабе. Осенняя сессия Священного Синода, которая назначила Платонова митрополитом Ленинградским, одновременно приняла решение об избрании комиссии по изысканию средств борьбы против староцерковничества. Председателем комиссии был избран А.И.Введенский, а в качестве членов в состав комиссии входили митрополиты: Петр Блинов, Николай Платонов, Михаил Орлов, Петр Сергеев, Василий Кожин и др.

С первого же момента инициативу в комиссии захватил Н.Ф.Платонов. Он выступил с сенсационным планом, основой которого был лозунг: "Бить врага его же оружием".

Согласно плану Н.Ф.Платонова, обновленческий Синод должен был объявить себя единственным законным хранителем православия.

Староцерковничество должно было быть объявлено — "еретическим расколом". В соответствии с этим, все "староцерковные хиротонии", произведенные после 10 мая 1922 года (день "отрече-

ния” патриарха Тихона) должны были быть объявлены недействительными и все духовные лица, приходящие из ”староцерковничества”, могли быть приняты только через публичное покаяние, все храмы, которые переходили в обновленческую ориентацию, подлежали переосвящению (через чин малого освящения).

Самым пикантным во всей этой платоновской затее было то, что всего лишь за несколько лет до этого, обновленческие иерархи (в первую очередь, сам Платонов) с пеной у рта доказывали ”незаконность” и ”неканоничность” перерукоположений священнослужителей и переосвящений храмов. А.И.Введенский (следует к его чести отметить) выступил вначале против — ”плана Платонова”. Однако, после нерешительного сопротивления, быстро сдал свои позиции. Другим обновленческим иерархам, которые выражали свое недоумение по поводу новоявленного ”плана”, было, под сурдинку, указано, что ”план Платонова” согласован с некоторыми авторитетными инстанциями, которые желают оживления церковной борьбы. Уже через месяц, 3 октября 1934 года, была созвана новая экстренная сессия Синода (это была его последняя сессия, т.к. весной 1935 года он уже был распущен). Синод, заслушав доклад Н.Ф.Платонова, принял, так называемые, ”октябрьские указы”, написанные Н.Ф.Платоновым... Следует, впрочем, отметить, что, кроме нескольких театральных покаяний, поставленных Платоновым в Ленинграде, никаких практических последствий ”октябрьские указы” не имели. Сам Пла-

тонов очень громко в своих речах кричал о своем "православии". 8 января 1935 года он выступал в Андреевском соборе с двухчасовым докладом о "новом этапе в истории обновленчества". Стоя на кафедре, Н.Ф.Платонов в течение двух часов обливал грязью "староцерковников". Облаченный в стихарь А.Ф.Шишкин, стоя на ступеньках, подавал своему "владыке" нужные документы.

Какова была деятельность Николая Платонова в качестве митрополита Ленинградского? Смешно, конечно, отрицать блестящие административные способности Н.Ф.Платонова. "Как администратор, он был бесподобен: им можно было любоваться, так у него все было продумано, разумно, ясно", — говорил в прошлом году (в 1961 г.) в беседе с пишущим эти строки о. С.Р. — один из ближайших помощников Платонова в последние годы его жизни. Трудно, однако, было сделать что-нибудь существенное в эти годы, когда церковная организация стремительно летела под откос.

Ровно через три месяца после вступления Платонова в должность был убит С.М.Киров. В марте 1935 года, на первой неделе Великого Поста, начались массовые высылки из Ленинграда духовенства. Обновленческое духовенство разделило общую участь: был выслан из Ленинграда один из старейших протоиереев о. Константин Шахов — духовник Николая Федоровича. Известный обновленческий деятель и проповедник о. Федор Разумовский остался в Ленинграде только благодаря тому, что снял с себя сан. В июне 1935 года раздался первый тре-

вожный сигнал: был закрыт (и вскоре снесен) Ленинградский Вознесенский собор. Правда, Платонову удалось на этот раз взять "реванш": вскоре, в его ведение был передан Спасо-Преображенский собор на Литейном проспекте. Вскоре, однако, последовал ряд новых закрытий: в 1936 году были закрыты Благовещенская и Екатерининская церкви на Васильевском острове, Захариелизаветинская, Пантелеймоновская, Космодемиановская церкви — в центральном районе города. Вскоре от обновленческой епархии осталось лишь несколько храмов — и над ними нависла угроза закрытия. После самороспуска Синода было распущено и Ленинградское Митрополитанское управление. Платонову было предложено сдать пишущую машинку, вся переписка отныне велась в его канцелярии от руки, причем в качестве писца подвизался А.Ф. Шишкин.

Духовенство было охвачено пессимизмом и безнадежностью. Впрочем, про самого Платонова этого сказать нельзя. Лето 1936 года он считал наиболее удобным временем для своей новой женитьбы. Избранницей митрополита Платонова оказалась Мария Александровна — певчая в хоре Андреевского собора. В июле 1936 года Н.Ф. Платонов объявил о предстоящей женитьбе ленинградскому обновленческому духовенству, а в августе того же года протоиерей о. Константин Томилин (ключарь Андреевского собора) обвенчал Николая Федоровича и Марию Александровну. Свадьба происходила в соборе при наглухо закрытых дверях, в присутствии лишь небольшого числа прихожан. Новобрачный

был одет в штатское — в синий шевиотовый костюм — священник и диакон поминали брачующихся, как "рабов Божиих Николая и Марию" — без всяких титулов.

Своеобразный характер носили отношения между Н.Ф.Платоновым и А.И.Введенским. Старые товарищи, хорошо знавшие друг друга в молодости, они никогда друг друга не любили. "Легкомысленный человек", — говорил часто Платонов про Введенского. "да ведь он сумасшедший!" — сказал он однажды про своего знаменитого собрата в присутствии большого количества мирян. Отзывы Введенского отличались большим добродушием. "Умница, талантливый человек, но только — бездушный, совершенно, совершенно бездушный", — говорил неоднократно Введенский.

Отношения между двумя иерархами не ограничивались, однако, обменом колкостями. Были и более серьезные и важные вещи. В 1931 году Н.Ф.Платонов читал курс лекций по гомилектике в Московской Богословской Академии. Весь этот курс был целиком направлен против А.И.Введенского. Платонов с пеной у рта протестовал против жонглирования именами ученых, против психологических экспериментов и импровизаций, вторжения проповедника в несвойственные ему области — словом, против всего того, что являлось характерным для проповеднической манеры Введенского. Самая линия Платонова в церковных вопросах резко противоречила линии Введенского: враг какого бы то ни было новаторства и экспериментаторства, глубокий

консерватор в прошлом, Платонов выступал в качестве "ревнителя православия" и всякие разговоры о реформах всегда вызывали в нем раздражение. В то же время он был отъявленным политическим приспособленцем и сикофантом (доносчиком). Короче говоря, "платоновщина" — это живоцерковничество 30-х годов. От Красницкого Платонов отличался лишь большей скрытностью (он действовал более коварно и конспиративно) и меньшим размахом деятельности своей. Вся беда Платонова заключалась в том, что в 30-х годах власти считали для себя неприемлемой какую бы то ни было церковь и не нуждались в услугах даже таких раболепных холопов из числа церковников: эпоха нэпа (век Красницкого) уже прошла, а послевоенная эпоха (век Колчицких) еще не наступила, — пресмыкающиеся политиканы остались не у дел.

Не у дел остался Платонов в 1937 году. В сентябре этого года он был вызван в здание на Шпалерной улице — в ленинградское отделение МГБ. Он пробыл там два дня. Жене, которая в ужасе металась около здания МГБ, обрывая телефоны, было отвечено: "Вашего мужа здесь нет". "Где же он?" — спросила упавшим голосом несчастная женщина. "Не знаем", — последовал лаконичный ответ. Однако через двое суток, под вечер, Платонов пришел домой, осунувшийся, побледневший, но в хорошем настроении. "На днях уезжаем в Сочи", — объявил он с места в карьер испуганной жене. Действительно, через три дня Платонов уехал отдыхать с женой в Сочи (обычно он ездил в Крым). И сразу же, по-

сле отъезда уставшего обновленческого владыки, в Ленинграде начались поголовные аресты обновленческого духовенства. В один день было арестовано более сотни человек. Среди арестованных находились: протопресвитер о. Николай Сыренский — настоятель (или, как называли, "наместник") Кафедрального собора Спаса-на-Сенной; прот. Константин Томилин — ключарь Андреевского собора — и много других глубоко порядочных священнослужителей, которые навсегда исчезли за роковыми стенами Шпалерной тюрьмы. От всего многочисленного ленинградского духовенства сразу осталась лишь жалкая горсточка, не более 10-15 человек.

Н.Ф.Платонов не подавал никаких признаков существования: как говорили, он вел в это время идиллический образ жизни, живя в маленьком домике на берегу Черного моря вместе с молодой женой. Приехал он в Ленинград только в ноябре. По-прежнему он управлял остатками ленинградской епархии. Однако некоторые его поступки вызывали всеобщее недоумение. Так, он совершенно перестал служить (в течение полугода, от августа до своего отречения, он служил лишь однажды — в Николин день).

В начале января 1938 года двое обновленческих священников (о. Михаил Бакулев — настоятель Смоленского кладбища и о. Сергей Румянцев — настоятель храма Спаса-на-Сенной) были вызваны к митрополиту.

"Покой" обновленческого митрополита в это время еще уменьшились. Большая квартира была

разделена на две части. Квартира Платонова состояла из двух комнат — столовой и спальни, соединенных большим коридором. Николай Федорович, со свойственными ему практицизмом и вкусом, сумел, однако, выкроить приемную, достойную и для его сана: часть коридора была отделена от остальной части, получилась крохотная комната. Большое окно было обращено прямо на Андреевский собор, в углу висела старинная икона и стоял облаченный архиерейский посох. Сам хозяин обычно сидел за раскрытым бюро в глубоком кресле, а рядом стояла фортепианная табуретка для посетителя.

Войдя к митрополиту, оба священника подошли к нему под благословение. Митрополит, одетый в рясу, но без каких-либо знаков отличия (без креста и панагии), однако, отстранил руки, протянутые к нему за благословением, и лишь облобызался с ними по обыкновению. Затем, усадив их, дал каждому из них по листку, отпечатанному на машинке, и сказал: "Прошу вас прочесть указ по епархии", — и ушел в другую комнату, затворив за собою дверь. В указе, под которым стояла подпись: "Николай Митрополит Ленинградский", говорилось, что ленинградская епархия, вплоть до назначения нового митрополита, разделяется на две части: в управление одной ее частью (Андреевский собор, Смоленское кладбище, Серафимовское кладбище) вступает прот. о. Михаил Бакулев. В управление другой ее частью (Спасо-Сенновский собор, Спасо-Преображенский собор и церковь св. князя Владимира — на станции Лисий нос) — вступает о. Сергей Румянцев.

Священники переглядывались в полном недоумении: так что же, значит, он уже не митрополит? В это время из соседней комнаты вышел хозяин (уже без рясы, одетый в штатский костюм).

”Итак, теперь я не имею к Церкви никакого отношения и сегодня мною подано заявление о снятии сана — работайте без меня, желаю вам успеха”. Бывший митрополит, проводил их до лестницы, по-светски подал им на прощание руку.

”Вышли мы, как в воду опущенные, — вспоминает один из участников этой встречи, — написал сразу рапорт в Москву митрополиту Виталию, получили ответ о том, что будут даны указания — и все: ни указаний, ни привета и ни ответа”.

Через несколько дней в ”Известиях” и в ”Правде” было опубликовано отречение Н.Ф.Платонова. Текст его отречения мы здесь не приводим, так как он недавно перепечатан полностью в книге ”Правда о религии” (М., 1959., стр. 368-369).

На этом можно было бы поставить точку. С этого времени Николай Платонов уже не существует, как церковный деятель — и не должен интересоваться историка церкви. Но есть еще один фактор — психологический — и с этой точки зрения последние четыре года жизни Н.Ф.Платонова представляют собой захватывающий интерес. О чем думал, что чувствовал этот недавний религиозный вития, став антирелигиозным пропагандистом?

Первое время после отречения Н.Ф.Платонов бравировал своим новым положением. Часто он выступал с докладами в заводских и фабричных клубах. Советская печать благосклонно отнеслась к "кающемуся": его отречение было напечатано в "Известиях" и в "Ленинградской правде". Вряд ли можно считать случайностью то, что сразу после отречения Платонова началось новое наступление на Церковь: через месяц после отречения Платонова был закрыт храм Спаса-на-Сенной — обновленческий кафедральный собор. Сразу после Пасхи был закрыт Андреевский собор. Еще через несколько месяцев была закрыта и церковь Смоленского кладбища — от всей обновленческой епархии в 1939 году остались лишь Спасо-Преображенский собор и Серафимовское кладбище. Весь этот разгром был осуществлен, однако, исключительно административными методами: нам неизвестен ни один случай ухода из Церкви кого-либо из прихожан Андреевского собора. Самые верные почитатели Платонова, самые ярые его поклонники — такие, как Александра Ивановна Тележкина — без колебаний покинули Платонова — и он остался совершенно один.

Уныло и одиноко жили супруги Платоновы в маленькой квартирке на 6-ой Линии. Правда, в 1939 году, на закате жизни, Платонова посетила последняя радость, в пятьдесят лет, за три года до смерти, он стал отцом: худосочный, слабый, полуживой ребенок был назван Андреем. "Все-таки, кажется, вам навеки остался памятен Андреевский собор", — сказал Н.Ф.Платонову один из его старых прихожан.

”Да это не потому, это в честь... Жданова”, — ответил бывший настоятель Андреевского собора.

Однако и эта запоздавшая радость не украсила унылой жизни ренегата. ”Живем мы одни, никто к нам не ходит, никто у нас не бывает”, — жаловалась его супруга. ”Ребенок слабый, ну, вдруг он умрет — а крестить нельзя”, — печально говорила в другой раз Мария Александровна. В это время Н.Ф.Платонов работал хранителем музея истории религии. Ежедневно по ступенькам Казанского собора пробирался одетый в серое потертое пальто, с поповской шапкой на голове и с портфелем подмышкой, человек. Светлая борода и очки — вид старого учителя. Это был бывший митрополит ленинградский, много раз служивший в Казанском соборе в бытность свою архиепископом Гдовским — старшим викарием Ленинградской епархии. Выступления Платонова, собиравшие вначале довольно большое количество народу, постепенно перестали кого-либо интересовать — его доклады сплошь и рядом срывались по причине отсутствия слушателей. В газете ”Безбожник”, которая вновь стала выходить в это время в Москве и большим форматом, под редакцией Е.Ярославского, изредка печатались небольшие статейки Н.Ф.Платонова. В частности, перед Великим Постом, в 1941 году, была напечатана небольшая статейка ”Исповедь”, вульгарная и плоская, в которой повторялись затхлые мещанские, обывательские сплетни о священниках, под видом исповеди назначающих свидания женщинам.

Так дожили до войны — и война, одним уда-

ром, разрушила унылое существование Платонова.

В августе 1941 года совершенно неожиданно и непонятно была арестована Мария Александровна — его жена (причины ареста неясны — говорят, что она обвинялась в спекуляции).

Через месяц умер от голода двухлетний ребенок, отданный отцом кому-то на воспитание. В это же время эвакуировался из Ленинграда Музей истории религии. И хранитель музея в течение нескольких суток не спал, упаковывал фонды. Все было бережно упаковано и вывезено из Ленинграда — документы, картины, диаграммы, плакаты. Забыли вывезти лишь один ценный экспонат — самого злополучного хранителя музея. Подобно госпоже Раневской, хозяева забыли в оставленном доме своего старого и уже ненужного слугу...

Я увидел его в последний раз в ноябре 1941 года, в самое тяжелое время блокады, когда еженедельно уменьшалась продовольственная норма и на улицах Ленинграда появлялись первые трупы. В декабре Ленинград был уже завален ими.

В небольшой столовке для научных работников (в Этнографическом переулке) я увидел его, сидящего в вестибюле, исхудавшего, бледного, жалкого... Я ни разу и не говорил с ним после его отречения и, встречая его на улице, доменстративно с ним не здоровался, но сейчас меня почему-то потянуло к нему и, подойдя, я окрикнул его по имени: "Николай Федорович". Встав, он вежливо поздоровался. Мы обменялись рукопожатием. "Как выживаете, Николай Федорович?" — спросил я. "Пло-

хо, очень плохо, голубчик, семья распалась, а сейчас съел карточку, до двадцатого ничего не дадут”, — сказал он упавшим голосом. Это значило, что он получил по продовольственной карточке ту мизерную норму, которая полагалась на десять дней. “С сердцем плохо — аорта...”, — жаловался он.

Я попробовал (со свойственной мне бестактностью) заговорить на идеологические темы, — он устало махнул рукой: “Не знаю, не знаю, ничего я теперь не знаю”.

“Конченный человек”, — подумал я, отойдя от него.

Конец наступил через несколько месяцев, весной.

В феврале, всеми оставленный, одинокий, голодный, он постучался к Александре Ивановне Тележкиной — своей старой прихожанке, обожавшей его всю жизнь.

Она открыла перед ним свои двери и приютила в своей таленькой комнатке своего бывшего владыку — и поделилась с ним последним куском хлеба.

И еще в одни двери постучался отверженец — в двери Церкви. На третьей неделе Великого Поста, в среду, во время литургии Преждеосвященных Даров, в Николо-Морском соборе происходила общая исповедь. Исповедовал престарелый протоиерей о. Владимир Румянцев. Неожиданно в толпу исповедников замешался Н.Ф.Платонов — и начал громко каяться, ударяя себя в грудь. Затем в общей массе он подошел к священнику. О. Владимир — молча

накрыл его епитрахилью и произнес разрешительную молитву.

”Господи, благодарю Тебя за то, что Ты прости меня! Веровал, верую и буду веровать! — Воскликнул он, отходя от Святой Чаши. Он умер на другой день, в холодную ленинградскую мартовскую погоду, и погребен на Смоленском кладбище в братской могиле, среди беспорядочной груды трупов умерших от голода людей.

”Он был человеком большого ума и большого сердца”, — сказал о нем в 1946 году митрополит Николай — его старей товарищ и друг.

”Царство ему небесное!” — тихо молвил, перекрестившись, А.И.Введенский — его старый противник, в году 1946-м — также больной, разбитый параличом — за месяц до смерти, после того, как я рассказал ему об обстоятельствах смерти Н.Ф.Платонова.

”Царство ему небесное!” — восклицаю и я, прощаясь навсегда с Н.Ф.Платоновым, и да послужит его судьба грозным предупреждением для всех колеблющихся, сомневающих, стоящих на грани предательства.

О самих предателях мы не говорим, на них никакие не подействуют уже предостережения.

”Нет существа более презренного, чем предатель, — в свое время говорил А.М.Горький, — и даже сыпно-тифозную вошь можно оскорбить, сравнив ее с предателем”.

Тридцатые годы были тяжелой полосой в жизни А.И.Введенского. В 1929 году он последний раз выступил на диспуте в Политехническом музее. Этим выступлением заканчивается продолжительный, самый блестящий период его деятельности. 30-е годы — годы непрерывных стеснений. В 1931 году, после закрытия Храма Христа Спасителя, начинается период кочевья А.И.Введенского по московским храмам. Вначале он служит и проповедует в храме св. апостолов Петра и Павла на Басманной улице (здесь же помещалась Богословская Академия). В 1934 году — новый страшный удар: закрытие храма Петра и Павла, одновременно закрывается Академия, без формального запрещения, "за отсутствием помещения..." А.И.Введенский переходит со всей паствой в Никольский храм на б. Долгоруковской (Новослободской) улице. 1935 год — "самороспуск" Синода. А.И.Введенский остается в самом неопределенном положении. Его официальной должностью была должность заместителя председателя Синода.

1936 год — закрытие Никольского храма. А.И.Введенский переходит в церковь Спаса-во-Спасской, по Б. Спасской улице. Здесь он прослужил полтора года. В 1938 году он переходит в свою последнюю резиденцию, в Старо-Пименовскую церковь, стены которой увидели его погребение.

Самый страшный удар из всех, какие испытал когда-либо в жизни А.И.Введенский, был нанесен ему 6 декабря 1936 года. На другой день после принятия "сталинской" конституции знаменитый пропо-

ведник был вызван в "церковный стол при Моссовете". Здесь третьестепенный чиновник, с невыразительным, не запоминающимся лицом, сухо сообщил, что, поскольку новая Конституция разрешает отправление религиозного культа, но не религиозную пропаганду, служителям культа запрещается произносить проповеди. Впоследствии такое толкование Конституции было официально опровергнуто, но в тот момент для А.И.Введенского это был удар грома среди ясного неба. Представьте себе Ф.И.Шляпина, — которому запретили петь. Шопена, — которому запретили играть. Врубеля — которому отрубили правую руку — эффект будет примерно тот же. Впоследствии, правда, было разъяснено, что проповеди могут произноситься тогда, когда они являются "неотъемлемой частью богослужения".

Однако от этого было не легче: знаменитый проповедник и апологет превратился в "учителя церковно-приходской школы" и единственной дозволенной ему темой стало объяснение праздников. И странно, внезапно чудесный проповеднический дар покинул его, все проповеди, которые произносил А.И.Введенский после 1936 года, оставляли досадное и тягостное впечатление: вдруг погас огненный темперамент, исчезли гениальные озарения и дивные взлеты: на кафедре стоял заурядный освященник, который неимоверно длинно и скучно излагал давным-давно всем известные истины. А.И.Введенский является блестящим примером того, как под влиянием внешних стеснений тускнеет и гибнет даже самый яркий талант. И психологически А.И.Введенский сильно деградировал.

В 1937 году Александр Иванович чудом избежал ареста. В течение всего года он жил под Дамокловым мечом. Однажды ночью в передней раздался звонок. Что тут началось! Домашние суетились в паническом ужасе, наскоро жгли какие-то бумаги, сам хозяин второпях одевался. Мертвенно бледный, он отправился открывать дверь. Вздох облегчения — его духовная дочь, почувствовав себя тяжело больной, послала за своим духовником.

Во главе обновленческой церкви стоял тогда митрополит Виталий — Первоиерарх.

Я хорошо знал владыку. Он был исправным, истовым — как обычно говорят, "благоговейным" — священником. Он был, безусловно, искренне верующим человеком — и человеком добропорядочным (в обывательском смысле этого слова). Однако всякий раз, когда я с ним говорил, когда слушал его изложение догматов веры (мы часто говорили с ним о богословии), — у меня всегда мелькала в голове невольная ассоциация — "бухгалтер".

Человек аккуратный, скрупулезно пунктуальный в служебных делах, почтительный по отношению к начальству, митрополит Виталий, действительно, чем-то смахивал на провинциального бухгалтера средней руки.

"Так и остался белевским протоиереем", — говорил часто про него Александр Иванович. По своему кругозору и образованию, владыка за всю жизнь так и не ушел дальше Белева: главным источником его познаний были Епархиальные ведомости Тульской епархии. На них он обычно ссылался,

как на высший авторитет, всякий раз, когда речь заходила о философских и социальных проблемах... Трудно было себе представить больших антиподов, чем митрополит Виталий и его знаменитый собрат и однофамилец (мирское имя митрополита Виталия — Владимир Васильевич Введенский). В свое время владыка Виталий стал председателем Синода милостью А.И.Введенского. Об этом избрании Александр Иванович, со свойственным ему юмором, рассказывал так: "Умер митрополит Вениамин, и мы не знаем, когда избрать вместо него. И вот, вспоминаю — в Туле есть архиерей, монах, борода длинная-длинная, седая, картинная... Подумали и решили — быть ему предом в Синоде..."

Став в 1937 году господином положения, владыка Виталий сразу стал прибирать к рукам А.И.Введенского. "В это время достаточно мне было что-нибудь предложить — можно было сказать с уверенностью — сделают наоборот".

Таким образом, в период с 1937 по 1941 годы, А.И.Введенский растерял все то, что было смыслом его жизни — ораторская и апологетическая деятельность стали невозможными, о реформационной деятельности не могло больше быть и речи. Административная деятельность (жалкая и урезанная) стала невозможной. Сильный человек, возможно, вырос бы духовно, пошел бы на подвиг, поднял бы над головой огненный факел страдания и любви...

Но Введенский не был сильным человеком и не был из числа тех, которые способны на подвиг.

И вот, в этот период он сразу опустился, по-

тускнел, неуловимые раньше мещанские, пошленькие черточки, которые есть у всякого, у Введенского в это время выступили особенно выпукло и резко. Семейная ситуация, и всегда запутанная, в эти годы обострилась до крайности, и его личная жизнь превратилась в бедлам...

Равнодушный раньше к житейскому комфорту, Александр Иванович в это время становится страстным приобретателем — коллекционером. Каких только коллекций он не собирал в это время: и коллекцию картин, и коллекцию бриллиантов, и даже коллекцию панагий.

Коллекции он собирал неумело, ловкие предприниматели обманывали его, как ребенка. Все "старинные" картины фламандских мастеров оказывались, сплошь и рядом, произведениями "Толкучего рынка". Бриллианты оказывались стекляшками. Возраст "древних" панагий не превышал пятидесяти лет. Но он не хотел верить этому, страшно гордился своими коллекциями, по-детски радовался каждой находке. Покупка собственного автомобиля (тогда собственные автомобили были редкостью) радовала его сердце. Он начал полнеть и сразу заметно постарел.

Лишь музыка и литургийная молитва, искренняя и пламенная, — были единственными светлыми просветами в его жизни.

Между тем, на Западе в 1939 году уже слышались грозные раскаты. В конце 1939 года грянула кровопролитная и жестокая финская война. Надвигался 1941 год — год великой войны, великого Суда!

СУД

”О, сколько тайной муки
В искусстве палача!
Не брать бы вовсе в руки
Тяжелого меча”.

Ф. Сологуб

Перо историка — меч.

Перо мемуариста — секира палача.

И самое ужасное, когда эта секира направлена против любимых и близких, против самого себя. Ибо историк и мемуарист — оба слуги истории — и в качестве судебных исполнителей им часто приходится выполнять палаческие функции.

Война 1941—1945 годов — это суд над народами и над правительствами, над партиями и над церквями.

Обновленчество предстало в эти годы перед судом истории и услышало грозный приговор: ”Да погибнет!”

А.И. Введенский любил вспоминать, как в неделю ”Всех Святых в Земле Российской просиявших” — 22 июня 1941 года, после литургии, благословляя молящихся, он узнал от иподиакона о начале войны.

А.И.Введенский в первые же дни войны выступил с рядом патриотических деклараций. Искренни ли они были? Безусловно, да. Старый интеллигент, воспитанный в либерально-демократических традициях, Александр И. Введенский питал прямо физиологическое отвращение ко всем человеконенавистническим теориям и партиям. И гримаса отвращения передергивала его гладко выбритое лицо (незадолго до войны он сбрил усы), когда он произносил такие слова, как "черносотенцы", "Союз Русского Народа", "фашизм". Глубокий интернационалист (пожалуй, в известном смысле, его можно назвать космополитом), для которого одинаково были дороги Анри Бергсон и Достоевский, Шопен и Рахманинов, Введенский не переносил какого бы то ни было шовинизма. Всякие национальные предрасудки ему были чужды.

"Я имел двух великих современников, — говорил он часто, — Альберта Эйнштейна и Рабиндраната Тагора" (конечно, за "Гитаджали"). Для А.И.Введенского война была не только и не столько борьбой за отечество, Отечественной, сколько борьбой против темного, человеконенавистнического, дьявольского начала, воплотившегося в фашизме. И ему казалось, что в горниле войны сгорят все те пороки, которые были присущи сталинско-ежовской системе. Мне вспоминается один очень откровенный разговор, который мы вели с ним весной 1943 года в Ульяновске.

"Быть может, мы не понимаем Сталина, — говорил он. — Он, прежде всего, военный человек и

вся его политика неразрывно связана с предвидением войны. Победой в войне эта политика исчерпает себя”.

Я выразил несогласие. Победа в войне вскружит голову и Сталину и тем, кто стоит за ним, — и они увидят в этой победе оправдание своих методов. После победы над фашизмом, — говорил я, — предстоит упорная война у нас на родине — против самодурства и произвола, и единоличной власти. ”Может быть, может быть, — сказал он задумчиво, — это уже вы боритесь — а я устал, с меня довольно”. И он замолк надолго, смотря куда-то вдаль... Мы стояли с ним на Венце — на самом возвышенном месте Ульяновска, чудесная, широкая-широкая Волга расстилалась перед нами. Вдали догорал закат, легкий ветерок трепал его курчавые волосы (он был без шляпы). ”Видите, какой закат и какая красота, а вы говорите — бороться”, — сказал он наконец.

”А фашизм?” — ”Да, победить фашизм — это большая задача и хватит на одно поколение. Поймите, крови у людей мало и ее надо жалеть!”

Я закусил удила — природная вспыльчивость взяла верх над иерархической субординацией. ”Антонин Грановский говорил бы не так!” — брякнул я вдруг запальчиво. ”Антонин... так ведь он всю жизнь мучился с печенью, умер от рака желчного пузыря. Вы тоже будете в старости болеть печенью, предсказываю вам это, мой милый братец”.

Сейчас (март 1962 г.), в Пятигорске, глотая горячую противную воду, которая, якобы, должна помогать от болезни печени, — я часто вспоминаю

разговор на Волге и сделанное мне предсказание...

Религиозно-патриотическая деятельность во время войны была единственным, на что, как оказалось, был еще способен А.И.Введенский. Война снова выдвинула его в первые ряды: в эти дни все люди с популярными именами пошли в ход. В августе 1941 года митрополит Виталий — растерявшийся и совершенно беспомощный (его секретарь, проф. Зарин, умер незадолго до войны) — по чьему-то совету отказывается от власти и передает ее А.И.Введенскому. А.И.Введенский берется за дело с необыкновенной энергией (это, кажется, последняя вспышка энергии в его жизни).

Свое вступление на вершину духовной власти он решил сделать импозантным: прежде всего, он ввел новый титул: "Святейший и блаженнейший Первоиерарх Московский и всех Православных Церквей в СССР". Эпитеты "Святейший" и "блаженнейший" были заимствованы Александром Ивановичем из титула Грузинского Патриарха Католикоса. Что касается титула "Первоиерарх", то Александр Иванович со свойственным ему юмором говорил следующее: "Не знаю, не знаю, это новый сан. Поэтому я и сам не знаю своих полномочий. Вероятно, они безграничны". Некоторые, правда, указывали на то, что этот сан был принят, мягко выражаясь, неканоническим путем — без санкции Собора. Следует, однако, отметить, что все, имеющиеся в наличии, обновленческие епископы одобрили этот титул.

Во время войны были следующие правящие обновленческие епископы:

1. Александр Иванович Введенский — Первоиерарх Московский и всех Православных Церквей в СССР.

2. Митрополит Первоиерарх Виталий — с правами правящего архиерея.

3. Митрополит Корнилий Ярославский и Ростовский.

4. Митрополит Мельхиседек Архангельский.

5. Митрополит Василий Кожин Ворошиловградский и Орджоникидзевский (Северо-Кавказский).

6. Архиепископ Петр Турбин (Тульский).

7. Митрополит Филарет Свердловский (назначен в 1942 году — проживал в Ирбите).

8. Архиепископ Владимир Иванов Краснодарский.

9. Архиепископ Андрей Расторгуев Ульяновский и Мелекесский (в 1943 году в апреле переведен в Москву с титулом Архиепископа Звенигородского).

10. Епископ Сергей Ларин (в октябре 1941 года рукоположен во епископа Звенигородского), в 1943 году — епископ Ташкентский и Среднеазиатский.

11. Епископ Димитрий Лобанов Рыбинский — рукоположен в 1942 году.

12. Епископ Сергей Румянцев (управляющий Ленинградской епархией — рукоположен в 1943 году).

Кроме того, во время войны были призваны с покоя: архиепископ Анатолий Синицин (в 1943 го-

ду назначен архиепископом Алма-Атинским), архиепископ Сергей Иванцов (бывший Запорожский, с 1944 года — управляющий делами при Первоиерархе.

Пребывая на покое, служил, в качестве приходского священника, в одном из киргизских сел, архиепископ Гавриил Ольховик.

Все эти архиереи, в своей значительной части, были совершенно посредственными людьми. Лишь четверо из них возвышались над средним уровнем.

Сам Александр Иванович Введенский был наиболее высокого мнения о Северо-Кавказском митрополите Василии Ивановиче Кожине. "Вот, кого я хотел бы видеть после себя Первоиерархом, — часто говорил он, — он управлял бы Церковью не хуже, а может быть, и лучше меня".

В.И.Кожин (впоследствии митрополит Ермоген) был действительно великолепным администратором, человеком веселым, общительным, обладателем живого, сангвинического темперамента. Умный и тактичный, он добился крупных успехов на Северном Кавказе. Однако, читая его донесения, рапорты, письма Первоиерарху, я всегда испытывал тягостное чувство. "Как же бедна Русская Церковь, — думал я, — если это самый выдающийся из епископов". Как сейчас вижу эти ровные строчки, написанные четким, крупным почерком, — бесконечные жалобы на соседа — Владимира Иванова, благодаря которому (если верить Василию Ивановичу) — гибнет обновленчество на Кубани. Бесконечные восхваления Северо-Кавказской епархии, где, если опять-таки верить Василию Ивановичу, обновленче-

ское дело идет семимильными шагами вперед и закреплено на столетия. Ни одного живого слова, ни одной своеобразной мысли, ничего такого, что вызвалось бы над местническими провинциальными интересами.

Своеобразным и энергичным человеком являлся Андрей Иванович Расторгуев (и ныне здравствующий (умер в декабре 1970 г.), популярный московский протоиерей). "Мужик с характером", — сказал про него однажды митрополит Виталий.

Действительно, все обнаруживало в архиепископе Андрее властного, деловитого, крепкого хозяина, начиная от синей бархатной рясы, кончая кучерски выбритым затылком. Волжская окающая речь (он был выходцем из весьма известной на Волге старообрядческой торговой семьи), властные окрики на причетников — и, наряду с этим, елейность, степенность, уставная строгость — от него так и веяло Мельниковым-Печерским. Он любил служить, служил истово, чинно. Его заветной мечтой было построить службу точно по типикону.

Впрочем, Андрей Иванович являлся интеллигентным, начитанным человеком. Он хорошо знал В.С. Соловьева, интересовался искусством, хорошо знал живопись, театр. Человек солидный и рассудительный, архиепископ Андрей питал непреодолимое отвращение ко всему экстравагантному, эксцентричному. Уже через неделю после моего рукоположения во диакона, Андрей Иванович рапортом №11 за 1943 год предлагал лишить пищущего эти строки сана, как "неспособного к священнослужению". Не

знаю, предвидел ли тогда мой непосредственный начальник (он был им, впрочем, — лишь формально, так как я считался диаконом при Первоиерархе и зависел исключительно от А.И.Введенского), что Александр Иванович передаст этот рапорт мне в руки со словами: "С каким удовольствием он лишил бы са-на и меня".

Я всегда спрашивал себя, что привело к обновленчеству этого устойчивого, консервативного человека. Однажды я задал этот вопрос своему шефу. "Ну, что вы, какой он обновленец, — получил я быстрый ответ, — просто семейные обстоятельства, но и большинство обновленцев теперь такие". "Где же настоящие?" — спросил я". "Ну, что в жизни есть настоящего!" — отшутился Первоиерарх.

В самом деле — типикон и обновленчество. Каких только парадоксов не рождает жизнь.

Следует также отметить епископа Сергия Ларина (ныне архиепископа Пермского).

Как увидим ниже, С.И.Ларин стал на короткое время чуть ли не главою обновленчества.

Обладатель бурной и запутанной биографии, человек страстный, темпераментный и честолюбивый, епископ Сергей был единственным из обновленческих архиереев, который противопоставлял себя А.И.Введенскому и имел свое суждение.

Епископ Сергей был самым талантливым после А.И.Введенского архиереем: хороший оратор, человек, не лишенный литературных способностей, пытливый, острый ум — он мог бы стать выдающейся фигурой в истории Русской Церкви. Но, к сожа-

лению, недостаточная разборчивость в средствах, связь с некоторыми одиозными органами власти, скомпрометировали честолюбивого, хотя, несомненно верующего владыку в глазах духовенства и мирян.

Самым чистым и порядочным из обновленческого епископата являлся, несомненно, сын почтенного ленинградского протоиерея (староцерковника), интеллигентный и начитанный о. Сергей Румянцев (ныне он проживает в Ленинграде на покое). В ранней юности он стал обновленцем по глубокому внутреннему убеждению. Благоговейный священнослужитель, искренно религиозный человек, о. Сергей в свое время подвергался репрессиям и пользовался уважением со стороны верующих ленинградцев. Он никогда не искал епископства и был рукоположен во епископа Ладожского в 1943 году, как самый популярный из обновленческих священнослужителей, переживших ленинградскую блокаду. Все эти архиереи на протяжении войны смиренно сидели по местам, произносили патриотические речи, собирали пожертвования на армию и писали почтительные донесения своему Первоиерарху. Больше всего ж они боялись упоминания о своем обновленчестве — о нем не говорили ни с церковной кафедры, ни в частных разговорах. Как однажды выразился Александр Иванович, обновленчество стало чем-то вроде венерической болезни — о нем неприлично упоминать в обществе — и его пытаются тщательно скрывать. По существу, уже в начале Отечественной войны обновленчество умерло, так

как обновленцы сами от него отказались, — старались как можно меньше отличаться от староцерковников.

Переломным моментом в жизни обновленческого руководства явилась эвакуация высшего духовенства из Москвы. В октябре 1941 года, в дни самых горячих и упорных боев в Подмосковье, в которых решалась судьба столицы, в квартире А.И.Введенского, в Сокольниках, раздался телефонный звонок. Приятный мужской голос с некоторой картавостью вежливо попросил А.И.Введенского, чтобы он прибыл в Московский Совет, в отдел эвакуации. Там, в отделе эвакуации, одетый в форму МГБ генерал, с совершенно очаровательной любовью сообщил, что А.И.Введенский со своей семьей и митрополит Виталий сегодня вечером эвакуируются в Оренбург. "Там, в глубоком тылу, вам будет удобнее управлять Церковью, — вежливо заключил он разговор.

Как огорошенный, вышел А.И.Введенский — вышел и снова вернулся, стал указывать на полную невозможность оставить Москву без епископа — то, что он не может с семьей собраться так быстро, что это совершенно невероятная вещь — эвакуировать высшее духовенство из центра в тот момент, когда по всей стране разворачивается грандиозная религиозно-патриотическая кампания.

На все эти возражения генерал отвечал одним словом: "военная необходимость". Что же касается отсутствия епископов, он сказал: "Рукоположите, кандидат, тем более, у вас есть, ну, хотя бы, этот

молодой священник у вас в Сокольниках”. Речь шла о С.И.Ларине.

День эвакуации из Москвы был, вероятно, самым хлопотным днем в жизни Александра Ивановича: Предстояло в один день собраться в дальний путь вместе с большой семьей, собрать вещи... и рукоположить епископа.

Это рукоположение состоялось в тот же день в Воскресенском соборе (в Сокольниках) самым необычным образом. Ввиду полной невозможности совершить литургию, наречение и хиротония должны были состояться в 4 часа дня. Чин наречения и хиротонии должны были совершить А.И.Введенский и митрополит Виталий. Виталий, однако, опоздал к началу. А.И.Введенский начал чин наречения один. Он рассеянно слушал цветистую речь рукополагаемого, когда с трамвайной остановки прибежал запыхавшийся Виталий и занял свое место рядом с А.И.Введенским. Сразу же после наречения архиереи облачились в ризы и, став у Престола, возложили руки на посвящаемого — небольшой хор пропел “Аксиос”. Хиротония совершилась. В тот же вечер, к запасным путям Казанского вокзала подъехал автомобиль, из которого вышел элегантный, взволнованный, интеллигентный человек с внешностью киноактера, в модном осеннем пальто и мягкой шляпе, а с ним, седобородый, высокий, богатырского вида старик: А.И.Введенский и митрополит Виталий. С ними рядом стояли: миловидная, хорошо одетая молодая блондинка и пожилая женщина в черном платье, похожая на монахиню. Пижонистый

молодой человек с усиками, похожий на Александра Ивановича, и другой молодой человек с рыжей бородкой и с безумными, дико блуждающими глазами, от которого пахло водкой, хлопотали около багажника. Это была семья Первоиерарха. Появившийся невесть откуда генерал быстро усадил их в вагон. Там уже сидели несколько скромно одетых людей — руководители баптистской общины — и такой же скромный бородатый человек — старообрядческий Архиепископ Московский и всея Руси Иринарх.

Едва уселись по местам — в дверях суматоха — внесли чьи-то вещи — почтительно раскрылись двери вагона и в вагон вошел среднего роста старичок с седой окладистой бородой, в золотом пенсне, с подергивающимся от нервного тика лицом, одетый в рясу и монашескую скуфейку. "Какая встреча!" — бросился к нему А.И.Введенский. Улыбнувшись, старичок дружески с ним облобызался. "Да, да, какая встреча!" — сказал пожилой блондин профессорского вида, сопровождавший старичка, и тоже троекратно облобызался с А.И.Введенским.

Вошедшие были старые знакомые А.И.Введенского: в последний раз А.И.Введенский видел старичка в скуфейке 19 лет тому назад, осенью 1922 года. А.И.Введенский был тогда молодым преуспевающим протоиереем — заместителем председателя ВЦУ, а старичок — был членом ВЦУ и на осенней сессии в 1922 году они сидели рядом. Теперь А.И.Введенский, уже немолодой и не преуспевающий, был первоиерархом обновленческой церкви, а вошед-

ший носил в это время титул: "Патриарший Местоблюститель Блаженнейший Сергей, Митрополит Московский и Коломенский", а рядом с ним стоял петроградский товарищ юношеских лет А.И.Введенского — митрополит Киевский и Галицкий Николай.

Полный, осанистый протоиерей с благообразным лицом, которое очень портили косые, хитренькие и злобные глаза, стоял рядом и любезно улыбался Николай Калчицкий: претопресвитер. Генерал МГБ улыбался снисходительно и иронически, братья-баптисты и старообрядческий архиерей, скромно потупившись, искоса наблюдали за лобызаниями "друзей". Прелестная блондинка нервно пеленала ребенка.

Так началось не имеющее прецедентов в истории Русской Церкви путешествие иерархов вглубь страны. Чего-чего только не было во время этого путешествия. Под Рузаевкой митрополит Сергей почувствовал себя плохо. Люди в белых халатах забегали вокруг него. Здесь было получено из Москвы сообщение об изменении маршрута: по просьбе Патриаршего Местоблюстителя, вагон вместо Оренбурга отправили в Ульяновск. В этот день впервые шепотком было произнесено имя: "Алексий Симанский" (это было тогда, когда митрополиту Сергию было особенно плохо)... Вскоре, однако, митрополиту стало лучше — путь продолжали. Под Ульяновском произошла бурная ссора между братьями — сыновьями А.И.Введенского, перешедшая в бой, который, по своей ожесточенности, не уступал настоящей битве. Подавленный бурным темпераментом своих сыновей, А.И.Введенский расте-

рянно молчал. Митрополит Сергей робко жался в угол. За окнами мелькали сосны и ели...

Наконец, через неделю, поезд прибыл в Ульяновск — город, который в течение двух лет (1941 — 1943 г.г.) был русским Ватиканом — церковной столицей — местопребыванием высшего русского духовенства. В это время Ульяновск был районным городком Куйбышевской области... До смешного мало изменился городок со времен Гончарова, он жил тихой, сонной жизнью: в городе почти не было ни заводов, ни фабрик, отсутствовала трамвайная линия, автомобили насчитывались единицами.

Война, однако, вторглась и сюда, в эту тихую волжскую заводь: плачущие матери, первые эвакуационные госпитали и эвакуированные москвичи, фантастические цены на рынке... Здесь была одна маленькая церковка на кладбище, похожая на часовню, в которой молодой иеромонах с весьма сомнительной репутацией, много кочевавший по различным течениям, в прошлом, григорьевец, потом — обновленец, ныне и сам хорошо не знавший, кто он такой. После прибытия поезда с патриаршим местоблюстителем молодой иеромонах немедленно изъявил свою покорность, и кладбищенская церковь стала первым форпостом Московской Патриархии на ульяновской земле. Однако форпост был слишком жалкий: патриаршему местоблюстителю негде было даже остановиться — начались лихорадочные поиски храма. Эту проблему разрешить оказалось не так просто: в Ульяновске, городе, когда-то богатом церквами, не осталось не только церквей, но даже хра-

мовых помещений. Гигантская статуя В.И. Ленину возвышалась на самом высоком месте города, там, где когда-то был собор. Сквер был разбит на месте древнего Воскресенского храма. Две городские церкви — Ильинская и Германовская — не были еще снесены, хотя уже давно бездействовали. Однако были они настолько исковерканы, что привести их быстро в сколько-нибудь сносный вид, да еще в военное время, было совершенно невозможно. После долгих совещаний в Горсовете, Колчицкого озарила блестящая идея — переоборудовать под Патриархию бывший костел на улице Водникова (б. Шатальная) с примыкающим подсобным помещением, где жил когда-то ксендз. Вскоре в бывшем костеле открылась небольшая церковка с громким названием Казанский Собор, а в бывшую квартиру ксендза въехал патриарший местоблюститель.

Таким образом, на берегах Волги православие одержало грандиозную победу над католицизмом — увы! — кажется, это единственная победа за последние сто лет. Что касается А.И. Введенского, то первые два дня он сидел в вагоне: "Ульяновск так меня ошарашил, что я буквально не мог себя заставить сдвинуться с места", — вспоминал он. Наконец, ему было сказано: "Ищите любое помещение, которое вам понравится, отдадим под храм". После этого Александр Иванович предпринял экскурсию по городу и после долгих поисков он забрел в самый отдаленный район Ульяновска — на Куликовку. Здесь он увидел странное помещение: деревянный дом (без купола), но несколько напоминающий цер-

ковь. "Бабушка, что здесь раньше было?" — спросил он у первой попавшейся старушки. "Церква, церква здесь была, гражданин. Неопалимая Купина", — ответила бабушка.

"Вот здесь будет наш храм", — подумал Первоиерарх, стал узнавать — что же находится здесь теперь. Энтузиазм Александра Ивановича значительно остыл, когда он узнал, что теперь здесь находится склад МГБ. Однако, то что ему обещали — было выполнено: на другой же день весь скарб был выброшен из помещения и на дверях появилось следующее объявление: "Ввиду предстоящего открытия храма, просят верующих жертвовать иконы". В городском музее Александр Иванович разыскал царские двери и образ Неопалимой Купины — митрополит Виталий договаривался со столяром насчет Престола, высчитывал с каранлашиком в руках длину и ширину. Новый храм был вскоре освящен: на Престоле был положен антиминос из какого-то, давно закрытого, храма, на котором карявым почерком было написано черными чернилами: "Божией Милостью, митрополит Александр Введенский". Полусельский деревянный храм неожиданно стал религиозным центром обновленчества на Руси.

Довольно поместительный внутри, он совершенно не отапливался. Дары часто замерзали в Святой Чаше. Иней лежал на стенах. Зимой там был почти полярный холод. Одетый в шубу с поднятым воротником и в валенках, на клиросе читал и пел, исполняя обязанности псаломщика, — недавний первоиерарх, митрополит Виталий. В храме обычно

присутствовало десять-пятнадцать бабушек, укутанных вместо шуб в одеяла. По воскресеньям народу было больше: иной раз набиралось свыше сотни человек. Все они с некоторым изумлением смотрели на бритого, горбоносого проповедника, который сотрясал своим прославленным голосом деревянные стены и поражал молящихся своеобразной манерой служения.

И сейчас, в старости, манера служить у него осталась прежняя: полудекадентская — от каждого слова, от каждого жеста веяло Блоком, Сологубом, — дореволюционным, декадентским Петербургом.

Он жил недалеко, на улице Радищева, 109, снимая две комнаты в деревянном доме. И здесь, в Ульяновске, он не изменял обычного образа жизни: рояль был главным украшением скромной комнатки. День начинался с Шопена — вечером обычно вступал в свои права Лист: "Ваше Величество, нельзя ли играть потише, а то у нас дети...", — обратилась однажды к А.И.Введенскому соседка. Александр Иванович, без малейшего изумления, обещал играть потише. "Почему она вас так титулует?" — спросил я. "Ну, она же знает, что у меня есть какой-то экзотический титул, только не знает какой", — со свойственным ему юмором отвечал А.И.Введенский...

Для меня всегда останется памятен день 26 декабря 1942 года — морозный, солнечный день, когда я впервые переступил порог маленького дома на улице Радищева. Я приехал сюда из Томска, куда был эвакуирован мой Институт (я был препода-

вателем Ленинградского Театрального института).

”Это очень, очень приятно, что вы приехали. Я так рад вас видеть”, — этой фразой встретил меня в передней хозяин дома.

Я не видел его перед этим девять лет (с 1933 года). Ему исполнилось 53 года, но выглядел он на редкость молодожаво: быстрые, нервные движения, быстро меняющееся выражение лица, хорошо сшитый однобортный пиджак. Лишь седина мелькает в черных курчавых волосах — и немного больше грусти в чудесных глубоких глазах.

Этим утром начался знаменательный период моей жизни — время интимного сближения с человеком, которого я с детства считал своим учителем и вождем, которого я всю жизнь любил и которым безгранично восхищался. Здесь, в Ульяновске, началось наше близкое знакомство, оставившее неизгладимый след в душе навсегда.

Я хотел написать о нем все, что я знаю. И почувствовал, что не могу этого сделать. Слишком дорог мне этот человек и сейчас, чтоб я мог писать о нем объективно, и слишком острую боль вызывают у меня некоторые воспоминания. Не говоря уж о том, что еще живы многие близкие к А.И.Введенскому люди и я должен щадить их чувства.

Буду писать только то, что представляет собой общий интерес.

В памяти всплывают различные, разрозненные картины.

Вот идем мы в воскресенье на Красную горку, в теплый майский лень к литургии. Он в белом клубке. Я иду рядом. "Смотрите — мотыльки — вот, будете писать обо мне воспоминания — не забудьте написать про то, как мы шли с вами служить литургию, а вокруг порхали белые весенние мотыльки", — говорил он.

Исполняя желание покойного, высказанное двадцать лет назад, скажу от себя: и в душе у него всегда была чистая и ясная весна.

Суров и несправедлив суд человеческий — милосерден и праведен Суд Божий, ибо человек всегда субъективен — вполне объективен лишь Бог. И в справедливости выражается богоподобие человека.

Много упреков люди адресуют А.И.Введенскому. В начале этого тома мы и сами говорили о многих предосудительных поступках. Здесь мы скажем: душа у него была красивая и чистая — душа артиста, поэта, гуманиста и музыканта, впечатлительная и восприимчивая ко всему прекрасному.

Он вставал в воскресенье в шесть часов утра — он часто вспоминал Андрея Белого, которой за всю жизнь не пропустил ни одного солнечного восхода. После прогулки он садился за рояль и долго играл, а потом переставал, сидел, задумавшись, над роялем. Я любил смотреть на него в это время: молодое, прекрасное лицо — хорошие и глубокие глаза, проникновенные и лучистые. Но вот — резкое движение: он встает из-за рояля, захлопывает у него крышку и идет в соседнюю комнату читать Правило перед Причащением. К Евхаристии он относился с осо-

бым чувством: "Евхаристия — это основа моей духовной жизни, всей моей религии", — часто говорил он.

А потом он шел служить литургию. Я часто (постоянно почти в тот период) служил вместе с ним. Служил он по-разному: он всегда был человеком настроения. Одно можно сказать: он никогда не служил механически. Я помню одну литургию Преждеосвященных Даров, когда он был настроен лирически и грустно: митрополит Виталий густым басом пел: "Да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою", — а владыка Александр стоял и кадил у Престола — и вдруг он начал плакать и так плакал всю литургию, плакал и утирал слезы и снова плакал, и прерывающимся от слез голосом произносил и возгласы. И какое-то дуновение прошло по храму: у диакона, у певчих, даже у сдержанного и холодного владыки Виталия, у молящихся — у всех на глазах были слезы.

Просто и искренно, без византийской пышности, совершал он эту литургию. "Древне-христианское богослужение, обедня в катакомбах", — подумал я.

Большей частью его служба была, однако, порывистая и эмоциональная. Человек повышенной страстности и горячего темперамента, притом чуткий и впечатлительный, он обычно служил в состоянии особого нервного подъема.

В момент Пресуществления он находился в состоянии особой экзальтации. Громко, каким-то особым захлебывающимся голосом, он читал тай-

ные молитвы евхаристического канона. Во время "Тебе поем", он с каким-то надрывом — напоминающим декадентские стихи — произносил призывание Святого Духа. Потом взволнованно, не слушая диакона, произносил слова благословения Даров. На всю жизнь осталась у меня в памяти интонация, с которой он с мучительным надрывом, не видя и не слыша ничего вокруг, восклицал: "Преложив и Духом Твоим Святым", а затем падал плащмя у Престола и долго лежал и плакал, а потом вставал просветленный, успокоенный, добрый...

Он часто говорил о своих грехах, каялся в них публично... всегда был готов загладить каждый свой грех... Увы! Не всегда их можно было загладить...

Он был широким человеком — интерес к искусству, к науке, к общественно-политическим вопросам был присущ ему органически — он не мог не думать об этих вопросах. Он был христианским социалистом: "Я могу понять — лишь религиозное обоснование социализма", — говорил он часто.

Вернее, его социализм был религиозно-эстетическим социализмом. "Музыка и религия, религия и музыка — вот что в жизни главное — и надо, чтоб жизнь была наполнена этими двумя божественными стихиями", — часто говорил он.

И отсюда, Анри Бергсон. Он был убежденным последователем французского философа — в Бергсоне его привлекала, как мне кажется, не столько сама философская система, сколько общая религиозная эстетическая окраска — свойственная про-

изведениям великого философа. Я часто спорил с А.И.Введенским в это время. Мне, идущему от Гегеля, была неприятна та антирационалистическая струя, которой проникнуты произведения Бергсона.

Однако Александр Иванович твердо стоял на позициях интуитивизма: по его глубочайшему убеждению, в основе жизни лежит не разум, а мощные жизненные стимулы, их стихийное течение и сплетение — это есть жизни.

Христианство и сам Христос есть воплощение мощных и прекрасных стимулов — реализация божественной стихии, которая действует в мире. Тогда, как дьявол есть субстанция, в которой воплощены все темные, уродливые стихии мира сего.

Оба начала, однако, начала стихийные, иррациональные, в этом был непоколебимо уверен Александр Иванович.

”Каково же место человеческого разума в этом мире? — спросил я однажды.

”Это нечто временное, срединное, равновесие между стихиями”, — услышал я в ответ — и он с чувством процитировал мне В.Соловьева:

”И тяжкий сон житейского сознанья
Ты отряхнешь, тоскуя и любя”.

Мы часто разговаривали с ним о смысле жизни и философии, гуляя весной 1943 года по берегу Волги. Свежий ветер дул с реки — стояла чудесная русская весна... Между тем шла кровавая истребительная война. Жизнь ставила новые и новые вопро-

сы — в церковной жизни назревали важные перемены.

“Обновленчество потерпело крах”, — сказал однажды с присущим ему чувством реализма митрополит Виталий.

Конечно, и Александр Иванович не мог не видеть того, что крах недалек. Однако, слишком дорого ему было дело всей его жизни, чтоб он мог легко примириться с его провалом. Он не мог и не хотел принять этого несомненного факта. Конечно, и для него было ясно, что обновленчество не может стать господствующим течением в Русской Православной Церкви. При этом, он не обманывался насчет действительных причин этой невозможности: “Вся беда в том, — говорил он неоднократно, — что в глазах народа мы являемся, говоря языком Великой Французской Революции, — присяжным духовенством. Нас больше всего компрометирует Красницкий, тогда как Антонин Грановский (несмотря на все свои сумасбродства) нас нисколько не компрометирует”.

Введенский, однако, считал, что можно сохранить обновленчество, но в качестве своеобразного течения — типа старообрядческого толка, или, если угодно, секты.

Я помню один из его примеров: Армяно-Григорианская Церковь. “Она существует полторы тысячи лет, как своеобразное подобие Вселенской Церкви, — сказал он однажды, — вот видите, насколько самодовлеющей может быть ересь. Почему бы и нам не сделать нашу, так сказать, “ересь” столь же само-

довлеющей, как Армяно-Григорианская Церковь!” — задал он риторический вопрос.

Я промолчал. Тогда я еще не понимал, почему нельзя этого сделать, но мне не нравился провинциализм религиозного течения, живущего местническими интересами и на отшибе от Вселенской Церкви.

Увы! Теперь и ясно и отчетливо понимаю, почему предположение А.И.Введенского было нереально и утопично.

Религиозное течение (раскол, ересь, секта) могут существовать, действительно, тысячелетия (“Тому в истории мы тьму примеров слышим”). Однако, при одном неперемennom условии: это течение должно отвечать заветным, сокровенным чувствам какого-то, более или менее многочисленного слоя людей. Так, например, армяно-григорианская церковь существует полторы тысячи лет потому, что она (независимо от монофизитской доктрины) стала национальным знаменем многострадального, расеянного по миру народа. Лишь держась на гребне религиозного фанатизма, может выплыть на историческую поверхность любое религиозное течение. Такая возможность была у обновленчества в двадцатых годах, — и эта возможность могла бы осуществиться, если бы обновленчество пошло путем, которым призывал идти Антонин — путем смелых литургических и канонических реформ. Получилось бы малочисленное, но влиятельное своеобразное течение, и оно нашло бы своих энтузиастов и фанатиков. Однако, обновленчество во главе с А.И. Вве-

денским отвергло Антонина. О причинах очень откровенно сказал мне однажды А.И.Введенский: "Я вам скажу правду: я испугался, что останусь один". Но, отказавшись от всяких реформ, обновленчество стерло с себя всякое своеобразие и превратилось в узко-профессиональное "поповское" движение, совершенно неспособное вызвать в ком-либо энтузиазм, и этим преопределило свой конец.

Конец наступил весной 1944 года. Меня в это время в Ульяновске уже не было, но, по многочисленным рассказам непосредственных участников событий (в том числе, и самого Александра Ивановича), я хорошо знаю обстоятельства катастрофы, которая постигла обновленцев. Осенью 1943 года состоялась знаменитая встреча И.В.Сталина с тремя митрополитами, — после восемнадцатилетнего перерыва Русская Церковь вновь увенчалась Патриархом. И Александр Иванович, в здоровье которого проявился перед этим первый тревожный симптом — парез — вскоре также вернулся в Москву, оставив митрополита Виталия и семью в Ульяновске.

В Москве он вступил в управление епархией, — и каждое воскресенье служил с большим торжеством в одном из обновленческих храмов. В провинции все было спокойно, — лишь носились какие-то неясные слухи. В Октябрьский праздник 1943 года А.И.Введенский, по установившейся уже традиции, послал приветственную телеграмму И.В.Сталину, которая была опубликована в прессе. Неясным оставалось лишь юридическое положение обновленчества — в это время были учреждены две прави-

тельственные инстанции — Совет по делам Русской Церкви и Совет по делам религиозных культов. А.И.Введенский хотел поставить бы обновленчество в ведение Совета по делам религиозных культов, — это создало бы религиозную легализацию, и, наряду с католиками, протестантами, баптистами, могло бы существовать обновленчество. А.И.Введенскому, однако, без каких бы то ни было оснований, было отказано в его просьбе, — по-прежнему, он оставался в ведении Карпова (в Совете по делам Православной Церкви). Получался юридический нонсенс, который не предвещал ничего доброго: власть упорно отказывалась рассматривать обновленчество как независимое религиозное течение, — обновленчество оставалось частью Православной Церкви.

Между тем ранней весной в семейной жизни А.И.Введенского произошло радостное событие: у него родилась дочь Ольга — в Ульяновске, где проживала его семья. Заботливый и нежный семьянин, А.И.Введенский в Ульяновск поехал. Карпов достал ему пропуск — с возвращением в Москву (напомним, что во время войны все переезды из одного города в другой совершались только по пропускам или по командировочным удостоверениям).

Охотник до каламбуров мог бы сказать: день рождения Ольги стал днем смерти обновленчества: действительно, поездка А.И.Введенского в Ульяновск очень облегчала дело ликвидации обновленческого раскола.

После благополучного появления на свет дочери и ее крестин Александр Иванович стал соби-

ратся в обратный путь. Здесь следует упомянуть об одном незначительном, но очень характерном эпизоде: в то время в Ульяновске подвизался некий иеромонах Феодосий. Человек морально растленный и во всех отношениях нечистоплотный, Феодосий побывал во всех течениях и, изгнанный отовсюду с позором, примазался к обновленцам. Как всем было известно, Феодосий был штатным агентом МГБ. И вот, приходит пьяненький иеромонах к одному из сыновей А.И.Введенского накануне отъезда Первоиерарха в Москву и заявляет: "А владыка-то в Москву не уедет, а пропуск-то окажется недействительным. Вот увидите!"

Никто не обратил тогда внимания на эту пьяную болтовню. И вот, на другой день выяснилось, что пьяненький иеромонах оказался провидцем. Когда Первоиерарх в поезд уже сел, к нему подошел проводник в сопровождении двух работников МГБ и попросил предъявить пропуск. После того, как пропуск был предъявлен, один из работников его перечеркнул и, сунув в карман, вежливо заявил: "Извините, но пропуск вызывает у нас сомнение, — и нам придется запросить Москву. Тотчас, после проверки, вам будет выдан новый пропуск". И, козырнув, он прошел в следующее купе, а Первоиерарху ничего другого не оставалось, как выйти из вагона за пять минут до отхода поезда.

Когда-то, в 20-х годах, Александр Иванович в одной из своих речей назвал "тихоновцев" пассажирами, опоздавшими на поезд советской государственности. Теперь в роли злополучного пассажира

(и в буквальном, и в переносном смысле) оказался он сам.

В течение недели сидел А.И.Введенский в Ульяновске и каждый день он говорил по телефону с архиепископом Андреем (Расторгуевым), и каждый разговор приносил ему какой-нибудь сюрприз.

В первый же день Первоиерарх узнал о том, что в Патриархию отошло Ваганьковское кладбище, затем последовало Дорогомиловское, затем — Пятницкое, Калитниковское, Даниловское. Еще два дня молчания, — и Первоиерархом была получена телеграмма от А.И.Расторгуева о том, что он со всем приходом Воскресенского собора в Сокольниках отходит к патриарху. Дом № 34 по Сокольническому переулку, принадлежащий А.И.Введенскому, в котором проживал архиепископ Звенигородский, будет, — сообщал он, — им немедленно покинут. Таким образом, в течение одной недели в Москве остался лишь один обновленческий храм — Пименовский.

Не радовали и вести из провинции: совершенно прекратились всякие известия из Средней Азии. Отчаянные телеграммы А.И.Введенского епископу Сергию Ларину, Гр. Брицкому и И.Е.Лозовому оставались без ответа. Наконец, пришла сухая телеграмма от прот. Лозового (личного эмиссара А.И.Введенского), в которой сообщалось, что Средне-Азиатская епархия признала патриарха, "в связи с чем, поминовение Вашего имени за богослужением нами прекращено".

Это был страшный удар: ведь Средняя Азия

была главной цитаделью обновленческой церкви, насчитывавшей 90 с лишним храмов и молитвенных домов. Как мне удалось выяснить впоследствии, из Средней Азии (из Киргизии, из Казахстана) летели в Москву и в Ульяновск к А.И.Введенскому сотни писем и телеграмм от священников и мирян с запросами, — однако ни одного письма А.И.Введенский не получил. Вслед за Средней Азией пали две другие обновленческие епархии и твердыни — Кубань и Северный Кавказ.

Таким образом, обновленческая церковь рассыпалась вся в течение десяти дней, — после этого срока А.И.Введенский получил из транспортного отдела МГБ обратно свой пропуск с извинением и с извещением, что, в результате проверки, пропуск "подтвержден".

Печальным было возвращение А.И.Введенского в Москву. Оно было подобно возвращению хозяина, который, по возвращении, нашел вместо дома пепелище.

В ведении А.И.Введенского остались всего два епископа: митрополит Виталий и митрополит Северо-Уральский Филарет (все остальные принесли покаяние перед патриархией и отошли от обновленчества). В его ведении не осталось ни одной епархии, — и в самой Москве у него остался лишь один храм: Пименовский. Зато Карпов встретил прибывшего из Ульяновска гостя с утонченной любезностью: он сердечно поздравлял с рождением дочери, передавал привет супруге, подробно расспрашивал о здоровье и т.д. Тут же он обещал оказать содействие в возвра-

щении в Москву семьи А.И. и митрополита Виталия, — и он сдержал это слово: через несколько дней пропуск был получен.

Таким образом, взамен утерянной церкви, А.И. Введенскому было предоставлено право наслаждаться семейными радостями. Впрочем, при возвращении семейства, произошел характерный эпизод, который не предвещал ничего доброго. В это время А.И. Введенский проживал в Сокольниках, в доме № 34 по 3-ей Сокольнической ул. Здесь помещался когда-то обновленческий синод и, так как Церковь тогда не имела права юридического лица, дом был куплен на имя А.И. Введенского. Проживал он здесь до войны совместно с митрополитом Виталием. Но семейные обстоятельства А.И. Введенского были таковы, что совместное проживание с кем бы то ни было, а особенно с другим иерархом, было очень тягостно. И вот, при возвращении ульяновских беженцев в Москву, разыгрался следующий эпизод: А.И. Введенский встретил своего собрата и свою семью на вокзале. Однако, к изумлению митрополита Виталия, для приезжих был подан не один, а два автомобиля. Вторым автомобилем — предназначался для владыки Виталия, — и тут Александр Иванович со смущенной улыбкой объяснил, что из "соображений ваших удобств, владыко, я договорился с матерью Анны Павловны о том, что она пока предоставит вам помещение". Сдержанный Виталий молча наклонил голову и поехал в свою новую резиденцию, которая помещалась в полуподвальном этаже.

Затем начались церковные будни. Отныне московский быт обновленческого руководства мало чем отличался от ульяновского. Также имелся только один храм. Митрополит Виталий, фактически превратившийся в заштатного священника, так же исполнял обязанности псаломщика и тщательно делил кружку. Наконец, так же, как в Ульяновске, причт состоял, главным образом, из сыновей А.И.Введенского: трое из шести. Через две недели, перед Великим Постом, произошло, однако, новое завершающее и окончательное событие: неожиданно исчез митрополит Виталий, — вдруг перестал ходить в церковь (обычно он аккуратно посещал богослужения утром и вечером). После нескольких дней отсутствия Александр Иванович в сопровождении сына отправился его навещать. Войдя в комнату, они увидели митрополита, сидящего в шубе (в 1944 году паровое отопление в Москве во многих домах еще не действовало). Поднявшись навстречу Первоиерарху, митрополит Виталий сказал: "Владыко, я перешел к Патриарху". "Вы каялись?" — спросил А.И.Введенский. "Да, надо мною прочли молитву", — ответил Виталий. Через несколько минут закончилась последняя встреча двух обновленческих первоиерархов.

Уход митрополита Виталия (теперь он получил от патриарха Сергия титул Архиепископа Тульского и Белевского — впоследствии, Архиепископа Димитровского) был последним завершающим ударом по обновленчеству.

Совершилось как раз то, чего всю жизнь боялся

А.И.Введенский, — он остался один. Между тем пока А.И.Введенский переживал очень тяжело и мучительно крах своего дела, на периферии завершался процесс ликвидации обновленчества: из обновленческих архиереев лишь двое — архиепископ Виталий и епископ (впоследствии, митрополит) Корнилий были приняты в сущем сане. Несколько до раскола женатых и рукоположенных архиереев были приняты, как протоиереи: Василий Кожин, Петр Турбин (бывший Тульский и Белевский), Андрей Расторгуев, Владимир Иванов, Анатолий Сеницын. Трое — С.И.Ларин, С.В.Румянцев и Димитрий Лобанов, получившие все священные степени в обновленчестве, были приняты мирянами (Сергий Ларин — монахом) и должны были начать с пострижения в псаломщики и иподиаконы. Правда, через некоторое время все опять встало на свои места. Женатые архиереи преобразились в протоиереев, а неженатые — снова получили епархии.

В это время возвращаются из ссылки еще несколько обновленческих архиереев, которые также соединяются с патриархом: Сергей Иванцов, бывший архиепископ Запорожский, был принят протоиереем, Тихон Ильич Попов — бывший митрополит Воронежский — принят протоиереем и назначен ректором Богословского института.

Михаил Постников (архиепископ б. Царицынский) принят в сущем сане и вскоре назначен епископом Пензенским и Инсарским.

Александр Щербаков, архиепископ Витебский, принят протоиереем.

Покаяния обновленческих архиереев происходили в патриархии, а покаяния рядового обновленческого духовенства также были келейными (происходили в алтаре).

Епархии, бывшие сплошь обновленческими, принимались архиереем, специально назначенном для этого патриархией: так, Средне-Азиатскую епархию принимал архиепископ Куйбышевский Алексий, а Северо-Кавказскую и Кубанскую, епископ (впоследствии митрополит) Ставропольский и Бакинский Антоний.

Вскоре из числа обновленческого епископата осталось три человека: митрополит Северо-Уральский Филарет (Яценко), архиепископ Алексий (Курилев) и архиепископ Гавриил (Ольховик). Из этих трех архиереев самой колоритной и характерной фигурой был митрополит Филарет. К этому времени ему было уже около 60 лет, однако владыка почему-то любил преувеличивать свой возраст и говорил, что ему 86 лет. Бывший гусарский офицер, принявший монашество задолго до революции, Филарет Яценко в течение долгого времени был архимандритом в различных украинских монастырях. Присоединившись в 1923 году к расколу, он был рукоположен во епископа. В 1931 году он совершенно исчезает с арены — что он делал, где он в это время был — никому не ведомо. Появляется он вновь лишь в 1942 году в Ульяновске. Здесь происходит характерный эпизод — митрополит Филарет подает заявление А. И. Введенскому о том, что он просит призвать его с покоя и предоставить ему кафедру.

Тут же он был назначен митрополитом Свердловским и Северно-Уральским. Впоследствии, однако, выяснилось, что одновременно с заявлением А.И.Введенскому Филарет Яценко подал заявление и патриаршему местоблюстителю. Не знаю почему: вследствие ли этого опрометчивого шага или впоследствии каких-либо других причин, — но когда Филарет Яценко после развала Северо-Уральской епархии постучался в двери патриархии, он нашел их наглухо запертыми. Поэтому-то он и оказался единственным обновленческим архиереем, которому было категорически отказано в приеме в Православную Церковь.

Приехав в Москву, Филарет занял вакантное место, оставшееся после ухода Виталия, он стал также безместным священником при Пименовском храме — с громким титулом митрополита Крутицкого. В это время неожиданно появился в Москве Алексей Курилев (бывший епископ Петропавловский). Типичный сельский священник и по своему характеру, и по своему кругозору), о. Алексей совершенно случайно в двадцатые годы попал в провинциальные обновленческие епископы, а в 1930 году — в эпоху колхозного переворота — тихо и незаметно покинул архипастырскую работу и занимался где-то в глуши физическим трудом.

Теперь, после войны, Алексей Курилев поселился под Москвой у сына. Изредка он служил вместе с А.И.Введенским (у Пимена), тщательно скрывая это от своих детей (сына и дочери), которые каждый раз, узнавая совершенно случайно о служе-

ниях отца, устраивали ему безобразные скандалы. Где-то в глубине Средней Азии до 1947 года в киргизском селе служил в качестве сельского священника епископ Гавриил Ольховик. Вот все, что осталось от обновленческой организации к концу войны.

Единственным обновленческим храмом, признанным официально, был Пименовский храм в Москве. Лицо пименовского прихода того времени — это лицо умирающего — слабо тлеющего, догорающего обновленческого раскола.

Я вспоминаю об этих последних днях обновленчества, как о каком-то кошмаре. Кошмарное впечатление производил даже самый внешний вид храма: долгие годы не ремонтировавшийся, с осыпавшейся штукатуркой, с потускневшей живописью, храм носил на себе печать "мерзости запустения".

Нерачительный хозяин, человек богемы, А.И.Введенский был совершенно беспомощен в роли настоятеля. Было и еще одно обстоятельство, определявшее плачевное состояние приходского хозяйства: доходы прихода должны были восполнить исчезающие доходы, стекавшиеся в кассу Первоиерарха еще недавно со всей страны.

Еще более кошмарное впечатление производил причт Пименовского храма: около А.И.Введенского в это время — оставались лишь одно обновленческие подонки. Наиболее популярным в приходе священников был некий отец Никита — безграмотный старенький попик, рукоположенный из пса-

ломщиков — он остался с А.И.Введенским по причине второбрачия. В 1944 году А.И.Введенскому пришла в голову безумная мысль рукоположить его в епископа несуществующей епархии (Бог знает зачем — видимо, чтоб сохранить на всякий случай обновленческую иерархию). И совместно с Филаретом Яценко, А.И.Введенский произвел чин наречения. Однако, накануне хиротонии, долженствующей произойти в ближайшее воскресенье, на квартиру к А.И.Введенскому позвонил по телефону Трушин (уполномоченный по делам Русской Православной Церкви по Московской области). "Передайте Александру Ивановичу, — сказал он секретарю, — что я категорически запрещаю служить Филарету Яценко, как незарегистрированному". Хиротония, таким образом, отпала автоматически.

О. Никита, однако, носил после этого панагию и выходил на малом входе с посохом, считая себя "нареченным" епископом.

Другим священником был о. Андрей Введенский — один из сыновей Александра Ивановича. Человек психически и умественно ненормальный, хронический алкоголик, о. Андрей был знаменит своими скандалами. Его богослужения производили жуткое впечатление: казалось, служит человек, находящийся в белой горячке и сбежавший из сумасшедшего дома. Об этом неудачном отпрыске Первоиерарха, носящем на себе скорбную печать вырождения, можно было бы сказать многое. Есть, однако, обстоятельство, которое несколько примиряет с его помятью: он погиб трагической, страдальче-

ской смертью. Выгнанный отовсюду после смерти отца, несчастный пьяненький священник по Москве скитался еще долго, живя за счет панихидок, которые он служил на кладбищах. В 1948 году за какие-то пьяненькие высказывания Андрей Александрович был арестован, несмотря на то, что психическая ненормальность была совершенно очевидна. Бериевская мясорубка заработала — А.А.Введенский получил стандартные десять лет и был заключен в Каргопольском лагере (в Архангельской области). Через три года он трагически погиб во время безумной попытки к бегству: в тот момент, когда заключенные шли строем на работу, Андрей Александрович вырвался рывком из строя и побежал по направлению к лесу. Восемь выстрелов в спину, изрешетившие несчастного — такова была расправа МГБ с психически ненормальным человеком.

Таковыми были два священника, служившие у Пимена с А.И.Введенским вместе.

Полусумасшедший пьяница, диакон Рождественский — лишь немногим отличающийся от о. Андрея, — А.А.Введенский, также служивший диаконом (агент КГБ и в прошлом уголовник), и еще несколько причетников довершали картину.

Справедливости ради, надо отметить, что на этом же фоне промелькнуло все ж два порядочных человека. О. Иван Андреевич Попов — бывший учитель, пришедший в Церковь по призванию, глубоко религиозный человек, рукоположенный А.И.Введенским в священника, и Владимир Александрович ("Володя") — третий сын А.И.Введенского — доб-

рый, бесхитростный мальчик, служивший в это время диаконом — представляли собой некоторый — на темном мрачном фоне обновленческих подонков — просвет.

Сам А.И.Введенский находился в это время в состоянии тяжелой моральной депрессии, — наступил самый страшный, тяжелый период его жизни. Его проповеди — ничем не напоминавшие прежнего А.И.Введенского, собирали, однако, огромное количество людей: искорки гения, хотя и потухшего и почти бессильного, все же согревали людские души.

Последние два года жизни А.И.Введенского — это период непрерывной тоски и непрерывных унижений.

Оставшись совершенно один, теснимый со всех сторон, А.И.Введенский сделал в это время несколько попыток примирения с Церковью. Эти попытки, совершенно бесплодные, лишь отравили его душу, унизили его в собственных глазах.

Первоначальная попытка была сделана А.И.Введенским на Пасху 1944 года, когда он послал пространную телеграмму патриарху Сергию. Патриарх упоминает об этой попытке в одном из своих писем епископу Александру, напечатанном в книге "Патриарх Сергий и его духовное наследство". М. 1947 г.

"А.И.Введенский решил сделать нечто великое или, во всяком случае, громкое, — пишет патриарх, — прислал мне к Пасхе телеграмму: "Друг друга обьемем" — себя именует руководителем меньшинства в православии, меня — руководителем боль-

шинства. Телеграмма подписана: доктор богословия и философии, Первоиерарх православных церквей в СССР. Я ответил: А.И.Введенскому. За поздравление благодарю. Воистину Воскресе. Патриарх Сергей. Дело, мол, серьезное и дурачиться не полагается...” (стр. 228).

Перед Собором 1945 года А.И.Введенский через Карпова пытался получить приглашение на Собор — тщетная попытка. В дни Собора А.И.Введенский делал несколько попыток встретиться с прибывшими в Москву Восточными Патриархами. Снова неудача. Наконец, после Собора, А.И.Введенский капитулировал: помянул на Великом Входе патриарха Алексия и стал публично молиться об успокоении патриархов Тихона и Сергия.

В июне 1945 года он написал письмо патриарху Алексию. Начались тягучие, заранее обреченные на неудачу, переговоры с патриархией.

Получив приглашение, А.И.Введенский в белом клобуке, в панагии направился в Чистый переулок, в патриархию. Патриарх Алексей, однако, его не принял: он в это время сидел в саду и не вышел к посетителю. А.И.Введенского принял Н.Ф.Колчицкий. Любезно показав гостю помещение патриархии, Н.Ф.Колчицкий усадил его в зале, — начались переговоры. Первоначальный проект А.И.Введенского — быть принятым в сане епископа (причем А.И.Введенский изъявлял готовность изменить свое семейное положение) отпал сразу. Тогда был выдвинут новый проект: вопрос о сане оставить открытым и принять А.И.Введенского в качестве профессора Ду-

ховной Академии. Однако и этот проект не удовлетворил Н.Ф.Колчицкого, разыгравшего из себя этакое "неусыпного стража Православия". Он потребовал покаяния. На этом первое свидание было окончено. В ближайшие месяцы у А.И.Введенского появился сильный союзник — митрополит Николай, который высказывался за компромиссное решение. Однако твердокаменная преданность православию Н.Ф.Колчицкого, видимо, думавшего, что, таким образом можно заставить людей поверить в его идейность (Н.Ф.Колчицкий и идейность!*), и глухая антипатия патриарха, оставшаяся с 1922 года, — сделали свое дело. В сентябре Колчицкий объявил по телефону окончательное решение. А.И.Введенский после покаяния может быть принят лишь мирянином, и единственное место, которое ему может быть предоставлено — это место рядового сотрудника журнала "Московский патриархий".

Все было кончено: судьба А.И.Введенского была определена: отныне он был осужден на полное одиночество до конца своих дней.

При характере Александра Ивановича, при его потребности в триумфах, при его жажде разнообразия — это был смертный приговор.

И вскоре наступила смерть.

Тревожные симптомы, говорившие о тяжелом заболевании, обозначились еще в Ульяновске — осенью 1943 года. "Гипертония в тяжелой форме", — та-

* Н.Ф.Колчицкий — самый доверенный и самый злобный из агентов КГБ.

ков был диагноз, поставленный ульяновскими и подтвержденный московскими врачами. Тяжелые переживания, связанные с распадом обновленчества, тяжелые семейные неурядицы, при нервной, импульсивной натуре Александра Ивановича, усилили болезнь: в ночь на 8 декабря 1945 года его разбил паралич.

Очень медленно стал он поправляться после удара. Я видел его во время болезни трижды. Я пришел к нему Великим Постом в 1946 году, он принял меня ласково, и невесело провел по комнатам, указал на постель. "Вот мой враг", — сказал он, — как ужасно лежать здесь одному, бессонной ночью — как ужасно!" — повторил он еще раз. Грустен он был и на Пасху. Он служил (несмотря на болезнь) всю Страстную неделю, а на Пасху не мог. Он вышел ко мне в светлом праздничном костюме.

"Христос Воскресе" — сказал он и тут же прибавил: "Последняя Пасха".

Особенно врезалась в память последняя наша беседа — 20 июня 1946 года. Мы сидели с ним в саду, он в глубоком плетеном кресле, я — около, на скамеечке. Он был настроен нервно и все время метался, порывался куда-то идти. Болезнь страшно изменила его, — передо мной сидел уже старый, седой человек.

Речь его, больная и путанная, однако, сверкала блесками таланта, — того чудесного таланта, который всегда так радовал собеседника.

"Я предпочитаю общество автомобилей обществу людей, — бросил он мельком, — уж они-то не

меняют своих убеждений”, — и, чувствуя на себе насмешливый, скользящий взгляд собеседника, я смущенно ответил: “Но ведь они и не любят, и не привязываются, владыко”.

“Да, да, это правда, не любят и не привязываются. А вы меня любите?” — глаза смотрят также насмешливо и иронически, — теперь прямо в упор.

Серьезно и несколько смущенно я отвечаю: “Да, люблю”, — и начинаю говорить о том, как много значил он в моей жизни и что он был предтечей того, кто еще должен придти, и вдруг смущенно замолкаю, заметив, что употребил глагол “был”.

“Ну, да, да!” — отвечает он, — “Лютер пришел не сразу. У него были предшественники”, — замечает он, делая ударение на “были”.

Чтобы переменить тему разговора, я рассказываю, как недавно я прочел его юношескую работу: “Причины неверия русской интеллигенции” и о своем впечатлении от нее. Он внимательно слушает, опускает голову и его побледневшие губы произносят латинскую фразу: “Я сделал, что мог, кто может, — пусть сделает больше”.

После обеда быстро прощаюсь, чтобы не утомлять больного.

Провожает меня до дверей — и в дверях обнимает, трижды целует, а я целую его руку: чудесную тонкую руку, руку пианиста, артиста, гения, теперь — слабую и жалкую, бормочу что-то нечленораздельное, чувствуя комок, подступивший к горлу.

И он снова меня целует и бледные губы шепчут: “В последний раз!”.

Он умер 25 июля 1946 года в жаркий летний полдень. За несколько дней до смерти был новый последний уже удар.

Он был в сознании до самой последней минуты и смотрел прямо перед собой блестящими, осмысленными глазами.

“Хотите причаститься?” — спросил священник, о. Иоанн Попов.

“Хочу”, — твердо ответил он — и до последней минуты все смотрел куда-то вдаль, как бы всматриваясь в наступающую новую жизнь.

26 июля я видел его мертвого. На смертном одре он снова помолодел, — и теперь был почти таким, каким был в последние годы. Белый подрясник, епитрахиль и малый омофор (он еще не был облачен), густые, черные ресницы и печать тихого раздумья на челе, — такое лицо у него было во время наших вечерних волжских прогулок, во время задушевных дружеских бесед.

Я поцеловал его мертвое лицо, а потом долго стоял около смертного одра и думал и, помню, мелькнуло у меня в голове определение: “Романтик в рясе! Романтик!..”

Серая, скучная прозаическая жизнь никогда не удовлетворяла его, — все яркое, необычное, прекрасное привлекало. И он хотел, чтобы жизнь была яркой, необычной, красивой.

Его похороны состоялись в воскресенье 28 июля 1946 г. в Пименовском храме. Служили два архиерея — митрополит Филарет Яценко и архиепископ Алексей Курилев и 12 заштатных священников.

Желая воздать последнюю почесть покойному, я облачился в этот день (в первый и последний раз после Ульяновска) в диаконский стихарь и стоял с рипидой у гроба во время отпевания. А потом я нес гроб, — гроб с телом покойного внесли через царские двери и алтарь и затем трижды обнесли вокруг храма. Он погребен на Калитниковском кладбище, за алтарной стеной, в одной могиле с Зинаидой Савишной — своей горячо любимой матерью...

И наступил конец. Через два с половиной месяца, 9 октября 1946 года — в день св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова, в Пименовском храме была отслужена последняя обновленческая литургия. Накануне было получено предписание от Совета по делам Русской Православной Церкви о передаче Пименовского храма в ведение патриархии. В середине обедни в храм вошел вновь назначенный настоятель о. Николай Чепурин в сопровождении новой двадцатки. Он сердито договаривался, стоя у свечного ящика, об условиях передачи храма. Горстка молящихся сиротливо жалась к алтарю. О. Никита в алтаре торопливо читал молитвы евхаристического канона... Через полчаса обновленцы поки-

нули храм, — обновленчество прекратило свое существование на 25 году своей истории...

Эти воспоминания я начал на Кавказе, у подножья Машука и Бештау. Я заканчиваю их в Москве, у себя, в пригороде. И сюда, на север пришла весна — солнышко ярко светит, капли падают с крыш, тает снег...

И хочется верить, что скоро придет Весна в мир, наступит Весна Церкви — эпоха Преображения, обновления, возрождения душ человеческих.

Об этой весне говорили, проповедовали, писали многие: Федор Достоевский, Владимир Соловьев, Антонин Грановский, — все они предчувствовали наступление Весны, — и о духовной религиозной весне человечества мечтал тот, кому посвящены эти страницы — великий оратор, проповедник, искатель — Александр Иванович Введенский.

И еще два слова. Эту главу я озаглавил "Суд" и, предчувствую, многие обидятся на меня. Пусть не обижаются... Это суд прежде всего над самим собой. Одни говорят о радости творчества, другие говорят о его муках.

Для меня оно — прежде всего — суд.

Я не придавал никогда никакого значения суду человеческому, будь то суд государства, общества или отдельных лиц, — не признаю и не принимаю

никакого суда, кроме Суда Божия и суда совести.
И творчество — проявление этого суда.

”Творить — это значит снова
С троллями в сердце — бой.
Творить — это суд суровый,
Суд над самим собой”.

Г. Ибсен (пер. Адмони).

Пятигорск — Москва
5-21 марта 1962 г.

А.И.Введенский, 1927 г.

А. Введенский, 1924 г.

